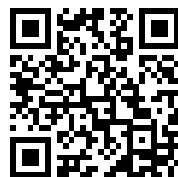

This is a reproduction of a library book that was digitized by Google as part of an ongoing effort to preserve the information in books and make it universally accessible.

Google™ books

<https://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Житье и деятельность Ивана Наумовича

Осип Андреевич Мончаловский

ВІБЛІОТЕКА
ГР. КАТ. КАПІТУЛИ
в Перемислі

ЖИТЬЕ
И
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ИВАНА НАУМОВИЧА.

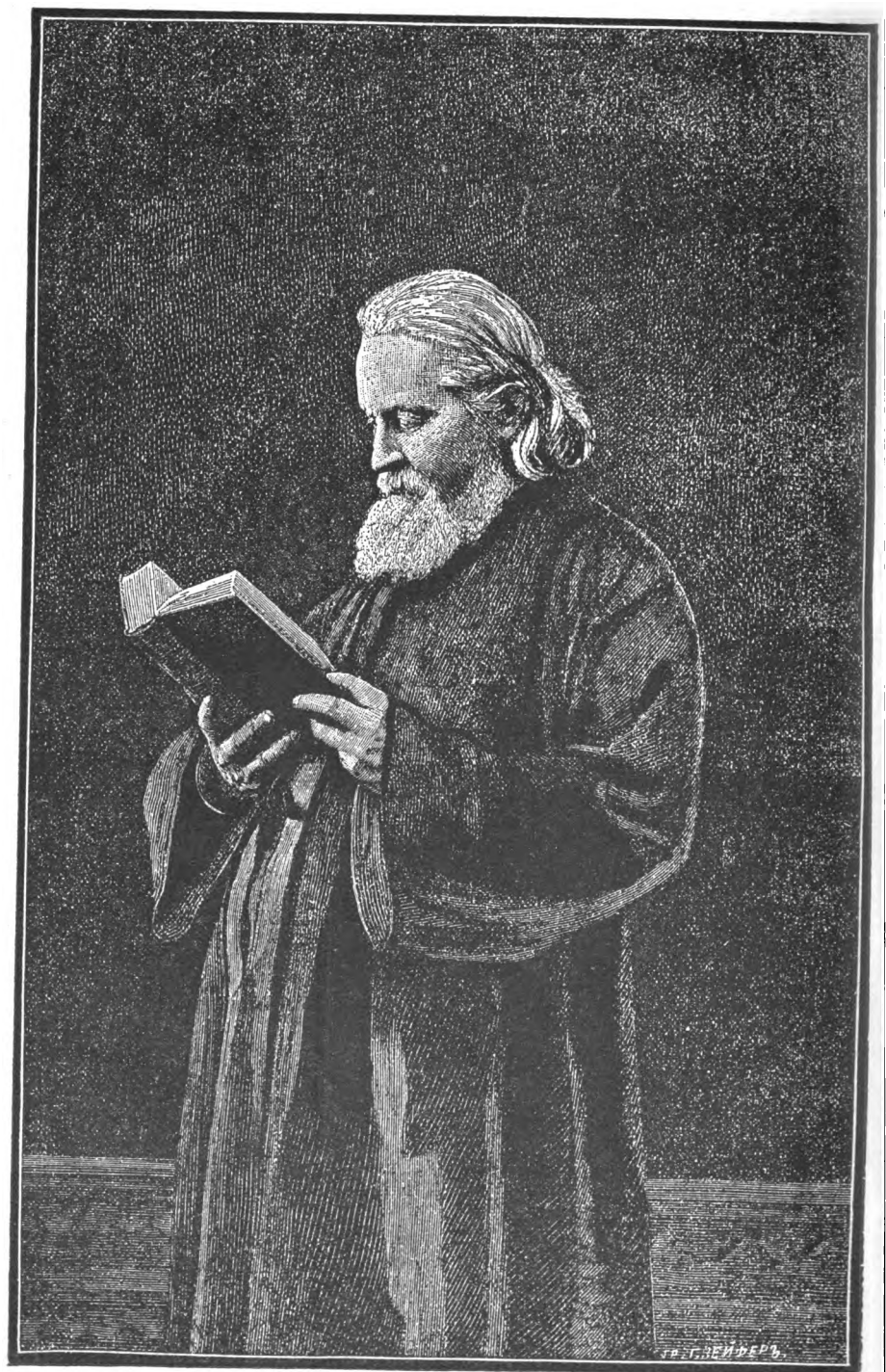

НАПИСАЛЪ
О. А. МОНЧАЛОВСКІЙ.

Издание политическаго Общества
„РУССКАЯ РАДА“ во Львовѣ.

Цѣна 50 кр.

**БІБЛІОТЕКА
ГР. КАТ. КАПІТУЛИ
в Перемислі**

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.

Monchalovskii, Osip Andreevich

ЖИТЬЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ИВАНА НАУМОВИЧА.

НАПИСАЛЪ

О. А. МОНЧАЛОВСКІЙ.

Издание политическаго Общества „РУССКАЯ РАДА“ во Львовѣ.

БІБЛІОТЕКА
ГР. КАТ. КАПИТАЛА
в Перемислѣ

ЛВОВЪ.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ Осипа Данилюка.

1899.

STANDARD

PG3467 -

1127 Z8

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.

Житіе Ивана Григорьевича Наумовича*) и описание его дѣятельности во благо русскаго народа въ Галичинѣ, а по части и въ Буковинѣ, составляетъ часть исторіи Прикарпатской Руси, обнимающую полныхъ 40 лѣтъ. Початокъ той исторіи припадае въ 1851 г., коли Иванъ Наумовичъ выступилъ на поприще народной дѣятельности, а кончится съ его смертію въ 1891 г., ибо хотя послѣдніи шесть лѣтъ своего житія онъ провелъ въ Россіи, все таки онъ не переставалъ живо и сердечно заниматься своею отчиною и своими земляками и трудился для нихъ не только въ назначенныхъ для нихъ журналахъ и газетахъ, но и другими способами. Съ выступленьемъ Ивана Наумовича на поприще народной дѣятельности начинаеся въ Галичинѣ эпоха усиленнаго труда въ цѣли просвѣщенія простаго народа и въ цѣли уменьшенія его нужды. И та эпоха не кончилась съ его смертію, або Иванъ Наумовичъ оставилъ русскому народу въ спадщинѣ свои сочиненія**), напечатанныи въ различныхъ изданіяхъ, якіи лишь выходили въ Галичинѣ отъ 1848 до 1891 года, а изъ тѣхъ сочиненій, якъ изъ всенароднаго жерела, всѣ желающіи могутъ черпать вѣру къ Богу, преданность къ святой церкви и къ русскому обряду, любовь

*) Мы оставляемъ имя „Иванъ“, не „Іоаннъ“, по той причинѣ, что, хотя Наумовича, яко священника, мы должны бы называть церковнымъ именемъ Іоаннъ, яко приличнымъ лицу духовнаго званія, но весь народъ въ Галичинѣ знае его подъ народнымъ именемъ „Иванъ“, якъ впрочемъ и самъ Наумовичъ на своихъ сочиненіяхъ подписывался.

**) Изданіемъ сочиненій Ив. Наумовича рѣшило — о сколько намъ извѣстно — заняться основанное нимъ Общество имени Михаила Качковскаго Предлежащее жизнеописаніе Ив. Наумовича, выданіе нынѣ „Русскою Радою“ во Львовѣ, должно бы послужити яко-бы вступный первый Томъ до помянутаго изданія его сочиненій, которыхъ печатаніе начнется въ г. 1900.

къ русской народности и мудрыя рады для житія домашняго, громадскаго, народнаго и политическаго.

Писательская, общественная и политическая дѣятельность Ивана Наумовича, якъ сказано выше, обнимаетъ 40 лѣтъ, а для того и жизнеописаніе его повинно бы обнимати исторію 40-лѣтнаго періода житія Галицкой Руси; но нынѣ еще не настала пора для того, чтобы житіе и дѣятельность сего знаменитаго мужа, одного изъ наибольшихъ народныхъ (популярныхъ) писателей не только на цѣлой Руси, но и у другихъ просвѣщенныхъ народѣвъ, представити подробно въ цѣломъ ихъ объемѣ и значеніи. Еще недавно то время, коли Иванъ Наумовичъ стоялъ передъ судомъ во Львовѣ, яко обвиненный въ измѣнѣ (зрадѣ) австрійской державѣ, — хотя онъ былъ засужденъ лишь за нарушеніе общественного порядка, — еще недавно то время, коли онъ былъ принужденъ на старыя свои лѣта опустити горячо нимъ любимую Галицкую Русь и галицко-русскихъ братѣвъ, чтобы по великихъ трудахъ бѣгнати въ русскую Державѣ и наконецъ найти вѣчное упокоеніе на исторической Аскольдовой могилѣ въ Кіевѣ, въ „матери городовъ русскихъ.“ Полный матеріалъ для подробнаго жизнеописанія Ивана Наумовича може быти собранъ и изданъ пѣзднѣйше, при чемъ немаловажною окажется его обширная переписка съ пріятелями и единомышленниками, которыми разомъ съ нимъ и нимъ же заохоченны, трудились для блага русскаго народа. По той причинѣ подлежащее жизнеописаніе Ивана Наумовича буде содержати только найважнѣйшіи данныи изъ его житія и дѣятельности, составленныи на основаніи его власныхъ записокъ („Наука“, 1871—2), на основаніи „Матеріалѣвъ къ біографіи И. Наумовича“, собранныхъ И. Е. Левицкимъ („Кіевское Слово“, н-ръ 2398, Кіевъ, 1894; „Бесѣда“, Львовъ 1894), на основаніи матеріала, находящагося въ газетѣ „Слово“ (1861—1885), а также на основаніи личныхъ воспоминаній и записокъ автора сего жизнеописанія, часть которыхъ напечатана въ „Бесѣдѣ“ за 1891, 1894 и 1897 гг. Для того, чтобы характеристика даннаго человека, — чи онъ буде простой смертный, чи такой выдающійся дѣятель, якъ И. Наумовичъ, — вышла наибольше полною и ясною, далеко не бесполезно звертатись до всякаго рода автобіографическаго матеріала, на примѣръ, до писемъ того человека къ друзьямъ и знакомымъ, до записокъ его, до дневниковъ и прч. На жаль, письма И. Наумовича еще не собраны, а изъ тѣхъ, которыми онъ писалъ къ автору сего труда, могутъ быти употреблены лишь нѣкоторые. Записокъ дневниковъ, мемуарѣвъ (памятныхъ записокъ) И. Наумовичъ не оставилъ. Въ одномъ

писемъ изъ Кіева (1886) онъ писалъ вправдѣ автору сего труда: „Я въ непродолжительномъ времени начну писать мои мемуары, чтобы ихъ оставить моимъ дѣтямъ. Жаль, чтобы они пропали! А моя жизнь уже на закатѣ,“ — но постоянныя занятія не позволили ему исполнить того намѣре-
 лья. Все таки и въ семъ біографичномъ матеріалѣ, который составляе основу настоящего труда, личность И. Наумовича выступаетъ ясно и выразительно и представляется въ полнотѣ своихъ высокихъ свойствъ души, великого и рѣзнообразного таланта, всестороннего образованія и горячего самоотвер-
 женного народолюбія. Тѣ свойства выступаютъ особенно въ статьяхъ И. Наумовича, которые представляются ничѣмъ инымъ, якъ тѣлько его „письмами“ ко всему русскому на-
 роду въ Австріи и рисуютъ И. Наумовича великаномъ духа, характера и патріотизма.

Молодые лѣта И. Наумовича.

Иванъ Наумовичъ родился 14 (26) января 1826 г. въ селѣ Козловѣ, нынѣшняго повѣта Каменки Струмиловой, въ домѣ своего дѣда по матери, Николая Дроздовскаго, па-
 роха въ Козловѣ и декана Бужскаго. Отецъ И. Наумовича, Григорій, былъ учителемъ въ Бужску (то названіе походитъ
 отъ названія рѣки Бугъ, отже правильно пишется: Бужскъ, хотя народъ говоритъ: Бускъ и Буськъ), невеликомъ до нынѣ
 мѣстечку, вблизи котораго сходятся четыре рѣки: Бугъ, Полтва, Солотвина и Рокитна.

Первоначальное образованіе получилъ И. Наумовичъ въ школѣ, пѣдъ руководствомъ своего отца. Родители Ивана Наумовича, якъ онъ самъ говоритъ („Наука“ 1871—2), стара-
 лись дати ему наилучшее воспитаніе и назначили его уже зѣ-маленьку до духовнаго званія.

Время дитинства Ивана Наумовича розличалось сильно отъ нашего времени. Тогда каждый, кто перемѣнилъ сер-
 дакъ или селянскую опанчу на мѣщанскій кафтанъ, или на сурдуть, уже стыдался русскаго слова и русскаго рода. Такъ было и въ домѣ учителя Григорія Наумовича, который даже читати не умѣлъ по русски. По той причинѣ
 въ дитинныхъ лѣтахъ Иванъ Наумовичъ не зналъ ни слова по русски. Въ то время въ галицкихъ школахъ не учили ни
 одной русскаго буквы, а все лишь по польски и по нѣмецки; а такъ якъ и въ домѣ Григорія Наумовича говорили лишь по польски, то и первыи молитвы научился Иванъ Наумовичъ по польски. Маючи пять лѣтъ, онъ служилъ въ латинскомъ

костелъ до „мши,“ хотя не зналъ и слова латинского. Помимо того изъ дома родителей И. Наумовича все таки не совсемъ исчезъ русскій духъ, ибо его поддерживала принадлежность домовниковъ до русской церкви. Именно родители И. Наумовича съ дѣтьми ходили въ русскіи праздники въ церковь, а въ каждый праздникъ Господскій, Богородиченъ и св. Николая, матери И. Наумовича, Марія, ставила передъ отцовымъ образомъ свѣчку или лампадку, а отецъ читалъ русскій акафистъ изъ книжечки, писанной польскими буквами. Онъ забираясь дати своего сына Ивана на науку русскаго письма и писанія до дѣяка, но къ тому не прійшло. Впрочемъ Григорій Наумовичъ былъ учитель хорошій и добрый отецъ семьи. Онъ происходилъ изъ мѣщанъ-старожилѣвъ города Залочева и сталъ учителемъ только за стараньемъ своей матери, господарной, розумной и русской женщины. Отецъ Григорія, а дѣдъ Ивана Наумовича, сильно любилъ напиватись и не дбалъ про дѣмъ и сыновъ, а о томъ, чтобы ихъ посылати въ школу, и слухати не хотѣлъ. Но жена его тайкомъ записала Григорія въ школу и тѣмъ спасла его отъ перехода въ латинство. Дѣло было такъ: Латинскій катихитъ приказалъ Григорію приступити съ дѣтьми латинскаго обряда къ св. причастію въ костелъ. Но о томъ довѣдалась матери Григорія и, прибѣжавши въ костелъ, вытянула своего Гриня изъ по-межъ школьныхъ дѣтей и на весь костелъ сказала катихиту: „А вы отки маєте право полячити мою дитину?“ Изъ костела завела она Гриня въ русскую церковь и не отступила отъ него, поки онъ не запричащался послѣ обряда своихъ дѣдѣвъ-прадѣдѣвъ. Наслѣдивши отъ матери любовь къ просвѣщенію, Григорій Наумовичъ старался розширити оное и въ своей школѣ. Школа въ Бужеску была всегда переполнена, но наибольше дѣтьми латинскаго обряда, ибо Русины неохотно посылали своихъ дѣтей, а кромѣ того русскіи мѣщане жили на передмѣстьяхъ. Григорій Наумовичъ, однако, въ четвергъ пополудни, коли не было школы, и въ Недѣли и свята, ходилъ по передмѣстьяхъ отъ хаты до хаты и намовлялъ мѣщанъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей на науку. Такимъ способомъ и русскіи дѣти стягалися въ школу.

Помимо скудной платни, именно 100 реньскихъ и опала въ годъ, и помимо того, що у него было семеро дѣтей, учитель Григорій далъ своего сына, Ивана, во Львовъ, чтобы онъ посѣщалъ гимназію. Будучи дуже веселого успособленья, Иванъ Наумовичъ, хотя у него была хорошая память, не отличался въ наукахъ передъ другими, но въ письменныхъ задачахъ ему не было рѣвного. Кориыстаючи изъ сего дарованія, И. Наумовичъ помагалъ своимъ товаришамъ писати школьными задачи, а то ему придбало пріятелей. Коли И. На-

умовичъ былъ уже въ пятой гимназіальной класѣ, одинъ его товарищъ, которому тупо шла наука, предложилъ ему, чтобы онъ приходилъ его учить, а онъ за то тайкомъ передъ своею матерью (отецъ того товарища не жилъ во Львовѣ) буде его харчовати и дастъ ему у себе кутокъ на ночь. Иванъ Наумовичъ, получаючи изъ дому дуже малую по́дмогу, принялъ съ радостію то предложеніе и написалъ своему отцу, що той уже за него платити не потребуе, ибо онъ самъ удержуеся. Якое-то было житіе, можно познати изъ слѣдующаго: Свои вещи умістивъ Иванъ Наумовичъ въ сѣняхъ, въ такъ-званомъ „шлябанѣ“ (schlafbank), т. е. скринѣ, которая днемъ служить за лавку, а на ночь за лѣжку. При томъ „шлябанѣ“ стоялъ столъ, на которомъ лакей чистилъ одежду и чоботы. Тутъ, при томъ столѣ, Иванъ Наумовичъ съ товарищемъ учились. Товарищъ Ивана Наумовича (онъ въ „Науцѣ“ за 1871—2 г. не записалъ его имени, только означилъ его начальными буквами Т. А.) приносилъ ему отъ обѣда и вечера куски хлѣба и мяса, но такъ, чтобы мати не замѣтила. На ночь клался Иванъ Наумовичъ въ „шлябанъ“, но дуже рано вставалъ, чтобы его никто не увидѣлъ. Такимъ способомъ онъ пробѣдывалъ кѣлька мѣсяцѣвъ. Одной ночи однако, мати ученика Т. А., проходячи черезъ сѣни, замѣтила, що кто-то спитъ въ „шлябанѣ“ и паробила крику. Позбѣгались всѣ домашніи и увидѣли въ скринѣ Ивана Наумовича. Можна собѣ представить, скѣлько стыда вытерпѣлъ бѣдный юноша. Но мати А. Т., которая неразъ днемъ видѣла, якъ съ ей сыномъ учился Иванъ Наумовичъ, успокоила его и распытавши про его житіе, на другій день взяла его въ свои комнаты.

Нѣ долго однако спріяло счастье Ивану Наумовичу. Підчасъ празднствъ, его пріятель А. Т. вступилъ до войска и Иванъ Наумовичъ стратилъ средства для житія. Понеже въ тотъ часъ молодшій братъ Ивана Петръ, также вступилъ въ гимназію, а отецъ не мѣгъ за двоухъ платити, то звернувся онъ съ просьбою до графини Миръ, до которой належалъ Бужскъ, о помѣчъ для Ивана. Богатой и милосердною графинѣ подобался молодой студентъ, особенно для того, що онъ зналъ французскій языкъ, котораго еще въ дитинствѣ наудился отъ одного французскаго капитана, проживавшаго въ Бужску, и она вызначила Ивану Наумовичу 3 зл. на обиталище и приказала давати ему харчъ, одежду и все, що ему потреба. Графиня все говорила Ивану Наумовичу, що дастъ ему на окѣнченіе шкѣль и возьме его на своего адвоката. Но не судилось Ивану Наумовичу быти адвокатомъ. Найшовшись въ недостаткахъ, онъ попалъ въ компанію легкомысленныхъ товарищей и занедбалъ школу такъ, що не выдер-

жалъ испытѣ изъ шестой клясы. Графиня опечалилася тымъ дуже, а Иванъ Наумовичъ не малъ уже лица повертати въ ен дѣмъ.

И знова настали злыдни для юноши, тѣмъ бѣльши, що съ нимъ разомъ жилъ и братъ Петръ,*) которого отецъ, переселяючись изъ Бужска въ Залѣщики на учителя головной школы, оставилъ Ивану. Оба братья боялися писати родичамъ о своей нуждѣ, но выпровадилися за городецку рогатку и нанялися у мельника Д. Айтнера, нѣмця-лютеранина, за хлопцѣвъ при вѣтраку. Тамъ оба братья носили мѣшки, обертали крыла млына до вѣтру, ковали жерновый камѣнь, мололи по цѣлыхъ дняхъ и ночахъ, а коли не было вѣтра, мѣсили тѣсто и пекли хлѣбъ, который розвозили въ городъ на продажу. Молодые неопытныи юноши привыкли съ часомъ до млына такъ, що написали родичамъ, що хотять стати мельниками и пекарями. Но Григорій Наумовичъ ѳтписаль нѣмцю-мельнику, чтобы ѳтдалилъ хлопцѣвъ изъ своего дому, а хлопцямъ, чтобы они безпоровочно вернулись въ Залѣщики. Оба братья пѣшкомъ перейшли 32 мили ѳтъ Львова до Залѣщикъ. Мати встрѣтила ихъ съ плачемъ, а отецъ съ глубокимъ смуткомъ. Но ѳнъ потѣмъ подобрѣлъ и простилъ сынамъ ихъ блудъ.

По праздникахъ (вакаціяхъ) родичи выправили Петра въ гимназію въ Черновцы, а Ивану отецъ сказалъ: „У тебе было доброе мѣстце у графини, но ты стратилъ его черезъ свое лежкодушіе; для того треба, чтобы ты зазналъ бѣды. Иди сюда, куда знаешь, а я тобѣ ничего не дамъ.“ Коли прійшолъ часъ ѳхати въ школы, мати Ивана завязала въ платокъ бѣлье, дала ему серебряный рубль, ибо тогда всюду въ Галичинѣ и на Буковинѣ ходили рубли, сторговала жидѣвскую будку, перекрестила сына и ѳтправила во Львовъ. Тутъ Иванъ Наумовичъ найшолъ собѣ кутикъ у служащего въ гостинницѣ, Башинского, который жилъ въ тѣмъ мѣстцѣ, где нынѣ переходъ по-при армянскій костель изъ улицы армянской на скарбковскую. Носючи рано до-свѣта и вечеромъ воду и дрова своей господинѣ, Иванъ Наумовичъ получалъ ѳтъ ней кутокъ и где якій харчъ и прилѣжно учился. Потомъ ѳнъ роздобылъ лекціи, т. е. училъ другихъ мальчикѣвъ, за що получалъ то гроши, то харчъ, и уже доля его стала поправлятися, ажъ до той поры, якъ ѳнъ заболѣлъ тифомъ и очутился въ больницѣ Піярѣвъ (нынѣ: „головная больница“), въ комнатѣ пѣдъ н-ромъ 63. Выйшовши по семи недѣляхъ изъ больницы, Иванъ Наумовичъ направился на улицию армянскую, где

*) Петръ Григорьевичъ Наумовичъ вступилъ потѣмъ до войска и дослужившись чина капитана, выйшолъ въ ѳставку въ чинѣ маіора. ѳнъ поселился въ Яновѣ нѣдѣ Львовомъ и умеръ тамъ-же въ 1861 г. ѳтъ раны, полученной въ битвѣ пѣдъ Маджентою.

жилъ Башинскій, но той збожеволѣлъ, а жѣнка его съ дѣтьми выбралася — не знати куда.

И снова остался Иванъ Наумовичъ безъ кутика и хлѣба, ибо черезъ болѣзнь онъ потратилъ всѣ лекціи. Въ горю своемъ онъ пѣшшолъ передъ церковь св. О. Николая на жолкѣвской улицѣ и, помолившись и поплакавши тамъ, вернулся въ городъ. Тутъ ему повстрѣчался его товарищъ изъ школы, жидъ, который предложилъ Ивану Наумовичу, чтобы онъ училъ его молодшого брата. Отецъ жиды былъ властителемъ заѣздного дома на краковской площади. Иванъ Наумовичъ съ радостію присталъ на то и, ночуячи въ тѣхъ заѣздныхъ комнатахъ, которые были вѣльны, училъ жидка, самъ учился и еще зарабатывалъ стѣлько, що ему выстарчало на харчъ. При кѣнцѣ школьного року онъ здавъ испытъ съ добрымъ успѣхомъ и пустился пѣшкомъ въ Залѣщики до дому. То было лѣтомъ 1844 года.

Въ то время гимназія имѣла тѣлько шесть класъ, нынѣшній же семья и восьмая класы назывались „философією“. Осенью 1844 г. Иванъ Наумовичъ былъ принять на „философскіи“ студіи, въ русскую духовную семинарію во Львовѣ. Польская шляхта и польскіи политики не переставали тогды думати о ѣтбудованью польской державы, а понеже они недавно, ибо въ 1831 году, произвели повстанье, то австрійское правительство, и безъ того строгое, зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы междъ учащоюся молодеждью не было революційныхъ писемъ и вообще запрещенныхъ книжокъ. По той причинѣ настоятели духовной семинаріи были обовязаны часто предпринимати ревизіи у питомцѣвъ, а коли у которого нашли щѣ-либо такое, що не належало до науки, того карали, или и выдаляли изъ семинаріи. Галицкая Русь была въ то время такъ ополячена, що семинаристы говорили междъ собою по польски; такъ само и проповѣди въ львовскихъ церквахъ говорились по польски. Историчная Польша такъ заѣла русскій духъ въ Галицкой Руси, що даже священники, которые жили изъ русской церкви и съ русскимъ народомъ, или не умѣли по русски говорити, или стыдались русского слова. Не дивно для того, що и въ русской семинаріи процвѣталъ польскій духъ, ибо особенно на семинарію звернули зоркую увагу польскіи агитаторы и эмигранты, та усердно старались, чтобы, захвативши въ свои руки пастырей, повести и „стадо“, т. е. русское населеніе Галичины, за Польшу воевати. Польскіи эмигранты, которыхъ тогды во Львовѣ было особенно много, разъ для того, що не давно было розбито повстанье, другій разъ для того, що приготавлилось новое повстанье, не тѣлько втискались въ семинарію, но и на улицѣ подсували русскимъ питомцамъ революційныи книжки. Особенно

занимался русскими семинаристами Касперъ Ценглевичъ, который составлялъ даже русскіи стихи, писанныя латинскими буквами (фонетики еще тогда не знали), чтобы только приманить русскихъ юношей для польской sprawy. А понеже австрійское правительство и полиційныя порядки не мали у молодежи сочувствія, то и русскіи семинаристы видѣли въ Польшѣ мученицу за свободу, а въ Австріи и Россіи ея угнетательницы.

Иванъ Наумовичъ прожилъ въ семинаріи, середѣ такихъ обстоятельствъ, до памятнаго 1848 года. Той годъ принёсъ русскому народу въ Австріи освобожденіе отъ панщины и воскресеніе русского духа въ древней Галицкой Руси не только для русского населенія Галичины, но и для Ивана Наумовича. Дня 7(19) марта 1848 года упало во Львовѣ абсолютное правленіе и польскіи политики задержали головы до горы, ибо они числили на то, что конституція верне имъ тѣ права, якіи шляхта мала за время польской державы, въ чѣмъ, какъ нынѣ видимъ, они не дуже ошиблись. Во Львовѣ зашумѣло, какъ въ котлѣ. Польскіи жители и польскіи студенты университета образовали „народовую гвардію;“ польское населеніе города затребовало выпущенія на свободу всѣхъ политичныхъ преступникѣвъ, которыхъ австрійское правительство держало въ арестахъ; на улицахъ Львова польскіи политики, особенно-же Янъ Добжанскій, позднѣйшій редакторъ „Gazet-ы Narodow-ой,“ ополченный потомокъ русского рода Добрянскихъ, говорили горячіи рѣчи о „вѣльности, рѣвности и братерствѣ.“ Подшитыи польскимъ духомъ семинаристы, межи ними и Иванъ Наумовичъ, нарядили синіи конфедератки съ бѣло-червоными кокардами, выповѣли настоятелямъ семинаріи послушаніе и стали вступати въ „гвардію.“ Иванъ Наумовичъ, принадлежавши до наибольше живыхъ юношей, былъ межъ тѣми, що выпрягли коней изъ повозокъ, въ которыхъ ѣхали выпущенныи изъ вязницы польскіи патриоты, и обвозили ихъ по цѣлому городу. Одинъ изъ польскихъ эмигрантѣвъ, Антоній Ріетъ, основалъ тайное революційное Общество: „Towarzystwo braci,“ куда пристали и семинаристы, уплативши 5 зл. вступного. На засѣданьяхъ того Общества Ріетъ проповѣдовалъ „рѣвность, вѣльность, братерство“, но тыхъ русскихъ священникѣвъ, которые противились панованью Польши надъ Русью и хотѣли свою русскую народность развивать въ корысть русскаго народа, онъ исключалъ изъ братства и твердилъ, что они перекуплены московскими рублями, вслѣдствіе чого они „вороги челоувѣчества и свободы.“ Той-же Ріетъ училъ, что Польша, съ помощію Франціи и Англіи, побѣе Нѣмцѣвъ и Москалей и воскресне для того, чтобы „ширити

братство межъ людьми.“ Ивана Наумовича, который также принадлежалъ до того Общества, поразила вправдѣ вражда польскихъ агентѡвъ до русскихъ священникѡвъ, но бнѣ, выросши въ польскомъ душѣ, не разумѣлъ стремленья русскихъ священникѡвъ и вѣрилъ Ріетови. Часть семинаристѡвъ, которые не знали, що робити пѡдчасъ такого замѣшательства, ѡтправилась къ тогдашнему епископу, а пѡзднѣйшему митрополиту, Григорію Яхимовичу, и запытала его: „чи свободно семинаристамъ носить гвардейскій мундуръ?“ Епископъ ѡтповѣлъ имъ: „Свободно, но семинарія основана для тыхъ, которые хотятъ быть священниками.“ Семинаристы, входившіе въ составъ депутаціи, porozумѣли ѡтвѣтъ епископа и не вступили въ гвардію; но коли депутація вернулась въ семинарію, Иванъ Наумовичъ съ насмѣшкою запыталъ депутатѡвъ по польски: „А скѡлько вамъ Епископъ далъ рублей?“ Онъ на-правду повѣрилъ польскимъ агентамъ, що пробужденіе руского духа было вызвано „московскими“ рублями!

Вскорѣ однако пришлось Ивану Наумовичу и многимъ его товарищамъ розчароватися въ своемъ увлеченіи польскою мыслию и просвѣтитися духомъ русской правды... Добжанскій и другіи уличныи бесѣдники, на знакъ братства и рѡвности, цѣловались съ мужиками и жидами и кричали также: „Нѣхъ жию Русины!“, но якъ тѡлько пришло ѡтъ слѡвъ до дѣла, тогда показалось, якое значеніе мають слова о рѡвности и братствѣ. Уже 6 (18) марта 1848 г. стали Львовскіи жители въ розличныхъ мѣстцахъ Львова пѡдписывать адресъ къ Императору, а въ адресѣ тѡмъ были высказаны желанія края, а властиво тѡлько однихъ Полякѡвъ. Щобы русское населеніе ввести въ блудъ и его наклонити до пѡдписыванья того адреса, послѣдній былъ напечатанъ также по русски; розумѣся, въ немъ ни словомъ не упоминалось о потребахъ руского народа, ни даже о тѡмъ, що въ Галичинѣ живѣтъ русскій народъ! Во время пѡдписыванья адреса, въ будынку академіи, которая стояла тамъ, где нынѣ стоитъ русскій „Народный Домъ“, прозойшолъ случай, самъ по собѣ будьто маловажный, но освѣщающій тогдашніи ѡтношенья. Одинъ изъ Полякѡвъ вынѣсъ адресъ на коридоръ и сталъ его громко читати собравшемуся на коридорѣ народу. Первая точка требованій адреса гласила: „Обезпеченіе польской народности и для того знесеніе всякихъ ограниченій, которые бы спинали еи свободное развитіе; введеніе польского языка въ школахъ, судахъ и политичныхъ урядкахъ.“ На коридорѣ академіи, якъ уже сказано, собралась великая толпа народа, которая съ увагою и въ тишинѣ слухала адресъ. Но коли читающій съ притискомъ сказалъ:

„обезпеченье польской народности,“ изъ толпы раздался твердый голосъ: „и русской!“ Сей голосъ поразилъ всѣхъ, якъ грѣмъ изъ ясного неба. Одни крикнули: „шпіегъ!“, дру- гіи по старому обычаю: „здрайца! пречъ съ нимъ!“ и въ толпѣ насталъ шумъ и заколотъ. Слова тѣ произнесъ Ки- рилъ Вѣнковскій, адъютантъ финансовой прокураторіи во Львовѣ. Въ отвѣтъ на тѣ два слова польскіи агитаторы вы- ступили съ пламенными бесѣдами противъ Россіи и русского царя, начали утверждать, що тіи Русины, которые требу- ютъ правъ для русского народа, подкуплены росій- скими рублями и т. п. (То само и нынѣ они говорятъ на тыхъ твердыхъ Русинѣвъ, которые не хотятъ писати фонетикою). Въ толпѣ было также кѣльда русскихъ семинаристовъ, кото- рыи поддержали требованье К. Вѣнковского. Но они были принуждены утѣкати, ибо толпа хотѣла имъ показати нагляд- но, т. е. кулаками, якъ выглядае на дѣлѣ „братерство.“

Воскликъ К. Вѣнковского на коридорѣ академіи былъ однако только отголоскомъ дѣятельности Львовскихъ русскихъ патриотѣвъ, которые завязали Общество „Головную Рус- скую Раду“ для обороны правъ русского народа. Подъ предводительствомъ епископа Григорія Яхимовича и кры- лошанина Михаила Куземского, пѣзднѣйшого епископа Холмского, „Головная Русская Рада“ начала заходитись око- ло организаціи русского народа и составленья отъ имени его адреса къ Императору.

Многіи изъ семинаристовъ, увидѣвши дѣятельность сво- ихъ духовныхъ начальниковъ, опамятались и отступили отъ польской партіи. Но Иванъ Наумовичъ, связанный принадлеж- ностью до „Towarzystwa braci“ и, якъ все свое житье, не числившій на милость епископѣвъ, остался въ сторонѣ отъ русского движенія. Его особенно забаламутили польскіи па- триоты тымъ, що для противодѣйствія „Головной Русской Радѣ“, они основали политичное Общество „Рускій Соборъ“ и начали выдавати газету „Дневникъ Русскій“, будто бы для обороны русского народа. До того „Руского Собора“ належали такіи „Русины“, якъ ополяченныи графы Але- ксандръ и Владиміръ Дѣдушицкіи, князь Пузына, выше упо- мянутый польскій агитаторъ Касперъ Ценглевиць и др. На счастье для Ивана Наумовича, семинарію, по причинѣ безпо- рядковъ, ропустили и онъ отѣхалъ до родичей въ Залѣщики. Тамъ ему случилась пригода, которая дала толчокъ къ его оброзумленію. Ведля принятой членами „Towarzystwa braci“ обовязанности, онъ поїшолъ разъ на мѣстъ на Днѣстрѣ, где тогда много собралось народа, ибо отбывалась бранка на вѣйну съ Италією и съ Мадьярами, и ту сталъ онъ говорити о братерствѣ и о Польшѣ, о вѣйнѣ послѣдней съ Россією

и якъ Польша буде диктовати свои права въ Москвѣ. Мужики обступили Ивана Наумовича и одни, звичайно русскіи люди, насмѣшковалися, а другіи будто-бы слухали, но недовѣрчиво крутили головами. Коли однако молодой бесѣдникъ сказалъ, що Польша съ Францією побѣе „Москаля“, вся толпа зареготалась на весь голосъ. Мужики стали еще бѣльше насмѣхаться надъ Иваномъ Наумовичемъ, пытали его, зѣ-ѣтки ѣтъ возьме войско, бо мужики не пойдутъ за Польшу битись, а съ одними „гвардистами“ та ихъ офицерами „Москалеви“ не вдѣютъ ничего, а наконецъ одинъ мужикъ сказалъ: „Чи вы, паничу, не русская дитина? Вашъ тато ходитъ на службу Богу до церкви, що вы за такіи Полякъ?“ Иванъ Наумовичъ ѣтповѣдалъ мужикамъ, якъ мѣгъ, но одинъ мужикъ приступилъ до него, знялъ зѣ его головы польскую рогатывку и сказалъ: „А вы, паничу, возьмѣтъ ту шапочку и такъ кинѣте ю о землю -- и такъ ю здопчѣтъ, здопчѣтъ, а ѣттакъ плюнѣте и кинѣте въ Днѣстеръ (все то мужикъ и здѣлалъ); -- о такъ, такъ, нехай пропадае Нольща!“ Мужики зареготались, а синяя конфедератка поплыла собѣ Днѣстромъ. Иванъ Наумовичъ не зналъ, що робити; но коли одинъ паробокъ, якъ то на селѣ умѣють, заточился на него для зачепки, ѣтъ, боячись, щобъ мужики еще и не поколотили, поїшолъ безъ шапки домѣвъ.

Сей случай вызвалъ рѣшительный переворотъ въ мысляхъ Ивана Наумовича. ѣтъ самъ розсказалъ ту перемѣну такъ:*) „Ажъ теперъ я сталъ тверезо роздумовати о Польщѣ. Я не зналъ еще нашего народа, ибо николи не бывалъ на селѣ, николи не малъ сношенія съ людьми. Я выховался въ спольщеннѣмъ Бужску, ѣттамъ поїшолъ до Львова, все русское во мнѣ было лишь якое-то темное чувство, но оно было, ибо менѣ все на мысли была моя бабка Золочѣвская, якъ вышла отца моего ѣтъ латинской комуніи, и многіи повѣсти моей матери о всякихъ панскихъ збыткахъ и кривдахъ народа; и менѣ стыдно стало, що я пустился на ту дурную дорогу! Польша, думаю собѣ, кричитъ: Вѣольность, рѣольность, братерство! Слова красны, но чему тѣхъ словъ не слушае народъ? Якъ бы Польша была по-правдѣ за вольностію, чи народъ хотѣлъ бы неводи? Но яка-жъ то вольность, если русскому народу не вѣольно упоминатися о права своей народности? Якая-жъ то рѣольность, если польская народность мае старшовати? Якое то братерство, если Русина, оббзавшогося за своею народностію, закричали, заверещали прозвищами: „Szpieg, zdrajca?“

*) „Наука“ 1871—2, стр. 364.

Того-же лѣта появилась въ Европѣ холера, ѳъ которой умеръ отецъ Ивана Наумовича. Старшій братъ его, Петръ, вступилъ въ войско, молодшіи братья и сестры давнѣйше поумирали, осталась тѣлько одна молодшая, 17-лѣтняя сестра. По смерти Григорія Наумовича родина его не мала що робити въ Залѣщикахъ и для того переѣхала къ брату матери И. Наумовича, который былъ въ Кентахъ, на Мазурщинѣ, директоромъ школы.

Въ 1885 г., И. Наумовичъ началъ писати „Воспоминку изъ молодецкихъ лѣтъ“, въ который такъ представилъ свои молодыи лѣта, ажъ до выѣзда изъ Залѣщикъ. *)

„Госи, милый Боже! Якъ то лѣта бѣгутъ, якъ тѣ волны на быстрой рѣцѣ плывутъ, що и не втямишься, якъ изъ молодця станешъ старцемъ! Та теперъ, по-правдѣ сказавши, мало где и побачите такихъ молодцѣвъ, якъ мы были до всего, и до науки, и до всякихъ — якъ то молодость съ собою приносить -- збыткѣвъ (шалостей). Якось теперъ молодежи не пильнують такъ, якъ бывало за насъ, бо теперъ инакшіи часы: що за насъ было страшнымъ преступленіемъ, теперъ вѣльно, ба - таки приказано, якъ на прч. гимнастика, солганье (катанье) по леду и пр. Бывало — борися въ школѣ съ товаришемъ, сейчасъ и плохая нота изъ обычаевъ, а за солганку таки проганыи изъ школъ. То мы, хлопцѣ, бывало во Львовѣ ночью тихцемъ въ однихъ сорочкахъ повыходимъ на подвѣрье, где уже вечеромъ мы приготовили коновки, и носимъ воду на солганку, и ждемъ, ажъ замерзне, бѣгаючи по коридорѣ: а коли замерзне, таки на босака солгаемся якихъ двѣ години, ажъ поки въ ноги запары не зайдутъ и цѣлыи не покостенѣють. А рано, бывало, иде господарь, цюпае сокирою нашу роботу, а мы стоимо, та воздыхаемъ; слѣдующей ночи зновъ заливаемъ свѣжою водою. Теперъ якось не видно такихъ; и то лучше, що гимнастику и солганье позволяютъ. Або перебѣгчи одного дня, ей Богу — правда, изъ Бережанъ до Залѣщикъ, пѣшки, еще до того ничего не ѣвши! То такую штуку не каждый нынѣшній школяръ утне, а у мене то бывало: задумаю, тай здѣлаю.

„Въ Залѣщикахъ были мои покойныи тато учителемъ, но учителемъ, якихъ мало! А при Залѣщикахъ-то вамъ прекрасный теплый край, тамъ весна скорше, якъ тутъ, коло Львова, тамъ голова кукурузамъ, кабунамъ, тютюнамъ, а уже и вино доходитъ. А сады-то тамъ чудны! За Залѣщиками, за Днѣстромъ, Крещатикъ. Тамъ-якъ Швайцарія! Таки скалы, горы, а середъ скалъ монастырь стародавній, а до него на праздники св. Іоанна Крестителя стремится множество народа

*) Рукопись находится у автора сей біографіи.

изъ цѣлой Буковины, та и изъ нашего Покутья, ба, и изъ заграничной Волощины. Тамъ, изъ-пѣдъ монастырка тече вода, по-правдѣ цѣлебная, — не разъ я то и на собѣ испыталь. Щобы ты якъ былъ нездоровъ, напійся той водицы, то такъ, гей духъ въ тебе входитъ; еще тамъ есть три каменные корыта, — роздягнися, скупайся — правда, що вода дуже холодна, но скупавшись, почервонѣешь якъ кармазинъ и такой легкій станешь, що на верхъ горы птахомъ выхопишься. А низше ѡтъ корытъ, на 8 крокъ, спустившись въ долину, побачишь пещеру изъ текущего камня (сталактита), що и не пожалѣешь труда, що-съ ишолъ на Крещатикъ. То такая пещера, якъ якая копица сѣна. Ѳтъ запада вырубанъ вхѣдъ; влѣзешь тамъ-туда — залѣзешь въ комнатку, якую сама природа создала для якого-то пустыножителя. Но тамъ никто въ ней не жие, хотьбы мѡгъ, бо теперь пустыножителей нема, — за то бѡльше пустоты, якъ потреба, — то тамъ теперь лишь лылики жиютъ, и висячи на ножкахъ при сосулькахъ текущего камня, — въ день спять, а ночью вылѣтають за мухами.

„Бывало по тыхъ горахъ, пріѣхавши на празднины, бѣгаю, буяю! Где уже найѡтвѣжнѣйшій паробокъ не долѣзе на скалу до корчика лѣщины за орѣхами, я долѣзу, наберу щеканцѣвъ и злѣзу, гей та коза; а бывало и такъ, що коза упаде и розбѣсся. Но молодецкіи лѣта, чудныи вы лѣта, — кажесе, для нихъ нѣтъ ничего невозможного!

„Въ году 1848 загорѣло, якъ знаете, во всѣхъ головахъ. И Нѣмцы и Италіане, и Венгры и Поляки рушились розбурювати Австрію. Я пріѣхаль, розумѣея, своими кониками домѡвъ. Вижу — на мѣстѣ страхъ — темрява народа. А то была бранка. Хлопцѣвъ такихъ найшло, що жидова поховалася, попрятала все, що было, и крамници позапирала, бо то народъ, знаете, ѡтъ кулеши здоровый та бутный. Выйшолъ капитанъ, чи якійсь-тамъ старшій, та дивится, що тѡлько хлопцѣвъ, та повѣдае: „Зачѣмъ вы тѡлько ихъ навели, коли ихъ тѡлько не кликали?“ А одинъ старый мужикъ повѣдае: „Мы всѣхъ привели, щобы ишли боронити Монарха! Выбирайте и тыхъ и тыхъ, которые вамъ сподобаются, и скажѣтъ Монархови, щобы не боялся ніякихъ бунтовникѡвъ, ни Таліанѡвъ, ни Венгрѡвъ, ни Полякѡвъ, бо якъ нашихъ сынѡвъ выбьютъ, то мы сами старын еще поїдемъ!“ Капитанъ послухаль, поплескаль его по плечахъ, тай поїшолъ. Такій тогда послѣ панщины былъ духъ въ народѣ! А мы всѣ, що въ сурдутакахъ, были переполячены, и я таки носилъ рогатую шапку, ажъ поки менѣ ей двѡрникъ (вѡйтъ) изъ Крещатика на мостъ не здеръ и не кинулъ въ Днѣстеръ. Ѳтъ тогды

я позналъ, куда стремится духъ народа, и сталъ служить народу!“

Дальше описалъ И. Наумовичъ свою поѣздку въ Черновцы и аудіенцію у тогдашняго православнаго епископа, Евгенія Гакмана, упомянулъ о страшной холерѣ въ Черновцахъ и такъ говоритъ:

„Изъ Черновець перейшла холера въ Залѣщики. Страшный былъ видъ цѣлой той стороны. Саранча покрыла все, и на гостинцѣ лежала на четверть локтя закружки. Приѣхавши до Залѣщикъ, я чулъ, що жида падають якъ солома. И мой отецъ заболѣлъ и умеръ. Осталась мати-вдова съ сиротами безъ всякихъ средствъ къ жизни. Единственный сродникъ былъ мой дядя, родный братъ моей матери, бывший директоръ школъ въ Кентахъ, на западномъ концѣ Галичины. Онъ прислалъ намъ 50 гульденъ на дорогу и велѣлъ менѣ отвезти мать и сестру къ собѣ. Я такъ и здѣлалъ. Повернувши оттамъ во Львовъ, безъ гроша, безъ всякихъ средствъ до житья, открылъ я покойному Отцу Якову Геровскому (тогда профессору богословія на Львовскомъ всеучилищѣ) мое намѣреніе: идти въ Черновцы. Онъ здержалъ мене отъ того и помѣлъ менѣ, що мене приняли на богословіе (во Львовѣ).

„Кѣлько черезъ тѣхъ 37 лѣтъ перемѣнилось на свѣтѣ! Молоды стали старцами, а що были старши изъ насъ, всѣ уже въ могилѣ. 37 лѣтъ безпрестанной борьбы о существованіе русскаго имени, русскаго церкви, русскаго слова, русскаго писма, русскаго жизни! Небавомъ не стане насъ старшихъ! Земля возьме свое! Но що добраго мы посѣяли на русскаго нивѣ, принесетъ плодъ въ свое время. Тѣлько желали бы мы видѣти наслѣдниковъ нашихъ со снисхожденіемъ для нашихъ немощей и съ искреннею волею служить народу, якъ мы ему служили по слабымъ нашимъ силамъ“.

Стѣлько намъ Иванъ Наумовичъ самъ написалъ о тѣхъ своихъ молодечихъ лѣтахъ, а розказалъ то все такъ просто, такъ щиросердно, а такъ для всякаго русскаго сердца глубоко-трогательно!

Ну, и що-жъ съ нимъ дальше было?

Онъ поѣхалъ тогда лѣтомъ 1848 г. съ матерью и сестрою въ Кенты на Мазурщину, но послѣ праздниа прибылъ во Львовъ, щобы окончити семинарію. Однако духовныя власти не приняли его въ семинарію, а то на тѣмъ справедливымъ основаніи, що „человѣкъ не може быти добрымъ пастыремъ и учителемъ того народа, отъ котораго онъ отрекся.“ Ивану Наумовичу не оставалось ничего другаго, якъ записатись на правничій (юридичный) факультетъ и покинути намѣреніе стати священникомъ. И онъ сталъ глядати лекцій,

щобы жити во Львовѣ. Межъ тѣмъ польскіи агенты продолжали підбурювати молодежь и довели до того, що 2 листопада 1848 г. гвардія поставила на улицахъ Львова барикады и начала революцію. Иванъ Наумовичъ еще належалъ до гвардіи, но случай съ конфедераткою на Дністрѣ охолодиль его польскій патріотизмъ и онъ уже не участвовалъ въ революціи. Онъ находился тогды на площади передъ латинскою катедрою, коли войско розбивало барикады и убивало или выловлювало повстанцѣвъ, и найшося въ великой опасности. Отъ ареста или и смерти спасъ его однако символъ вѣроисповѣданія: „Вѣрую.“ Иванъ Наумовичъ хотѣлъ достатись до дому, на гончарскую улицу, якъ его поймалъ гренадиръ. „Ты Полякъ?“ — запыталъ его гренадиръ. „Нѣтъ, я Русинъ.“ „Коли ты Русинъ, то говори: Вѣрую!“ — Иванъ Наумовичъ сталъ говорити „Вѣрую“ и гренадиры, которыхъ межъ тѣмъ бѣльше набѣгалось, отпустили его.

Послѣ подавленія революціи во Львовѣ, наступилъ иный порядокъ. Власти розвязали гвардію, а польскіи эмигранты и збаламученная ними молодежь потягнули въ Угорщину помагати Мадьярамъ противъ Австріи.

Не маючи средствъ до житія, Иванъ Наумовичъ принялъ мѣстце домашняго учителя у священника А. Тарнавского, приходника въ Верховужѣ, Золочевского округа. Тѣлько тамъ, въ Верховужѣ, Иванъ Наумовичъ зѣйшося близко съ русскимъ народомъ, научился лучше по русски говорити и, познавши народъ, окончательно покинулъ польскіи мысли и всею своею пылкою душею сталъ Русиномъ. Щобы изучити народъ, его языкъ и обычаи, онъ одѣвался въ селянское платье, завязалъ пріязнь съ ровесниками въ селѣ, звычайными паробками, та бывалъ на всѣхъ торжествахъ у Верховужанъ. Тамъ, въ окрестностяхъ Верховужа, онъ малъ случайность увидѣти царско-русское войско, которое, по приказу царя Николая I., переходило черезъ Галичину въ Угорщину на помощь австрійскимъ войскамъ противъ Мадьяръ. Русское войско стояло въ мѣстечку Сасовѣ, а жители сосѣднихъ селъ носили ему страву. Разомъ съ Верховужанами отправился и Иванъ Наумовичъ до Сасова и здивовался, коли увидѣлъ „Москалей.“ Поляки представляли ихъ яко дикихъ, которые умѣють лишь пити, рабовати и красти, а тутъ показалось, що они молилися, поѣдали, а изъ бесѣды съ ними видно было, що они такіи добродушными и щирими люди, якъ и наши крестьяне. И въ семъ отношеніи Иванъ Наумовичъ переконался наочно, що польскіи агенты неправду говорили.

Обходячи пѣшкомъ окрестности, Иванъ Наумовичъ зблизился тогды и подружился съ многими товарищами и знакомыми изъ семинаріи, бѣ которыхъ его раньше одѣляли его

польскіи стремленія, а также бывалъ въ домахъ священниковъ, где въ то время начиналъ будитись русскій духъ, щбъ, очевидно, еще ббльше утверждало его въ русскихъ переконанняхъ. Будучи веселого нрава, бнть былъ желаннымъ гостемъ въ домахъ русскихъ священниковъ, где своими остроумными розсказами и шутками забавлялъ все общество. Онъ умблъ особенно удачно представляти жида. Изучивши еще въ Бужску жидбвскій жаргонъ, т. е. мбшанину слбвъ жидбвскихъ, нбмецкихъ и русскихъ, употребляемую галицкими жидами, а кромбъ того знаючи читати еврейское письмо, которымъ написаны еврейскіи книги, Иванъ Наумовичъ неразъ переодбвался за жида и такъ удачно игралъ ту ролю, що даже настоящіи жиды принимали его за жида и гостили у себе! По тому поводу пбзднбйше товарищи Ивана Наумовича въ семинаріи называли его въ шутку „Хаймомъ.“

Въ 1849 г. И. Наумовичъ былъ уже сотрудникомъ первой въ Галичинб русской газеты, выходившей во Львовб пбдъ назвою „Зоря Галицка.“ Тутъ бнть, читаючи славянскіи книги и газеты, глубоко перенялся любовью къ славянскимъ народамъ и тамъ у него въ первый разъ появилась мысль: посвятити свои силы служенію своему, русскому народу! *)

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ

ЯКО СВЯЩЕННИКЪ И НАРОДНЫЙ ДБЯТЕЛЬ.

При кбндб 1849 г., духовныи власти, видячи, що Иванъ Наумовичъ поправился, приняли его въ духовную семинарію на третій годъ богословія, особенно и тому, що за него просилъ такій изрядный патріотъ, якъ Яковъ Геровскій, профессоръ университета и великій другъ русской молодежи. Ивану Наумовичу уже совббмъ вышумбли изъ головы польскіи мысли; бнть досконально переконался, що Русь и Польша — то не „вшистко едно,“ якъ твердили польскіи политики, которыи боялись пробужденія Галицкой Руси бтъ вбкового сна, и для того съ цблымъ жаромъ занялся изученьемъ обряда русской церкви и еи исторіи. По оконченіи семинаріи въ 1851 году, Иванъ Наумовичъ повбнчался съ дочерью священника въ Новомб-Селб и Любачевского декана, Василя Гавришкевича, дбвицею Феодорою. Сынъ о. Василя, о. Іоаниъ Гавришкевичъ, деканъ и приходникъ въ Каменцб Лбсной,

*) См. Стенографическій отчетъ изъ судебной росправы по дблу Ольги Грабаръ и товарищей, стр. 201.

подае слѣдующіи подробности о Ив. Наумовичѣ, относящіяся до его женитьбы:

„У покойной Θεодоры была лишь одна, молодшая ѳъ неи сестра, именовѣ Доминика. Покойная Доминика была женщина дуже красивой наружности, святой, сердечнѣйшой доброты и неусыпного, самоотверженного трудолюбія. Все то подѣйствовано въ часѣ праздниѣ 1850 г. на окончившого третій годѣ богословія Іоанна Наумовича такѣ, що ѳнѣ рѣшился просити о еи руку, и желаніе то высказалѣ менѣ въ письмѣ изѣ сѣчня 1851 г. Но въ часѣ праздниѣ 1851 г. перемѣнилось намѣреніе Іоанна, окончившого четвертый годѣ богословія. Старшая о два лѣта сестра Доминики, Θεодора, привлекала меньше внѣшностью, якѣ уметвенными способностями, господарностью и энергією, и такѣ сталося, що одного дня Іоаннѣ поразилѣ мене заявленіємѣ, що у него естѣ твердое намѣреніе старатися о руку Θεодоры. Коли я вѣпросилѣ его о причинѣ той змѣны, ѳнѣ отвѣтилѣ: „Θеодора такѣ умна женщина, якѣй менѣ не случилось видѣти. Она понимаетѣ отлично всѣ тяжкіи политичныи вѣпросы настоящей добы; а коли я, примѣромѣ, запытался, чи розумѣе она нашѣ богослужебный языкѣ, она отвѣтила рѣшительно утверждающимѣ образомѣ; та коли я ставилѣ ей въ тѣмѣ ѳношеніи самыи тяжкіи вѣпросы, она на всѣ отвѣчала безѣупречно, съ удивительною точностью.“ Вѣнчаніе Іоанна съ Θεодорою ѳбылось дня 21 ѳкѣбрія 1851 г.“

И не пожалѣть того Ив. Наумовичѣ во всю свою жизнь, ибо жена его, Θεодора Васильевна, горячо его любила, была женщина лагодна, добра, господарна и безѣ нарѣканій переносила многіи неприяѣтности, якіи испытывалѣ Иванѣ Наумовичѣ и его семья, и осоложала своему обожаемому мужу не одну гѣрькую годину.

Вѣ тѣмѣ-же 1851 г. Иванѣ Наумовичѣ былѣ рукоположенѣ въ священника митрополитомѣ Галицкимѣ, Михаиломѣ Левицкимѣ. Первое мѣсто душпаствѣрное, где Иванѣ Наумовичѣ началѣ свою плодотворную дѣятельность для народа и где началѣ розвиватися его удивительный писательскій талантѣ, было мѣстечко Городокѣ, вѣблизи Львова. Приходникомѣ въ Городку былѣ тогды священникѣ Михаилѣ Бѣлецкій, хорошій душпаствѣрь, умный человекѣ и искренній народѣлюбѣецѣ. Иванѣ Наумовичѣ, яко его сотрудникѣ, привязался широко къ своему настоятелю и они оба усердно трудились, поучаючи народѣ и въ религійныхѣ дѣлахѣ и въ русско-народныхѣ. Въ 1853 г. Иванѣ Наумовичѣ получилѣ приходѣ въ Ляшкахѣ Королевскихѣ, вѣблизи Глинянѣ, а въ 1856 году переѣхалѣ на приходѣ въ мѣстечку Перемышлянахѣ. Въ Перемышлянахѣ однако не было

обиталища для священника, для того онъ поселился при дочерней церкви, въ селѣ Коростнѣ. Обстоятельство, что священникъ жилъ на селѣ и рѣдко отправлялъ богослуженіе въ мѣстской церкви, въ Перемышлянахъ, разъ на 3 -- 5 недѣль, помогло латинской пропагандѣ, выходящей изъ тамошняго костела, до такой степени, что не всѣ Перемышлянскіи Русины праздновали русскіи свята, но, посѣщаячи костель, обходили уже и латинскіи свята. Даже дякъ при Перемышлянской церкви былъ ополяченъ, ибо зъ-початку по польски говорилъ съ своимъ новымъ приходникомъ, Иваномъ Наумовичемъ. На первой литургіи, которую Иванъ Наумовичъ совершилъ въ Перемышлянахъ, присутствовало всего 17 прихожанъ; нынѣ къ русскому приходу въ Перемышлянахъ принадлежитъ выше 800 душъ.

Можно собѣ представить, скѣлько труда и грызоты перенёсъ Иванъ Наумовичъ, чтобы собрати розсѣянные и заблудившіи овцы своего словесного стада, привести въ ладъ совсѣмъ запустѣвшую и бѣдную церковь и очистить ю отъ латинскихъ обычаевъ, которыи обезображали чудный нашъ восточный обрядъ! Бѣдное состояніе церкви въ Перемышлянахъ, опущеніе еи прихожанами и латинская пропаганда со стороны костела, вызвали у Ивана Наумовича мысль и стремленіе — очистить въ цѣлой Галичинѣ обрядъ русской церкви отъ всѣхъ латинскихъ новизнъ, якіи въ него примѣшались вслѣдствіе нерадѣнья духовенства и давленія отъ стороны латинства. То стремленіе, начатое Иваномъ Наумовичемъ въ Перемышлянахъ, розширилось вскорѣ на всю Галицкую Русь. Оно извѣстно у насъ подъ названіями „Обрядового вопроса“, „Обрядового движенія“ или „Обрядовщины“, и составляетъ важную часть исторіи русской уніатской церкви въ Галичинѣ въ еи борьбѣ съ латинствомъ. Въ дѣлѣ очищенія обряда отъ латинскихъ примѣсей, Иванъ Наумовичъ написалъ и напечаталъ въ тогдашнемъ единственномъ органѣ Галицкой Руси, въ газетѣ „Слово“, начавшей выходить зъ 1861 г., много статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна статья: „Якого рода суть измѣны и отклоненія отъ прежнихъ, употребляемыхъ у насъ обрядовъ при богослуженіи“, напечатанная въ 24—29 н-рахъ „Слова“ за г. 1862. Тѣи статьи вызвали середъ русскаго духовенства небывалую до того времени дѣятельность въ пользу церкви и чистоты обряда, а въ русскихъ и польскихъ газетахъ завязаную борьбу, но также поставили на ноги сторонниковъ олатинщенія русской церкви и возстановили ихъ противъ Ивана Наумовича. Въ газетахъ „Dziennik Polski“ и „Gazeta Narodowa“ появлялись разъ-по-разу статьи, содержащія явныи клеветы на Ив. Наумовича и обвиненія его въ

„шизмѣ.“ Въ латинскихъ костелахъ молилися всенародно, щобы Господь отвернулъ Ивана Наумовича отъ „шизмы.“ Наконецъ дѣло дошло до того, що противники чистоты русскаго обряда подали жалобу на Ив. Наумовича папѣ и нунцію въ Вѣднѣ, вслѣдствіе чого послѣдній поручилъ тогдашнему латинскому архіепископу во Львовѣ, Вершлейскому, про- извести слѣдство надъ дѣятельностью Ив. Наумовича. Вершлейскій передалъ веденіе слѣдства латинскому декану въ Перемышлянскомъ окрузѣ, кс. Коханскому, а исходъ жалобъ, слѣдства и „Обрядового движенія“ былъ такий, що папа издалъ 7 апрѣля 1862 г. breve: *Amantissimus humani generis*, т. е. роспоряженіе, которымъ основаль при *Congregatio de propaganda fide* (Собраніе для роспространенія вѣры) от- дѣлъ *pro negotiis ritus orientalis* (для дѣлъ восточнаго обряда), а митрополитъ Григорій Яхимовичъ издалъ пастырское посланіе, въ которомъ возвалъ русское духовенство здер- жаться съ очищеніемъ обряда до рѣшеній духовнаго Собора, который митрополитъ обѣщаль въ скоромъ времени скликати. Подобное-же посланіе пѣзднѣйше, ибо въ іюнѣ 1862 г., издалъ Перемышльскій епископъ Ома Полянскій. Митрополитъ Григорій Яхимовичъ сочувствовалъ очищенію обряда, но подъ давленіемъ Рима и правительства, онъ былъ принужденъ остановить движеніе въ томъ направленіи и даже воззвать Ив. Наумовича къ оправданію. Иванъ Наумовичъ, желаючи основательно представить архипастырю свое намѣреніе, занялся изложеніемъ его на письмѣ и для того не прибылъ во Львовъ въ назначенный день. За то митрополитъ наложилъ на него кару 14-дневныхъ реколекцій. И. Наумовичъ прибылъ во Львовъ дня отбытія кары 9 марта 1862 г., но митропо- литъ, поговоривши съ нимъ, простилъ ему, предложилъ ему однако бѣльше не писати въ дѣлѣ обряда. Уже послѣ поя- вленія архипастырскаго посланія въ обрядовѣмъ дѣлѣ, Ив. Наумовичъ написалъ въ числѣ 9 „Слова“ за 1862 г.: „Намъ подобае внимати словамъ нашего Архипастыря, которого вся жизнь отличаеся чистою любовью къ церкви и народу рус- скому, который, постарѣвшисъ въ борьбахъ съ враждебными намъ стихіями, стоить на своемъ высокомъ становищѣ яко ревнѣйшій нашъ заступникъ, не только въ духовныхъ, но и въ соединенныхъ съ ними мірскихъ дѣлахъ. Такъ хотя переслѣдченіе наше може быти иное, но „повиновитися наста- вникомъ, иже бдятъ о душахъ нашихъ,“ повелѣвае намъ высокое христіанское ученіе и мы повинуюемся не изъ страха передъ карами, но изъ должности христіанской, изъ должности къ народу и съ твердостью любви, которую питае вся Русь къ своему князю-владыцѣ. Наша народность и нашъ церков- ный обрядъ, — то два сіамскіи близнзта, зросшіися и недѣ-

лимыи, одно чувствующи, одно имъ страдающи, одно имъ всякое дѣло, одинъ у нихъ сонъ, одно возстаніе. Одна была имъ неволя, и коли одного били и мучили, то другій чувствовалъ всѣ удары и язвы. Теперь оба разомъ узрѣли предвозвѣстницу денницы свободы и оба однимъ сердцемъ возрадовались. Но, видится, прежде чѣмъ узрѣть ясное солнце, имъ суждено еще испити не одну чашу горести... А такъ съ упованьемъ въ щедроты Всемогущаго Бога и съ непоколебимою любовью и послушаніемъ къ нашему Отцу-Владыцѣ, вооружимся заблаговременно оружіемъ истины и знанія, чтобы на приреченномъ Соборѣ станути готовыми и непостыдно до великаго и спасительнаго дѣла: исправленія нашего святаго обряда.“

Къ приреченному Собору, однако, не пришло. Середъ приготовленій къ нему умеръ митрополитъ Григорій (17/29 апрѣля 1863), а послѣ него насталь митрополитъ Спиридіонъ Литвиновичъ, а съ нимъ и другое время. Если затѣмъ русскій обрядъ въ нашихъ униатскихъ церквахъ хотя бы части былъ очищенъ отъ многихъ латинскихъ примѣсей и вообще былъ болѣе приближенъ къ древнему восточному обряду, чѣмъ н. пр. въ то время въ Холмской Руси, то заслуга сего Ив. Наумовича, который, оставивши, на желаніе митрополита, пропаганду дѣломъ, не переставалъ указывать духовенству на тѣ новости, которыя не принадлежать къ русскому обряду, якъ то доводитъ упомянутая статья: „Якого рода суть измѣны“ и т. д. Статья та представляла разумную критику тогдашняго положенія церковнаго обряда. Якъ въ той статьѣ, такъ и во всѣхъ другихъ въ томъ предметѣ, Ив. Наумовичъ указывалъ на олатинщенье церкви, яко на прямой результатъ духовной и политической зависимости униатской церкви отъ Поляковъ. Статьи тіи, написанныи основно и съ глубокимъ знаніемъ обряда, до сихъ поръ не утратили своего значенія и нынѣ еще могутъ служить образчикомъ той смѣлости и широты стремленій, съ якою, майже 40 лѣтъ тому назадъ, выступалъ Ив. Наумовичъ. Такъ въ упомянутой статьѣ онъ писалъ: „Пастырское посланіе Его Превосходительства Митрополита, изданное по причинѣ сего, теперь уже живѣйшаго церковно-народнаго движенія, ввело наилучшихъ сыновъ Руси и найчестнѣйшихъ іереевъ въ глубокую печаль. Непріатели наши восторжествовали кликомъ побѣды. Началось систематичное, а теперь уже основное гоненіе всего, що русское. По латинскимъ костеламъ гремѣли пламенные проповѣди, насъ прозывали „новокатоликами“, противъ насъ подстрекали народъ, которому проповѣдали, що мы отступили отъ вѣры католической. По нашимъ русскимъ церквамъ являются теперь, якъ-бы въ урядовомъ характерѣ, въ цѣли

точного наблюденія приказовъ Впреосв. Митрополита, наши церковныи и народныи прстивники, якъ будто-бы они имѣли право въ присутствіи нашихъ вѣрныхъ насъ судити, чи обряды наши добры и богоугодны, или нѣтъ. Воистину, сію чашу горести ни я, ни многіи изъ нашихъ, будь що буде, не приняли бы изъ ничьихъ болѣе, только изъ рукъ превозлюбленнаго Князя-Владыки нашего!“

Якъ уже выше сказано, Ив. Наумовичъ много вытерпѣлъ по поводу своей ревности для русской церкви. Противники еи и русского народа нападали на него въ польскихъ газетахъ, подсылали въ церковь въ Перемышлянахъ шпигунѣвъ, щобы схватити его на якѣмъ словѣ, и допѣкали ему всѣми способами, роспространяючи слухи, що ѡнъ запродался „москалямъ.“

Отрадою и утѣшеніемъ для Ив. Наумовича была, однако, любовь къ нему крестьянъ и патріотичной части образованныхъ русскихъ Галичанъ. Во время найзавзятѣйшой борьбы противъ Ив. Наумовича, его подддержовала правственнo вся Галицкая Русь, доказательствомъ чого сжуютъ слѣдующіи факты: Въ 1861 г. ѡтбылся во Львовѣ, въ редутовой салѣ театра гр. Скарбка, первый русскій балъ, на которомъ присутствовало до 800 лицъ, значить, великая часть галицко-русской интилигенціи. Коли въ салѣ появился Ив. Наумовичъ, священники и молодежь подхватали его на руки и, при пѣнію „многолѣтствія“, обносили его по цѣлой салѣ. Уже тогды Галицкая Русь позналась на Ив. Наумовичѣ. Въ н-рѣ 5 „Слова“ за 1862 г. напечатано въ его честь стихотвореніе, въ которомъ авторъ Л. Л. такъ къ нему ѡтзывается:

„Ой, брате-соколе, пѣдойми-же крыла,
За птичковь ко звѣздамъ смѣло возлети,
Оставь журбу злымъ, сли журба имъ мила,
А ты намъ про звѣзды ясны розскажи!“

Въ отвѣтъ на статью Dziennik-a Polsk-ого (н-рѣ 19) п. з. Przeciw reakcyi w obrządku grecko-katolickim, зверненную до русскихъ студентѣвъ Львовскаго университета, 40 русскихъ студентѣвъ напечатали въ н-рѣ 6 „Слова“ за 1862 г. адресъ „Преподобному Отцу Ивану Наумовичу, приходнику Коростна и Перемышлянъ“, въ которѣмъ заявили:

„Честъ Вамъ и слава, Батьку! А ѡтъ русскихъ академикѣвъ щирое „спаси-Богъ“, за тѣи труды, що ихъ поносите около очищеня нашей батькѣвской гр. к. вѣры ѡтъ чужихъ, русскому духу противныхъ, а развитію русской народности (якъ то изъ исторіи добре знаемъ) шкодливыхъ впливѣвъ, — сумныхъ памятокъ нашей духоввой недоли. Батьку! Мы члены одного тѣла, сыны единой русской неньки; болѣе одинъ членъ, цѣлое тѣло съ нимъ болѣе. То-жъ радуйся, Батьку! Ты бо

загрѣлъ наши сердца новымъ жаромъ любви до нашего (каждому Русину уже отъ дитинства) дорогого обряда, а жаръ той загальный, якъ въ нашой громадѣ, такъ и по-за ту, и самая святость дѣла, велятъ намъ въ лучшую для него вѣрити будущность.“

Отвѣтное „Слово до русской академической Громады во Львовѣ“ Ив. Наумовича гласить („Слово,“ н-ръ 7, 1862): „Богъ дай здоровья, панове Громада, не за то, що вы менѣ отдали честь передъ свѣтомъ та сосѣдами, а за то, що вы возрадовали всю нашу святую Русь, що вы, будущи свѣтила и начальники нашего сердечного народа, показали всему русскому роду, що въ васъ бѣе еще чистая, старорусская кровь, що вы отдали поклонъ старой рѣдной Матери нашой, Церкви, и уставамъ святыхъ нашихъ Отцѣвъ. За то честь вамъ, и слава и поклонъ отъ мене и всѣхъ нашихъ, що одной со мною мысли и одного духа! Кто теперь посмѣе сказать, що то не Русь домагаеся своихъ питомыхъ обрядѣвъ? Мовлялъ той, що то я — Иванъ Наумовичъ — не Русь; нехай буде, що я — не Русь, но со мною Русь, самая твердая, щирая, сердечная, надежная; а противъ той Руси ни то, ни се, звычайно вѣтеръ въ полѣ, ти газетчики польскіи. Та не въ ладъ имъ то дѣло, то, бачите, найтвердѣйшіи орѣхъ для нашихъ цивилизаторѣвъ, а они, бачу, начинаютъ роздумовати надъ послѣдствіями отъ того, якъ Русь стане на своихъ питомыхъ ногахъ, та и простый нашъ крестьянинъ познае, що онъ за одинъ, та отки онъ взялся на свѣтъ, що то оживить масу народа любовью имени русского и русскихъ старыхъ обычаевъ. Но що мы винны, що имъ то не въ ладъ, коли теперь такіи часъ настигъ, та уже такіи нынѣшній воздухъ, такое нынѣшнее свѣтло соненька святого, що уже иная въ людяхъ природа, що не хотятъ нагинати карку въ старое та твердое ярмо чужины! Такъ мовлялъ небожникъ нашъ Яковъ Геровскій: „Богъ батько, а руская мати велика! Слава Богу, воскресившому нашу великую русскую Матерь, а Громадѣ вашей честь за сердечную любовь къ той родной великой Мери!“

Само собою понятно, що куренды митрополита и епископа Перемышльскаго навели страхъ на слабодухѣвъ среди духовенства и они притихли, ожидаючи Собора. Замѣтивши застой въ церковно-народномъ движеніи, Иванъ Наумовичъ въ н-рѣ 54 „Слова“ за 1862 г. напечаталъ статью, въ которой заявилъ: „Слабодухѣвъ и рѣвнодушныхъ не обходитъ ніякій вопросъ, отже и обрядовый вопросъ имъ байдуже... Они рады бы забыги, що суть Русинами и що обрядомъ греческимъ должны величати Бога. Всѣ тѣ роды Русинѣвъ будутъ теперь сражаться и борьба буде горяча, а на которой

сторонѣ буде побѣда, покаже близкая будущность. Или станемъ народомъ съ сознаниемъ своей народности, съ крѣпкимъ словомъ въ оборонѣ тысячелѣтнего неодолимого нашего сокровища и скинемъ давящее насъ ярмо, накинченное іезуитами, или останись намъ дальше рабами, та погибнути и оставить по собѣ безчестную память въ исторіи.“

Тѣ смѣлыя слова, высказанныя въ то время, коли противъ обрядового движенія выступили: Римъ, правительство, Поляки, а подѣ ихъ давленіемъ и митрополитъ Григорій и епископъ Перемышльскій Тома, даютъ свидѣтельство о великой силѣ духа и самоотверженіи Ивана Наумовича. А треба знати, що именно въ то время онъ находился въ великой бѣдности. Яко молодой священникъ, и къ тому на бѣднѣмъ, запущеннѣмъ приходѣ, а сверхъ того николи не стремлячись до богатства, Ив. Наумовичъ еще не успѣлъ загосподароваться, якъ его выѣрали русскіи сельскіи громады Золочевского округа въ 1861 г. посломъ въ первый галицкій Соймъ. По тогдашней соимовой ординаціи, Соймъ состоялъ изъ 150 пословъ, въ число которыхъ сельскіи громады Галичины, русскіи и польскіи, выбирали 74-хъ пословъ. При выборахъ въ первый галицкій Соймъ, русская сторона поставила 61 кандидатовъ, изъ которыхъ были выбраны 43, въ томъ числѣ Ив. Наумовичъ. Въ то время правительство иначе относилось до русскаго народа, а польская партія не мала еще такой силы и власти, якъ нынѣ; для того въ Соймъ вошли русскіи послы въ такомъ числѣ, якого потѣмъ уже николи не было. Якъ уже выше сказано, по поводу стремленія Ив. Наумовича къ очищенію русскаго обряда, возникла противъ него страшная агитація, выражавшаяся и въ польскихъ газетахъ, и въ клеветахъ, якіи его народныя противники распускали противъ него словесно. Уже и въ такихъ отношеніяхъ тяжко было Ив. Наумовичу жити, а тутъ случилось новое несчастье. Первое засѣданіе новаго Сойма состоялось 3(15) цвѣтня 1861 г. Иванъ Наумовичъ прибылъ во Львовъ, но уже слѣдующаго дня рано довѣдался, що село его прихода, Коростно, до половины згорѣло: церковь, приходскіи будинки, еще не доконченныи, и 58 крестьянскихъ усадебъ, спопелѣли въ кѣлька годинъ! Само собою розумѣся, що Ив. Наумовичъ поспѣшилъ на мѣстце несчастья, чтобы помочи своимъ прихожанамъ, и засталъ въ Коростнѣ плачь, отчаянье и новаго рода агитацію противъ себе. Въ Перемышлянахъ завязался изъ тамошнихъ Поляковъ комитетъ для несенія помочи погорѣльцямъ, но панки, роздаючи Коростнянцямъ хлѣбъ, говорили имъ: *Widzicie, co wam wasz por narobi!* И постигшее несчастье приписывали карѣ Божой за введеніе Ив. Наумовичемъ „шизматичскаго“ обряда! Мѣстечко Перемышляны и Коростно на-

лежало до гр. А. Потоцкого, а управлялъ ими ополченный Нѣмецъ Мальсбургъ. Коли погорѣльцы пришли къ Мальсбургу просити о дерево на будынки, ѡнъ имъ прямо сказалъ: *Wypędzcie waszego pora ze wsi, a wszystko dostaniecie!* Идутъ бѣдные люди къ Ив. Наумовичу и говорятъ ему то, що сказалъ Мальсбургъ. „Що-жь, — ѡтповѣлъ ѡнъ, — васъ 58, а я одинъ, лучше вамъ одного прогнати, чѣмъ черезъ одного всѣмъ бѣдити.“ Люди заплакали на тѣ слова, заплакалъ и самъ Ив. Наумовичъ надъ ихъ горемъ, но понеже крестьяне и не думали его проганяти, то ему прійшлося постаратись о помѣчь для нихъ. И дѣйствительно, Русь не оставила его, митрополитъ Григорій началъ складчину на погорѣльцевъ, давши И. Наумовичу 100 зр., и со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія: редакція „Слова“ собирала датки въ грошахъ, а доокрестныи священники и громады привозили хлѣбъ, насѣнье, одежду и всячину. Мало-помалу крестьяне начали ѡтбуживатись, къ чему имъ помѣгъ и властитель Перемышлянъ, гр. А. Потоцкій, давши для половины погорѣльцевъ матерьялъ на хаты. До осени погорѣльцы ѡтбуживались, но Ив. Наумовичъ и не думалъ о приходскихъ будынкахъ. Прежде всего ѡнъ постановилъ построи церкви, и то каменную. Не смотря на то, що въ то время злодѣи украли ему послѣднюю пару коней и вѣзъ, такъ, що ѡнъ не малъ чѣмъ выхати изъ дому, Ив. Наумовичъ не спочилъ, якъ долго съ помощью пожертвованій со стороны прихожанъ, гр. А. Потоцкого и добрыхъ людей, не построилъ церкви.

Середъ такихъ бѣдъ и занятій, Ив. Наумовичъ не пересталъ, однако, трудитись для церкви и для всего народа. Такъ въ 31 числѣ „Слова“ за 1861 г. ѡнъ написалъ „Изъ погорѣлища Коростна“ статью противъ внесенного въ Соймъ предложенія латинского кс. Ручки, который требовалъ, чтобы помѣщики мали право выбирать священника на приходъ не изъ числа трехъ кандидатѡвъ, предложенныхъ консисторією, но изъ числа всѣхъ, которые подались на якій приходъ. „Доки буде наша церковь работати Фараонами?“ говорить въ той статьи Ив. Наумовичъ. — „Признаніе панамъ майже необмеженной власти въ выборѣ душпаستырей, уважаемъ яко наилучшее средство къ деморализаціи священникѡвъ, обмеженной терномъ, уважаемъ яко порабощеніе нашей Церкви, а посредственно и нашего народа, духовное и политично-народное. Характеромъ настоящихъ временъ есть стремленіе къ свободѣ всѣхъ обывателей края, основанной на всесторонней справедливости; давній привилегіи должны задержатись о стѣлько, о скѣлько суть полезны обществу.“

Въ 1861 году русскіи патріоты зачали настойчиво добиватись признанія правъ русскаго языка и письма во всѣхъ

урядахъ восточної Галичины. Ів. Наумовичъ и въ семъ отношеніи выступилъ въ числѣ первыхъ защитникѣвъ русскаго слова и письма. Въ ч. 40 „Слова“ за 1861 г. Ів. Наумовичъ съ гѣркою насмѣшкою пише: „Вы, панове редакторы, пишете собѣ здоровы о свободѣ и рѣвноправности всѣхъ народѣвъ австрійской державы, о соймахъ, о тронной бесѣдѣ и о всѣхъ распорядженіяхъ министерства, касающихся нашего русскаго языка, яко урядового. Наши уряды почтовые не умѣють азбуки, а для якой тамъ забаги русскихъ попѣвъ не будутъ чей надѣ букварями сушитися. Подается дописъ урядовая до намѣстника (декана) русскаго по русски, — ѳткнуть и баста! Такъ случилось моею дописи, адресованной до уряда деканата Бобрецкаго. Бѣдная, съ русскимъ лицомъ, не потрафила до Бѣрки — завернули зъ дороги „дюпасомъ“ (Schub-rass) назадъ до Перемышля; — нужъ я мою бѣдную зневаженную посланницю перебирай, а ту не знати, чи въ нѣмецкѣй фракъ, чи въ польскѣй контушъ? . . . Бо такъ казали на почтѣ перебрати. Та уже коли централизація, то годѣ, тягни, небожище фракъ, съ жолтыми гузиками, та счастлива тобѣ дорога до Бѣрки! Да жіе рѣвноправность! А вы, Русины, щобы вы знали, що тѣ Октобріи (октябрьскѣй дипломъ о конституціи), и тѣ тронныя бесѣды, и всѣ тѣ распорядженія министерскіи, въ которыхъ вы вѣрите, не написаны для урядѣвъ почтовыхъ и не вѣльно вамъ: 1) по русски надписовати такіи листы, на которыхъ жадаете рецѣписа; 2) гроши можете посылати тѣлько Нѣмцямъ и Полякамъ, а Русинамъ пѣдъ русскою адресою не вѣльно; 3) въ перепицѣ урядовой межъ русскими духовными урядами употребляти языкъ и письмо русское также не вѣльно, понеже панове урядники почтовые не мають урядового наказу умѣти по русски, и для того не мають потребы куповати буквари и сушити голову надѣ азбукою русскою; для того памятайте, будьте такими Русинами, щобысьте сердце мали русское, а лице нѣмецкое, або польское. Рѣвноправность такъ мае розумѣтисъ, що вамъ вѣльно всегда желати рѣвного права, но исполненія рѣвности николи не видѣти.“

Приведенныя слова доказуютъ, якъ вѣрно оцѣнили Ів. Наумовичъ рѣвноправность русскаго народа въ самомъ началѣ конституціонной эры, если то, надѣ чѣмъ ѳнъ смѣялся въ 1861 г., и нынѣ еще повтаряея. До сихъ поръ, майже въ 40 лѣтъ послѣ написанья приведенныхъ слѣвъ Ів. Наумовичемъ, они не утратили еще своего значенія. . . .

Польскіи загорѣльцы сильно вознегодовали на польское бѣльшинство Сойма по тому поводу, що оно позволило русскимъ посламъ въ Соймъ по русски говорити. Опрляченнй Нѣмецъ, Шмидтъ, написалъ даже въ семъ дѣлѣ брошуру;

въ которой утверждалъ, що Русины, яко народъ, не существуютъ и що тѣлько св. Юрь (т. е. духовная власть) виновата, що русское населеніе не хоче быти польскимъ. Ив. Наумовичъ не стерпѣлъ выходки Шмидта и въ „Словѣ“ (ч. 43) за 1861 г. отвѣтилъ ему слѣдующимъ способомъ: „Изъ всей прошедшей и текущей исторіи могли бы научиться и наши гегемоны, пишущіи въ польскихъ газетахъ и брошюрахъ, будто не знаютъ въ границахъ Галичины и давной Польши, кромѣ польского, яко окреми́шнёго, русского народа: що то тяжко, ба и невозможно приголомшити пробужденного разъ народнаго духа, даже тогда, если есть и обстоятельства и сила по тому, а тѣмъ меньше, где обстоятельства неприязненные и силы ніякой. Сказати нынѣ народу: ты не былъ, не еси и не будешь народомъ, лишь причѣпкою Польши, твоѣй языкъ не языкъ, а жаргонъ польского языка, нынѣ, въ XIX вѣцѣ, въ дняхъ просвѣщенія и свободы, — мимо того, що той народъ голосно передъ цѣлымъ свѣтомъ повѣдае: „Я есмь, жию на землѣ моихъ отецъ, въ полномъ сознаніи своей народности,“ — значить или зъ ума зойти, или быти деспотомъ. Небылицъ людей зъумасшедшихъ никто не зважае, для деспотизма же треба силы. Що-жь намъ повредитъ брошюра г. Шмидта, которой сочинитель негодуе на бѣльшинство Сойма краевого, що намъ, Русинамъ, позволило говорити по русски?! Славное: *Nie rozwalam, mosiustranie!* — нынѣ смѣшно, ибо нынѣ Русины не ѡтъ Польши и Поляковъ потребуютъ позволенія даже при бѣльшинствѣ въ Соймѣ... Г. Шмидтъ, писавшій ту брошюру, не входилъ глубше въ исторію прошедшихъ послѣднихъ лѣтъ, ѡтъ коли вопросъ народностей сталъ оживляться, та валить на св. Юрь отвѣчательность за то, що русскій народъ не хоче быти польскимъ. Шмидтъ не знае, що не народъ за св. Юромъ, но св. Юрь за народомъ иде, и ѡтци походить то согласіе межъ св. Юромъ и народомъ, которое г. Шмидту и дружинѣ *Przegląd*-а такъ незнакомо. Вернемся до 1848, пригадаймо собѣ, що тогда св. Юрь былъ въ политичнѣмъ отношеніи русскому народу мало извѣстенъ. Закѣмъ собралася „Русская Рада,“ закѣмъ позавязывалися окружныя Рады по краѣ, тѣмчасомъ Поляки уже оголосили Польшу въ давныхъ границахъ, вооружили гвардію и плѣнили даже мало не все русское юношество. Бѣльшая половина семинаристѡвъ, межъ которыми и писатель сего, ходила въ конфедераткахъ, належала до тайныхъ товариществъ, якъ н. пр. до товарищества „Братевъ“ и пр. Тогда и межъ священниками мало который понималъ свое становище, а що-жь на то народъ? Чи исповѣлъ ѡнъ свою вѣру политичную въ пользу Польши, которой проповѣдники шумно даровали ему панщину, щобы его подзыскати для своихъ

цѣлей? Тогда, г. Шмидтъ, мы, юноши, напоенные теоріями польского братолюбія, обмануты идеаломъ вольной Польщи, разѣхавшіися на села, зыскивати народъ для Польщи: тогда познали мы тотъ народъ и познали все невѣжество и злобу тѣхъ, которые насъ обманывали и отчуждали отъ власного, честного, здоровомыслящего народа! Языкъ русскій въ Соймѣ, въ школахъ и урядѣ есть нынѣ не ласкою, не *wspaniałomyślnością* (великодушіемъ), но конечною потребою и условіемъ покою въ нашѣмъ краю! Такъ Русь смѣется изъ той брошюры и видитъ въ ней новый доказъ вашей любви. Теперь ваши письма служатъ только намъ къ лучшему познанію вашей злобы и къ покрѣпленію русско-народного дѣла!“

Въ 1861 г. многіи польскіи политики держались еще принципа, высказанного въ 2 числѣ *Gazet-ы Narodowej* за 1848 г.: „*Nieznaliśmy i nieznamy Rusi, — tak jakieśmy nieznali, i niehecemy znać narodu ruskiego i jego narodowości ruskiej, — znaliśmy i znamy tylko Polskę — naród polski z jedyną narodowością polską.*“ Такъ само говорили и Мадьяре, не хотѣвши въ Угорщинѣ признати ніякой другой народности, кромѣ мадьярской. Коли Хорваты (сербскіи католики, употребляющіи латинское письмо, вмѣсто кириллицы) заявили извѣстному Мадьярону Людвигу Кошуту (то былъ Словакъ родомъ, называвшійся Кошикъ), що Хорватія требуетъ для себе національныхъ правъ, Кошутъ запыталъ ихъ гордо: Въ которой части свѣта лежитъ Хорватія? Менѣ въ границахъ Угорщины неизвѣстенъ, кромѣ мадьярскаго, ніякій другій народъ! Коли въ 1861 г. появился отзывъ Словаковъ, подписанный извѣстнымъ словацкимъ патріотомъ, Іосифомъ Гурбаномъ, къ Хорватамъ, Угро-Руссамъ и Румунамъ (въ ч. 138 газетъ *Ost und West*, выходившей въ Вѣднѣ для защиты интересовъ Славянъ), Ив. Наумовичъ откликнулся въ „Словѣ“ (ч. 56) слѣдующими словами, въ которыхъ пробивается его всеславянская любовь:

„Сердце расплывается въ чувствѣ сердечной радости, которая Бескидомъ заянѣла новая зоря всеславянской взаимности, любви и дружества народовъ различныхъ племенъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ чувствомъ радости иде и скорбь: почему тутъ не можемъ выречи такихъ-же словъ къ братьямъ нашимъ Ляхамъ? Почему они не промовляютъ къ намъ такими-же словами? Чи слова великаго пѣвца Славянины: *Svornost* (згода) *jeń a osveta nam schazi* (слова Колляра изъ его „Дщери Славы“, означаютъ: Намъ не стае лишъ согласія и просвѣщенія) уже до никого, только до насъ, Русинѣвъ и Ляхѣвъ, приноврвляти? И чому-жь межъ нами не ма той „сворности“, того согласія? На послѣдній вопросъ готовъ отвѣтъ въ сердцѣ каждого Русина: Не можемъ любити тѣхъ, которые

непремѣнно и безусловно желаютъ нашей смерти, которые
 ѡтъ вѣковъ воюютъ съ нами самымъ безчестнымъ оружіемъ:
 ложію и обманомъ, которые еще въ 1861 г. не признали вы-
 сокой цѣли, всеславянской взаимности, а всегда и всюду
 мечтаютъ о поставленіи своего трона на нашихъ гробахъ!
 Завидуемъ вамъ изъ глубины душъ нашихъ, возлюбленные
 братья Словаки, вы, милые друзья и сердечныя сосѣди нашихъ
 угорскихъ братьевъ, що вамъ суждено поднести чародѣйный
 голосъ, взывающій ко взаимности и любви сыновъ одной Ма-
 тери Славы! Народы, къ которымъ произносите вашъ голосъ,
 не надменные гордостію, не забываютъ растягнуть границы
 своихъ будущихъ царствъ на гробахъ рѣдныхъ-братскихъ на-
 родовъ; они за любовь отдадутъ вамъ любовь, за честь —
 честь. О, какъ-же сумно намъ, що мы къ нашимъ сосѣдамъ
 не можемъ такими словами ѡтзываться, ни надѣяться ѡтъ
 нихъ взаимности! — Знаете причину, чому то такъ? У насъ
 не стоитъ справа межъ народамъ а народамъ, но межъ на-
 родомъ и его ренегатами! Въ семъ отношеніи есть межъ
 вами и нами нѣкоторое сходство. Мы и вы, чистыи, коренныи
 Славяне, славянского духа; мы и вы лишены вельможей, ко-
 торыи у васъ омадьярщены, у насъ ополячены и олатинщены;
 у васъ и у насъ заступаютъ народъ священники, проповѣд-
 ники евангелическіи и ихъ сыны, сыны народа; потому у
 насъ и у васъ есть истинное народолюбіе, безъ гордости
 и честолюбія, и вы и мы думаемъ о осчастливленіи нашихъ
 народовъ посредствомъ истинного просвѣщенія, не о широкихъ
 границахъ, какъ ваши Мадыаре и Мадыароны, а наши Ляхи и
 перекинчики. Вы ищете союзниковъ въ Славянахъ и Руму-
 нахъ, мы нашими собственными силами воюемъ противъ при-
 хотней Ляховъ, не признающихъ насъ и не признающихъ намъ
 ніякого народного права! Мы съ радостью узнали, що въ Св.
 Мартинѣ (въ столицѣ Словачины), на громкій призывъ отца
 Гурбана, покаялися нѣкоторые изъ вашихъ блудныхъ сыновъ,
 що услухали голоса совѣсти и поняли свои должности къ
 своему питомому народу. Може быти, що и нашимъ внушить
 Богъ здоровыи мысли и лучшіи чувства къ ихъ питомому
 народу русскому, которому когда-то, передъ нашествіемъ
 іезуитовъ, славно предводили ихъ прадѣды: а какъ тѣхъ на-
 шихъ, нынѣшнихъ ѡтегупниковъ и гонителей, вразумитъ Гос-
 подь, то къ сосѣднѣму братекому народу польскому про-
 изнесемъ тѣ-же сердечныи слова любви и братства, будемъ
 любить въ границахъ, назначенныхъ Богомъ, а не въ гра-
 ницахъ насилія и грабежей!”

Изъ словъ: *svornost jen a osveta nam schazi*, видно, що
 Ив. Наутовичъ уже зналъ Коллара знаменитую поему. „До-
 черъ Славы,“ изъ цѣлого же ѡтклика Ив. Наумовича въ

тою теплотою русско-славянской души, пробиваются тѣ возвышенные братскою любовью мысли, якими дышутъ сочиненія первыхъ русскихъ славянофиловъ.

Дораблялся Ив. Наумовичъ на погорѣлищѣ въ Коростнѣ не столько земныхъ благъ, сколько знаній и опыта, чтобы служить своему народу, дораблялась одновременно и вся Галицкая Русь на историчномъ погорѣлищѣ просвѣщенія и науки, чтобы достойно станути въ ряду другихъ просвѣщенныхъ народовъ и мудро боронити свою дорогую, историчную и народную спадщину. Но Галицкой Руси еще треба было приготовить къ великому народному труду, и для того Ив. Наумовичъ пустилъ слѣдующій кличъ къ народу („Слово“ ч. 64 за 1861 г.):

„Що намъ на добѣ необходимо потребно? Сообщенія! Безъ сообщенія нѣтъ у насъ жизни! Сосѣды наши собираются въ товариществахъ агрономичныхъ, молятся за усопшихъ своихъ корифеевъ, своихъ мучениковъ, возбужаютъ народный духъ, ободряютъ другъ друга, собираютъ гроши на патріотичныя цѣли, показываютъ передъ свѣтомъ, що они суть у насъ, на русской землѣ, на нашей загородѣ — польскими патріотами, а мы що дѣлаемъ? Кѣлканадцять поповъ зѣѣдутся на соборчикъ, пообѣдаютъ гроши на вдовы и сироты, за шематизмы, алумнатикъ, деканатикъ, зѣѣдаютъ обѣдець, тай вечеромъ ѣдутъ здоровы до дому. Чи не такъ? А — „се женихъ грядетъ во полунощи и блаженъ рабъ, его-же обрящетъ бдяща, недостойнъ же паки, его-же обрящетъ лѣнящася!“... И намъ треба бдѣти (сторожити), а не лѣноватися; намъ треба всеконечно сообщенія, чтобы мы списали всего нашего русского народа желанія... Чи мало намъ треба дѣлати? Вотъ, школы русскія мають заводитись, а где суть книги? Чи не достояло бы созвати соборъ нашихъ ученыхъ, яко то было 1848 года? Чи не треба бы поробити видѣлы (комисіи) для всѣхъ школьныхъ предметѣвъ, чтобы мы были готовы, коли запитають насъ: Чи маєте вы то и ово? У насъ есть интеллигенція крѣпка и духъ есть крѣпокъ, но конечно потребно сообщеніе. Завозвите насъ вы, начальники наши, опредѣлите день, на который намъ стати въ нашѣмъ городѣ Львовѣ, въ нашѣмъ „Народнѣмъ Домѣ“, мы охотно зѣѣдемся, поговоримъ, порадимся, спíšемъ наши желанія, роздѣлимъ межъ себе трудъ въ дѣлѣ предстоящего преобразования школъ и пр.“

Въ то время, коли Ив. Наумовичъ писалъ приведенныя слова, Галицкая Русь имѣла только два Общества: „Русскую Радѣ“ и „Галицко-русскую Матицу“, изъ которыхъ первая взяла на себе вести тяжесть политическаго труда, вторая же занималась просвѣтительными и научно-литературными во-

просами. „Народный Домъ“ еще тогда достроивался, Ставропигія не оказывала майже ніякой дѣятельности. Для того-то предложеніе Ив. Наумовича, стремящееся къ сообщенію русскихъ дѣятелей межъ собою, особенно въ виду приближавшагося преобразованія шкѣлъ, має великое значеніе и свѣдѣчить о дальноводности его автора. Якъ идеально, впрочемъ, Ив. Наумовичъ смотрѣлъ на труды свои и другихъ русскихъ патріотѣвъ, и якъ ѓнъ старался о будущности, то доказуе конецъ его статьи „О дѣлахъ, для Руси основныхъ“ („Слово“ ч. 69, 70 и 71 за 1861 г.), написанной въ отвѣтъ якому-то безыменному священнику, который въ Przegląd-ѣ выступалъ противъ работы русскихъ патріотѣвъ на нивѣ церковной и народной: „На всякій случай, — пише Ив. Наумовичъ, — молю васъ увѣритися, що теперѣшніи подвиги Русинѣвъ на полѣ народности и обряда не суть, якъ вы думаете до сихъ поръ, средствомъ къ полученію ордерѣвъ, достоинствъ, парохій и чинѣвъ! Насупротивъ, мы, твердыи Русины, могли бы воззвати къ отступникамъ нашимъ, стоящимъ въ великомъ почитаніи у польскихъ панѣвъ: Вы славны, мы же безчестны, и алчемъ, и жаждемъ и паготуемъ. Нынѣ еще лучше платить у насъ Польша, якъ Русь. Польша дае презенты (таки на наши же русскіи парохіи!), дрова, пасовиско, гоноры, — Русь не получае ничего, кромѣ укоризны; Русь вступае противъ всѣхъ въ борьбу за права народа и всѣ противъ ней выступаютъ, и клеветуютъ, и лгутъ и враждуютъ. Нынѣ лучше не отвирати очей темному народу, пользоваться его темнотою, не дразнити никого, сидѣти тихо и быти добрымъ у всѣхъ. Но если всѣ предпочитати будемъ такое мирное житіе ревнованію, где нужно ревновати, если всѣ будемъ оглядаться за доходами, а не за бѣльшимъ кругомъ дѣйствія, соответнымъ нашимъ силамъ, въ пользу русского народа, то „воспріемлемъ мзду нашу:“ выгодное житіе. Но що скаже будущность? То вопросъ, которого не можно мимо пустити безъ отвѣта, у кого есть чувство человѣческое, кто понялъ задачу и духа нынѣшнихъ и будущихъ дней!“

Взываючи всѣхъ русскихъ людей къ служенію русскому народу всѣми силами, Ив. Наумовичъ примѣнялъ свои слова и призывы въ дѣйствительной жизни и подавалъ собою примѣры такого служенія. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ: Въ октябрѣ 1861 получилъ ѓнъ ѓтъ краевого Выдѣла во Львовѣ польское письмо. Въ отвѣтъ на то Ив. Наумовичъ выслалъ въ краевой Выдѣлъ слѣдующій протестъ: „Высокій Выдѣле Сойма краевого! Не може неизвѣстно быти Высокому Выдѣлу, що подписавшійся есть Русиномъ по обряду и народности, выбранный (посломъ) въ окрузѣ Золочевскомъ, положенномъ въ восточной, русской части Галичины, заселенной

массою русского народа, межъ которымъ проживае лишь незначительное число жителей иныхъ народностей. Такъ яко Русинъ и посолъ преимущественно русскаго народа, має підписанный полное право ожидати, дабы въ мысль выреченой Его Величествомъ Императоромъ Францъ-Іосифомъ рѣвноправности всѣхъ народѣвъ австрійской державы, и высокій Выдѣлъ ту-же рѣвноправность русскаго народа признати и съ послами русской народности русскимъ языкомъ и русскимъ письмомъ переписыватися благоволилъ. А понеже письмо выс. Выдѣла ътъ дня 10 октобрія с. г. до Ч. 802, къ підписанному въ языцѣ польскѣмъ надосланное, есть самымъ очевиднымъ противорѣчіемъ той же засады рѣвноправности, для того підписанный видится въ немилѣмъ положеніи, противъ такого неконституційного и абсолютистичнаго дѣйствія выс. Выдѣла Сойма краевого торжественно запротестовати и умильно просити, щобы въ будущѣмъ выс. Выдѣлъ такому публичному, весь русскій народъ оскорбляющему неуваженію его основныхъ народныхъ правъ конецъ положить и съ русскими послами тѣлько по русски и русскимъ письмомъ переписыватися благоволилъ. Перемышляны, 8(20) октобрія 1861 года. И в а н ь Н а у м о в и ч ѣ, посолъ краевый, сязанникъ русскій въ Перемышлянахъ."

Если вспомнимъ, що еще нынѣ русскіи Галичане борются со всѣми властями въ краю за свѣій языкъ и письмо, если вспомнимъ, що еще нынѣ многіи изъ русскихъ Галичанъ боятся писати въ уряды по русски и безъ всякаго протеста принимаютъ ътъ нихъ польскіи письма, то поймемъ, какое впечатлѣнье вызвалъ протестъ Ив. Наумовича противъ польскаго письма въ 1861 г., коли польскіи политики ни за що не хотѣли признати русскаго письма, и называючи русскую скоропись „московскою," ътъ часу до часу уживали тѣлько кирилицы. Треба знати, що тѣлько императорскимъ роспоряженіемъ ътъ 8 апрѣля 1861 г. было признано русскому языку и письму право вступати въ уряды и суды. Но то роспоряженіе не имѣло успѣха, вслѣдствіе чого русскіи послы державной Думы, числомъ девять, внесли 18(30) сентября 1861 г. жалобу въ министерство. Противники русскаго письма ссылались на то, що министерскій декретъ ътъ 8(20) декабря 1859 г. роспоряжае, щобы русскіи прошенія въ уряды и къ властямъ были писаны латинскими буквами и що начальникамъ громадскихъ урядѣвъ предоставляется право выбирати языкъ для переписки урядѣвъ съ властями. Для того русскіи послы державной Думы затребовали знесенья упомянутого декрета и признанья: 1) Щобы въ восточной Галичинѣ русскій языкъ былъ признанъ единственнымъ кvaeвымъ языкомъ; 2) щобы сей языкъ былъ введенъ яко преподавательный

во всѣхъ школахъ восточной Галичины и 3) чтобы сей языкъ, о сколько то дастся погодити съ общими нормами державы, былъ введенъ также въ уряды. На основаніи императорскаго распорядженія отъ 8 апрѣля 1861 г., ревныи русскіи патріоты стали писати въ уряды только по русски, но встрѣтили другіи перепоны. Такъ и. пр. многіи уряды признавали вправдѣ русскій языкъ прошеній, но не признавали русской скорописи и приказывали прошенія писати кириллицею. На жалобу Русинѣвъ, львовское ц. к. намѣстничество, рѣшеніемъ отъ 6(18) іюля 1861 г., пояснило, що пѣдъ русскимъ письмомъ розумѣея русская скоропись, но и то поясненіе не помогло. Польская партія надѣялась, що благосклонное отношеніе правительства до русскаго народа вскорѣ измѣнится и для того всякими способами обходила упомянутыи распорядженія. Вотъ середѣ якихъ обстоятельствъ появился протестъ Ив. Наумовича, высланный въ краевый Выдѣлъ! Сей протестъ ободрилъ многіхъ въ борьбѣ за права русскаго языка и письма и имѣлъ такіи послѣдствія, що за Ив. Наумовичемъ поѣшли и другіи русскіи послы, первый-же Ив. Гушалевиць, и що краевый Выдѣлъ былъ въ концѣ принужденъ удовлетворити справедливому требованію русскіхъ послѣвъ.

Видячи стойкость и твердость первыхъ русскіхъ послѣвъ Сойма, польскіи политики задумали пѣимати ихъ на згоду и такимъ способомъ, хотя на время переговоровъ о згодѣ, ослабити ихъ дѣятельность. Згода мала быти заключена въ Соймѣ. Въ отвѣтъ на то Ив. Наумовичъ написалъ въ „Словѣ“ (н-ръ 81 за 1861 г.) слѣдующее заявленіе, которое и нынѣ еще може входить въ программу политично-народной дѣятельности русскаго народа въ Галичинѣ:

„Тобѣ, Русине, не жити на Божѣмъ свѣтѣ Русиномъ, не называти отчины твоей Русью; тобѣ ѡтречися матернѣго языка, матернѣй пѣсни; тобѣ не знати старой бывальщины, ни славы твоихъ отцѣвъ, ни ихъ добродѣтелей. Твоимъ отцамъ судилося быти когда-то рабами, — Польша мае право до тебе, якъ до своей земли, якъ до своей худобы (скота), и та-же Польша, нынѣ сама рабыня, таки не лишаея того старого грабежнаго права. То право, якъ та вѣчная наслѣдственная хвороба, опановала умъ и чувства смиренныхъ Богомъ гордецѣвъ! То право стоитъ имъ полудами въ очахъ, чтобы не видѣли ничего бѣльше права! — Воображеніе ихъ чертае на воздухахъ великую державу, въ которой надъ русскими землями ажъ по самъ славутный Днѣперъ владѣе польская мова, польскій стрѣй, польская шляхта, — изъ Руси же на тѣхъ земляхъ не ма ни слѣду, ни знаку. Русь однако дышитъ великаномъ пѣдъ ногами, ходитъ собѣ народомъ по землѣ пасущной, та поглядае тверезо на воздушныи забавки. Русь думаетъ собѣ:

Входятъ въ союзъ съ Мадырами, съ панами, съ магнатами, съ привилегіантами, то най собѣ здоровы входятъ; Мадыры иноплеменники, — завоеватели Славянъ, гонители Славянъ, нашли другѣвъ собѣ во всѣхъ противникахъ Славянства; имъ не въ головѣ ни въ сердцѣ судьба угнетенныхъ, якъ мы поверженныхъ народѣвъ: Словакѣвъ, Русинѣвъ, Сербѣвъ, Румынѣвъ. „Славянинъ не человекъ“, говорятъ Мадыры; такъ най идутъ собѣ до Мадырѣвъ. А мы, угнетенные, будемъ до послѣднѣго держати съ угнетенными, а мы, народолюбцы, будемъ боронити правъ народѣвъ, а не сплѣснѣлыхъ правъ историчныхъ, аристократичныхъ, правъ сильнѣйшихъ противъ слабшихъ. Мы будемъ Русинами, а Русь свободная не позволитъ собѣ на своей загорѣ бити столпѣвъ граничныхъ панской державы, — бо русская Мати велика, богата, вѣрна Богу и своему закону, не уступитъ права своего до своей загоры ни подѣ якимъ условіемъ. Такъ на соромъ Матери-Славы продолжаться буде наша домашняя незгода! Свѣтъ не може ѣтъ насъ жадати, щобы мы здавались на ласку тѣмъ, которые непремѣнно и безусловно желаютъ для своего панованья нашей политической смерти. Здатись на ласку-неласку значило бы тутъ: не чувствовати въ собѣ достоинства, ни права, было бы крайнимъ раболѣпіемъ, за которое осудила бы насъ исторія русская именовъ измѣнниковъ. Згода была бы возможна только на одной дорожѣ, на которой маемъ зѣйтися, т. е. на будущѣмъ Соймѣ Львовскѣмъ. Обѣ стороны нехай поставятъ себѣ взаимно условія, межъ которыми зъ русской стороны были бы головныи слѣдующи: 1) Торжественное признаніе со стороны цѣлого Сойма передъ лицемъ всей Европы, що въ Галичинѣ не одинъ, но два славянскіи народы существуютъ: русскій и польскій, и що польскій надѣ русскимъ, ни наоборотъ, не мае ніякого права первенства. 2) Языкъ русскій въ русской части въ школахъ, урядахъ, судахъ и во всякомъ публичномъ употребленіи мае быти языкомъ краевымъ, а польскому мае быти свое право, по-при немъ быти сорозмѣрно употребляемымъ, по справедливости и требованіямъ края. Въ польской части мае быти краевымъ языкомъ польскій. Подѣ такими условіями забылись бы давниі незгоды историческіи, а мы стали бы яко два различныхъ, но братскіи славянскіи народы, соединенныи духомъ любви, до дѣла истинной гражданской свободы. Такъ лишь открытое, широе признанье собѣ взаимно того, що каждому по отвѣчнымъ, неизмѣннымъ правамъ принадлежитъ, и лишь духъ взаимности славянской погодитъ насъ и не допуститъ до того, щобы при двохъ спорящихъ кто иный имѣлъ всю корысть.“

Цѣлый 1862 годъ, якъ мы уже выше представили, занимался Ив. Наумовичъ преимущественно обрядовымъ вопро-

сомъ. Его, якъ извѣстно, піддерживали дѣятельно многіи ревнители чистоты русскаго обряда и плоды „обрядового движенія“ показались уже наглядно въ 1863 году. „Обрядовое движеніе“, разомъ съ подъемомъ народнаго духа, проявило чудеса въ Галицкой Руси. Галицкая Русь якъ бы переродилась. Безымянный авторъ статьи: „Апология и исправителей обряда“ („Слово“ ч. 6, 7 и 8 за 1863 г.), такъ представляетъ то перерожденіе:

Где давнѣйше въ церкви не было порядка, где иконы розличнаго рода въ безладѣ по счорнѣлыхъ и запорошенныхъ стѣнахъ были порозѣшваны, межи которыми находились не только кальварійскіи богомазы и образы Святыхъ, въ различные времена не дуже искусно малѣваны, но также часто мірскіи портреты шляхтичей или королей польскихъ, що то съ обновленнаго двора были коляторомъ, который не малъ ихъ куда подѣти, въ даръ церкви принесены; где давнѣйше зъ иконостаса образы Апостоловъ служили за сходы на хоръ, а образы Иисуса Христа и Богородицы за підлогу тамъ-же; где, вмѣсто греческаго престола, стоялъ купленный зъ костела оltаръ латинскій со статуями святыхъ іезуитовъ, заслоняющихъ маленькіи окѣнца пресвитеріи такъ, що трудно было дозрѣти довольно толстыи буквы въ Евангеліи на престолѣ: тамъ теперь порядокъ въ церкви, стѣны малѣваны, иконостасъ новый, престолъ отвѣтныи обряду, выгодный и ясный. Где давнѣйше богослуженіе скорочене, съ выпущеньемъ екстений, недбало, съ храпливымъ дякомъ безъ науки, но за то съ трема звѣнками отпралялося, тамъ нынѣ ажъ мило послухати пѣнія и неможно, хотя не звонятъ въ звѣнки, довольно насмотрѣтись богослуженію и наслухатись науки. Где давнѣйше для убогаго Лазаря не было похорона, только такъ зовимое покропленіе, *od pieramiętnych czasów* введенное, и похоронъ только богачеви отпралялся, тамъ теперь всѣмъ одинаковый похоронъ, якъ богачеви, такъ и убогому отпралялся, бо церковь въ Требникахъ того различія не положила. Где давнѣйше на праздникахъ священники, отчитавши, або лучше сказавши, збывшия службы Божой, во время богослуженія въ церкви наслаждалися на попѣвствѣ пищею и напитками, а наѣвшия и напившия, ставали безъ всякаго почтенія до собору или такъ зовимой „асисты“, а неразъ забывали службу Богу сѣванную отправити: тамъ теперь, вспѣльно съ собранными людьми, всѣ священники молятся и соборну службу совершаютъ и уже не може быти небезпеченства, лишити той день святыи безъ торжественной службы Божой, а священники не отходятъ изъ церкви, доки все богослуженіе не окѣнчится; даже на Воздвиженіе Ч. Креста не только пѣсть ломался, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, но

и съ музыкою, на соблазнъ цѣлому свѣту, забавлялися (то было въ Куровичахъ, Золочевского округа), тамъ нынѣ, если есть праздникъ, скромно съ постомъ поживившись, священники забавляются размовою о получшеніи норовственности и побожности по-межь людомъ, имъ повѣреннымъ, о обрядахъ и ихъ значеніи или о хлопотахъ господарскихъ. Гдѣ давнѣйше священникъ не заглянулъ до хаты селянина безъ корысти своей, днесъ дѣлае бнѣ предписанное посѣщеніе и молитвае дѣмъ, а газды и газдыни витають его съ почтеніемъ, а дѣти съ радостью, бо образочки имъ несе. Гдѣ раньше на комашняхъ цѣль священника была наѣстися и налитися, или, закуривши сигару, безтолки и небылицы плести, тамъ днесъ священникъ, въ полной повазѣ и сознаніи своего званія и значенія, подѣлае страву, на якую стати селянина, и употреблае ту хвильку своего пребыванія въ хатѣ, по ѳтправленью молебствій, на обученіе селянъ, читае имъ занимательныи норовственныи повѣсти изъ „Слава Іисусу Христу,“ изъ повѣстей Пѣдбрусняненка, Бѣлецкого, Наумовича. О, якъ же имъ подобаеся Наумовича „Недѣля,“ „Третій Май“ и пр., или гдѣ-що изъ „Господарства сельского!...“

Такая дѣятельность священникѣвъ не могла подобатися противникамъ русской Церкви и народа. На священникѣвъ стали, якъ само собою понятно, косо смотрѣти, а положеніе ихъ авторъ вышеназванной статьи такъ описуе: „Русскими священниками всѣ интересуются, якъ живутъ, якъ богослуженіе правять, а никто не запытае, чи ты маешь що ѣсти, себе, жену и дѣтей ѳвѣтно удержати. За тѣхъ бо нужденныхъ 150 до 300 ренскихъ хотять панове коляторы мати зъ нихъ выгоду, а правительство услугу. Можешь быть Австріякомъ, но такимъ, чтобы-съ Польши не прогнѣвилъ; можешь быть Грекомъ, но такимъ, чтобы-съ латинникамъ подобался; можешь быть Русиномъ, но такимъ, чтобы-съ Нѣмцамъ, якъ правдивымъ, такъ и фальшивымъ, догодилъ. Св. папа каже: „Держися точно предписанныхъ обрядѣвъ Церкви восточной, бо я не хочу, чтобы всѣ были латинянами, но католиками; защитники же *zwyszcją od nieramieŋnych czasów* кричатъ: „Ани ми ся важъ! Правъ, якъ хочешь, только не такъ, якъ обрядъ приписуе, бо намъ теперь такъ потреба!“ Себелюбіе жадае: Будь Русиномъ, но такимъ, чтобы-съ у панѣвъ польскихъ ласки не стратилъ, — а наконецъ Богъ и совѣсть жадае: исполняй должности свои яко честный Русинъ и священникъ.. И такъ маешь быть, якъ бойко каже, и такимъ великимъ, и такимъ маленькимъ; и такимъ, якъ свѣтъ бѣленькимъ, и такимъ, якъ уголь чорненькимъ. Якъ же всѣмъ тѣмъ супротивностямъ догодити? То воистину не въ силахъ человѣка, а однакже

И. Наумовичъ въ рясъ и колпаку.

(Съ портрета, сдѣланного въ 1863 г. Ф. Гудовицкимъ, по заказу русскихъ академиковъ.)

бѣтъ русскаго священника жадають всего того! А понеже священнику невозможно всѣмъ догодити, то оттуда и происходитъ ненависть изъ всѣхъ сторонъ на русское духовенство.“

Между тѣмъ противники чистоты обряда русской Церкви и противники Руси не переставали посылать правительству и въ Римъ жалобъ и доносовъ на русскіхъ священниковъ, будто тѣи вводятъ „шизматичскіи“ обряды. Вслѣдствіе того въ началѣ апрѣля 1863 г. Львовская и Перемышльская гр. кат. консисторіи получили новое папское посланіе, которое требовало пріостановленія такъ называемыхъ „реновацій“ до рѣшенія папы, а для поясненія всего вопроса, присылки въ Римъ довѣренныхъ лицъ бѣтъ русскаго клира. По той причинѣ Львовская консисторія рѣшила составить для дѣла обряда двѣ комисіи, изъ которыхъ одна мала установити временное однообразіе обряда, на основаніи дотеперѣшнихъ обычаевъ, другая же заняться приготовительными трудами для будущаго провинціального Синода, который обѣщаль созвать Митрополитъ Григорій. Послѣ окѣнченія трудовъ тѣхъ комисій, мали выѣхать въ Римъ представители клира. Сторонники чистоты обряда покладали всѣ свои надѣи на Митрополита Григорія. Въ самѣмъ дѣлѣ, Митрополитъ Григорій сочувствовалъ дѣлу очищенія обряда и пять разъ взываль къ собѣ Ив. Наумовича. „Сей высокочестный и глубокоученый мужъ, — сказалъ Ив. Наумовичъ на судѣ во время процесса въ 1882, — выслушавши мене и признавши менѣ правду, сказали, що наши стремленія справедливы, но еще не на часѣ, и що то не може быти дѣломъ поодинокіхъ духовныхъ, только на то треба скликати Синодъ; щобы все то уладити, ѡнъ велѣлъ менѣ списати мои мысли; я списалъ, сослался на всѣ Соборы и конституціи и доказалъ такъ, що не оставалось ніякого сомнѣнія, що то дѣло буде рѣшено въ нашу корысть.“

Но середъ приготовленій къ рѣшенію такъ важнаго дѣла умеръ скоропостижно Митрополитъ Григорій Яхимовичъ. Вся патріотичная Русь заплакала ревными слезами по поводу той утраты, ибо ѡнъ своимъ авторитетомъ и силою своего характера отвернулъ не одну горечь бѣтъ русскаго народа и искренно сочувствовалъ его развитію. Особенно пріуныли чистители обряда, а межъ ними особенно Ив. Наумовичъ. Ѣтъ, якъ уже выше сказано, неоднократно бесѣдовалъ съ Митрополитомъ Григоріемъ въ дѣлахъ Церкви и выходилъ бѣтъ него съ ободреніемъ, хотя и съ совѣтомъ, поступати мудро. Вся Галицкая Русь предчувствовала, що въ лицѣ Митрополита Григорія зѣишло въ могилу не только Голова Церкви, но и Отецъ русскаго народа, Покровитель духовенства. Кто былъ Митрополитъ Григорій, о тѣмъ межъ прочимъ свѣдчатъ слѣдующіи факты: Въ 1860 г., коли Римъ и Фран-

ція стали усердно піддерживати розпространеніє унії въ Болгаріи, папскій нунцій въ Віднѣ и Львовскій латинскій архієпископъ Върхлейскій затребували бѣтъ перебувающаго тогды въ Віднѣ Митрополита Григорія, щобы ѓнѣ, яко Голова уніатѣвъ, издалъ ободрительное посланіє къ Болгарамъ, щобы они тѣмъ-скорше приняли унію. Розумѣеся, въ тѣмъ посланіи имѣлъ Митрополитъ заявити, що Русинамъ унія принесла счастье. Митрополитъ однако, не желаючи издати такого посланія, а зъ другой стороны не хотячи обидѣти высокихъ достойникѣвъ, отвѣтилъ имъ такъ: „Я написалъ бы такое посланіє, но боюсь вызвати неудовольствіє нашего правительства. Въ дѣло введенія въ Болгаріи унії вмѣшалась Франція; по Болгаріи снуются политичныи агенты Франціи, — видно що тутъ входить въ игру политика, а може яка интрига противъ Австріи. Въ виду сего менѣ трудно выставлятись и я посланія не издамъ.“ Около того-же времени прибылъ во Львовъ изъ Парижа русскій іезуитъ И. Мартыновъ, щобы испросити у Митрополита Григорія позволеніє на переходъ пяти русскихъ (россійскихъ) іезуитѣвъ изъ католицизма въ унію и на поселеніє во Львовѣ. Къ Митрополиту не было легко іезуитамъ достатись, для того о. И. Мартыновъ попросилъ тогдашнѣго редактора „Слова,“ Б. А. Дѣдицкаго, щобы его туда завѣлъ. Іезуитъ Мартыновъ изложилъ свое прошеніє Митрополиту и торжественно заявилъ, що его общество построить во Львовѣ величавую уніатскую церковь и буде правити богослуженіє точно по восточному уставу, члены общества будутъ ходити въ рясахъ и носити бороды и пр. Митрополитъ Григорій, который нарочно задержалъ Б. А. Дѣдицкого, щобы при тѣмъ разговорѣ мати свѣдка, выслухавши О. Мартынова, сказалъ: „Мы бы васъ охотно приняли въ унію, однакожь пѣдъ условіємъ, если станете у насъ не іезуитами, но Василианами.“ — „Мы того не можемъ, ибо мы присягали!“ отвѣтилъ о. Мартыновъ. — „То и мы не можемъ, — сказалъ Митрополитъ; — если вы хотите чисто хранити восточныи уставы, то знайте, що по тѣмъ уставамъ не мае быти у насъ бѣльше чинѣвъ, лишь тѣлько Василиане. Въ нашихъ уставахъ уже и такъ много перемѣнами занечистилось; я на ту новую дальшую ихъ перемѣну не дозволю. У насъ не было іезуитѣвъ; я ихъ не допущу. Если не хотите перейти въ чинъ св. Василія, останьте при своемъ генералѣ.“ Такъ и не впустилъ Митрополитъ Григорій іезуитѣвъ въ уніатскую церковь. Потѣмъ іезуитъ сталъ говорити съ Митрополитомъ о календарѣ и сказалъ, що императоръ Александръ II. и святѣйшій русскій синодъ скланяются принять новый григоріанскій календарь, и спросилъ: „А что же тогда сдѣлаете вы, галицкіє русскіє, если самъ русскій

царь и синодъ примутъ григоріанскій, такъ называемый латинскій календарь?" — „То и тогда мы не приймемъ латинскаго календаря," — отвѣтилъ Митрополитъ. „Да какъ?! Вы, маленькая горсть уніатовъ, развѣ вы одни останетесь при древнемъ греческомъ календарѣ?" удивился о. Мартыновъ. — „Останемся одни, якъ при старшомъ отъ нашего календаря осталась еще меньшая отъ насъ горстка евреевъ," — сказалъ Митрополитъ. „Такъ у васъ ничего не значитъ авторитетъ русскаго царя, русскаго церковнаго синода?" — воскликнулъ о. Мартыновъ. — „Знаемъ цѣнити авторитеты, — отвѣтилъ спокойно Митрополитъ, — однако-жь знаемъ и то, що русскій царь и русскій синодъ не присягали на унію, и могутъ церковный уставъ ведля подобы смѣняти. Мы-же присягали папѣ, а папа присягалъ намъ, що старый іюліанскій календарь останеся во вѣки вѣчныи въ уніатской церкви."

Вскорѣ оправдалась боязнь русскихъ патріотѣвъ. Администраторъ архіепархіи, а потомъ Митрополитъ, Спиридонъ Литвиновичъ, человекъ великаго ума, но нетвердаго характера и патріотизма, оказался податливымъ въ многихъ отношеняхъ въ виду противникѣвъ Руси... Спиридонъ Литвиновичъ старался зъ-разу подавити движеніе въ пользу очищенія обряда, а Ив. Наумовича приговорилъ къ утратѣ прихода и къ 2-недѣльной реколекціи. Но та кара не была исполнена, ибо С. Литвиновичъ не хотѣлъ покараньемъ такого популярнаго мужа, якъ Ив. Наумовичъ, возстановити противъ себе духовенство. Впрочемъ тогда начали смѣнятися и политичныи отношеня не въ корысть русскаго народа. Первымъ дѣломъ Спиридона Литвиновича было его путешествіе въ Римъ. Кромѣ Рима, также и правительство затребовало, чтобы представители обоихъ уніатскихъ епархій явились въ Римъ. Депутація та отправилась изъ Галичины въ іюнь 1863 г. и въ составъ ея входили: изъ Львовской архіепархіи Владыка Спиридонъ и крылошанинъ М. Малиновскій, а изъ Перемишльской Епископъ Ома Полянскій, крылошане Г. Пашкевичъ и В. Бачинскій. Путешествіе то было важно по двумъ поводамъ: уніатскіи Епископы изъ Галичины въ первый разъ являлись въ Римъ зъ тѣхъ поръ, якъ существовала унія, ибо Ипатій Поцѣй, Епископъ Луцкій, и Кирилъ Терлецкій, Епископъ Владимірскій, были первыми уніатскими Епископами, которые посѣтили Римъ въ 1595 г.; во вторыхъ же послѣдствіемъ путешествія Галичанъ явилась такъ званая „Конкордія," о которой упомянемъ ниже.

Послѣ смерти Митрополита Григорія, подняли головы розличныи противники Руси. Польскіи политики приготова-

лись тогда къ повстанью и для того рѣше стали выступати противъ русскаго народа. Но также межѣ рѣжными людьми русскаго происхожденія нашлись поодинокіи личности, которые почувствовали бѣльшую свободу въ выступленьяхъ противъ чистоты обряда. Такъ профессоръ Львовскаго университета, уніатскій священникъ, но римскій воспитанникъ, д-ръ І. Черлюнчакевичъ, сказалъ 5 (17) іюня 1863 г. во время преподаваній на II курсѣ богословія, що „шизматика — сыны чорта; церковь шизматичкая — синагога діавола; въ шизматичкой евхаристіи сидитъ чортъ, а дѣти священникѣвъ — незаконнорожденные.“ Возмущенныи питомцы обкинули за то фанатика гнилыми яйцами, за що сенатъ университета выдалилъ одного питомца изъ всѣхъ австрійскихъ университетѣвъ, а 36 изъ Львовскаго университета. Дѣло то, якъ само собою понятно, вызвало въ цѣлой Австріи сензацію. Выдаленныи питомцы были однако приняты Краковскимъ университетомъ, и слѣдующаго года вернулись во Львовъ. Д-ръ Черлюнчакевичъ же былъ переведенъ въ слѣдующѣмъ году на Краковскій университетъ. Перемиѣну въ отношеньяхъ послѣ смерти Григорія Яхимовича означае также фактъ, що правительство, на требованіе изъ св. Юра, выдалило 3 (15) іюля 1863 изъ Галичины извѣстнаго монаха, д-ра Владимира Терлецкаго. Причина выдаленья была — борода и ряса, короры носилъ В. Терлецкій. В. Терлецкій переселился тогда въ Угорскую Русь, въ Краснобродскій монастырь.

Въ ожиданіи рѣшеній изъ Рима, Ів. Наумовичъ притихъ временно въ обрядовѣмъ вопросѣ и занялся усердно дѣлами своего прихода и составленьемъ поученій для народа. Но и онъ долженъ былъ почувствовать перемиѣну. Въ Вѣднѣ выходила тогда издаваемая правительствомъ газета „Вѣстникъ.“ Якій-то безъименный дописыватель написалъ въ ту газету, що обрядовое движеніе гонитъ русскихъ крестьянъ въ латинство и що даже одна часть прихожанъ о. Ів. Наумовича перейшла въ костелъ, а другая подала на него жалобу въ консисторію за то, що онъ удалилъ изъ церкви латинскіи обряды. Та неправдивая и злобная допись, напечатанная въ той цѣли, щобы Ів. Наумовича обезславити, вызвала зъ его стороны отвѣтъ: „Въ оборонѣ оскорбленной личности и обрядовцѣвъ“ („Слово“ н-ры 71 и 74 за 1863 г.). Въ семъ отвѣтѣ описуе Ів. Наумовичъ то состояние прихода въ Перемишлянахъ и Коростнѣ, какое онъ засталъ въ 1856 г. (о томъ говорится выше въ семъ жизнеописаніи) и приводитъ доказательства, заперечающіи донесеніе дописи „Вѣстника.“ Отвѣтъ сей содержитъ любопытныи данныи и составляетъ цѣнный матеріалъ для жизнеописанія Ів. Наумовича; для того мы

приведемъ часть сего отвѣта дословно. Ив. Наумовичъ признае, що часть его прихожанъ перейшла въ латинство, но то- сталося еще до его прихода въ Перемышляны. Коли же бнѣ сталъ тамъ приходникомъ и занялся церковью, обстоятель- ства перемѣнились. Такъ жежи прочимъ Ив. Наумовичъ пише:

„Было то въ груднѣ 1861 г., коли Перемышляны, ве- денныи любовью къ прадѣднему обряду, задумали купити въ Перемышлянахъ недалеко церкви лежащую реальность, съ грунтомы и сѣножатями, на обителище для священника ѳтъ. Ѳ. Лотоцкого, мѣщанина и старшого брата, за огромную для Перемышлянскихъ Русинѣвъ суму, 1000 р., однако пѣдъ усло- вѣемъ, що священникъ соблюдати буде у нихъ точно уставы старинного греческого обряда, чтобы такъ всегда ѳтправляли- ся, якъ теперь, т. е. якъ въ 1861 г. ѳтправлялися. А коли, по поворотѣ бл. п. Митрополита Григорія изъ Вѣденскаго Сойма (державной Думы), вышло повелѣніе, повернути до „здешного“ обычая, тогда, по власному побужденію, даже противъ моеи воли, Перемышляны завоzwали дѣяка, чтобы имъ въ книжкахъ показалъ все, якъ должно быти, и на осно- вѣ сего мѣщанинъ Михаилъ Лотоцкій написалъ прошеніе Митрополиту о задержаніи всего, якъ по греческому уставу быти должно и якъ въ нашей церкви въ груднѣ 1861 г. бы- ло, а то прошеніе диктовали и пѣдписали люди числомъ 50. Ажъ коли потѣмъ менѣ загрозили суспензією, если я не за- веду звѣнокѣвъ и не устраниу затвиранія царск. вратъ и за- тяганья завѣсы пѣдчасъ литургіи ажъ тогда, по долгихъ ко- роводахъ и просьбахъ, ѳтступили люди ѳтъ своего упрямства изъ боязни, чтобы мене не суспендовали. Що-же до намѣрен- ного купна оной реальности, то они охолоднѣли и ѳтступили односторонне ѳтъ прежней мысли по причинѣ, що не могутъ рѣшитися до жертвъ въ пользу греческого обряда, котораго въ чистотѣ не можно соблюдати. То суть нагіи факты и пи- санныи акты, которые доводятъ, що мене за устраниеніе латин- скихъ обрядѣвъ не позывали и не писали ни до консисторіи, ни до бл. п. Митрополита; устраниеніе же греч. обрядѣвъ было причиною неудовольствія мѣщанъ и поводомъ охоложе- нья ихъ въ ревности, которая предвѣщала такъ много добра для нашей Церкви.“ Упомянутый безыменный дописыватель „Вѣстника“ упрекнулъ также Ив. Наумовича въ тѣмъ, що бнѣ не занимаеся школою въ Перемышлянахъ. На то отвѣ- тилъ Ив. Наумовичъ: „Въ Коростнѣ учредилъ я школу па- рохіальную, съ дотацією 147 зр.; а коли школа въ 1861 г. згорѣла, училися дѣти въ нанятой хатѣ, теперь же выставле- на новая школа. Бѣльше якъ Коростнянскою школою занял- ся я, наставши на ту парохію, школою Перемышлянскою; черезъ ту школу я подупалъ на моемъ маетку; на ню

жертвовалъ я бѣльше, чѣмъ мѣгъ, часу и гроша, а не осягнувши ніякого результата и пересвѣдчившись, що та школа неспособна принести народу той пользы, якую бѣтъ школы вымагають, сталъ я думати о учрежденіи особой парохіальной школы, пѣдъ русскою консисторією, до чого есть добрая воля и охота парохіанъ, но перепною, якъ до всего, и до того есть крайнее вхъ убожество. — Наставши въ Перемышляны года 1856 и заставши въ школѣ всего трое дѣтей, я взялся всѣми силами до того, щобы бѣльше русскихъ дѣтей посѣщало школу и щобы они могли учитися въ ней ведля требованія обряда и народности русской. Смѣло началъ я борьбу съ всякими перепонами и незадолго привѣлъ до того, що найшлося въ школѣ уже кѣльканадцатеро дѣтей. То было наибѣльшее число, какое можно было осягнути, со взгляда на крайнее убожество русской громады. Дѣти были, но вопросъ, на чѣмъ тѣ дѣти учить? Не ино для русскихъ, но и для всѣхъ дѣтей не было книжокъ. Я ѣздилъ за книжками два разы до Львова и не дѣсталъ ни одной книжки въ ніякой книгарнѣ, такъ що я, по кѣлькохъ тыждняхъ, якъ дѣти пере-сидѣли дармо въ школѣ, былъ принужденъ написати о тѣмъ донесеніе въ министерство просвѣщенія, съ прошеніємъ, щобы оно распорядило, дабы книгопродавцы были обовязаны книжки школьные каждого часу мати въ продажѣ. Министерство здѣлало отвѣтное распоряженіе, а Schulbücher-Verlags дирекція прислала менѣ выказъ всѣхъ книжокъ школьных, съ объявленіемъ готовности присылки книжокъ за готовый гроши, якѣи схочу. А що у мене готовыхъ грошей не было, то я пожичилъ выше 40 зр. и послалъ по книжки. Книжки прійшли и были розданы, но ледва за четвертую капнулъ грошикъ, а долга никто не заплатилъ, тѣлько я, окаянный обрядовець. Извѣстно бо, що, хотячи дѣтей и родичей до школы заохотити, не можно начинати екзекуцією за книжки. Меньше однако-жь было той страты, щѣ на книжки, а бѣльше бѣтти, що я, идучи до школы на цѣлое пополудне, оставлялъ въ полѣ плугъ, бороны и насѣны безъ догляда. И такъ, по поводу Перемышлянской школы, которой я не спустилъ зъ ока весь одинъ и другій годъ ни одного тыждня, пѣшло спати мое господарство. На сто моргахъ поля начался передновокъ уже около Рождества и такъ передновковался три года, по поводу моей школьной ревности. По такой гѣрской практицѣ прійшло до розсчета. Кѣлько было страты, а кѣлько пожитку? Показалось, що по моей сторонѣ была совершенная руина, а по сторонѣ школы ніякого успѣха. Дѣти бо, бывши въ школѣ 1856 года и научившись читати, троха катихизма и пѣсней церковныхъ, года 1857 уже пѣшли поганяти или до ремѣсла, забыли то все, щѣ съ такими жертвами научилися, а на ихъ мѣстѣ

прийшли молодшіи. А не можно строго осуждати и родичей, кто знае, якіи они бѣдныи и якъ каждая дитина 7—8-лѣтняя уже мусить на себе заробити, если хоче жити; про то родичи пускають дѣтей до школы тѣлько на годъ, а наибѣльше на два. Такіи обстоятельства оной школы принудили мене оглянутися также и на себе, но самовластно я не хотѣлъ опуска-ти школу, а поѣхалъ до Львова и представилъ все подробно Его Преосв. Кирѣ Спиридону, бывшему администратору апостоль-скому. Его Преосвященство, розваживши всѣ обстоятельства рѣшили такъ: „Доки въ Перемышлянахъ не буде обиталища, вы обовязаны правильно катихизовати дѣтей въ школь. Коростнянской, въ парохіи же Перемышлянской ограничати-ся на катихизаціи дѣтей школьныхъ въ церкви; тѣлько ѡтъ часу до часу, коли позволить время, наглядати, щобы въ школь Перемышлянской учили русскаго языка и письма, а коли позволить время, тамъ же и катихизовати.“

Перемиѣна ѡтношеній не въ корысть русскаго народа зазначилася въ 1864 году еще бѣльше. По смерти бл. п. Ми-трополита Грлгорія, вся Галицкая Русь требовала, щобы его преемникомъ былъ назначенъ крылошанинъ Михаилъ Ку-земскій, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ статьѣ „Наша будущность“ въ „Словѣ“ (ч. 40 за 1863 г.), авторъ еи, заявивши, що, „еслибы правительство и Римъ желали на-правду узнати неложную свободную волю Руси, еслибы желали повѣрити Русь певнымъ рукамъ: то заслуги оного достойника (т. е. М. Куземского) увзгляднити бы выпадало,“ сказалъ лальше: „Дуже ошибаются тѣ, а чи-сло ихъ невеликое, щѣ думаютъ, що при теперѣшнѣмъ буй-нѣмъ настроеніи русскаго молодшого клира всеконечна дикта-торская власть въ рукахъ строгого Митрополита, которого правиломъ было бы не слухати ничьего голоса изъ народа, но повелѣвати отъ-такъ: По сему быть... Но Галиція нынѣ не Луцкъ и не Холмъ, Австрія не Польша, а лѣта послѣдніи не середніи вѣки. Будущій Митрополитъ однимъ тѣлько мѣгъ бы клиру заимпоновати, т. е. своимъ внутреннимъ достоин-ствомъ, своими заслугами, своимъ народолубіемъ. Хоче ли быти его начальникомъ, най не уповае на диктаторскую власть, которая небезпечна, но, изглубивая духа часу, най возьме его важки (возжи) въ руки и най добре ними пово-дитъ по битой дорожѣ народности до назначенной цѣли: авто-номіи церковной и народной.“ Желаніе Руси, однако, не ис-полнилось и Митрополитомъ былъ назначенъ Спиридонъ Литвиновичъ. Покойный Митрополитъ Григорій щедро під-держивалъ газету „Слово,“ даючи ей значительныи запомоги до тѣхъ поръ, поки она не получила стѣлько підписчикѣвъ, що могла самостоятельно существовати. Новый Митрополитъ.

зазначилъ свое отношеніе къ „Слову“ тѣмъ, що редактору его, Б. А. Дѣдицкому, выдалъ процесъ за то, що будьтобы въ вышеупомянутой статьѣ „Наша будущность“ (именно словами: „лицемѣрный Римъ, желающій прежде всего нашей церковной и народной зависимости отъ чужихъ, враждебныхъ намъ стихій“), „Слово“ выступило противъ найвысшихъ церковныхъ и политическихъ властей въ Римѣ и Вѣднѣ и стремится ослабити унію. Росправа въ семь дѣлъ отбылась 17 (29) января 1864 г. во Львовскомъ карномъ судѣ, а Судъ освободилъ Б. А. Дѣдицкого, но отношеніе Митрополита Спиридона къ родному и церковному вопросамъ не поправилось. Тѣмъ не меньше очищеніе обряда и церквей продолжалось, хотя и въ тишинѣ. Замѣчательно, що въ то время, коли въ Галицкой Руси выкидали органы изъ церквей, въ Холмской Руси новопоставленный Епископъ, І. Калинскій, вводилъ органы и распорядилъ, чтобы въ уніатскихъ церквахъ „годинки“, „рожанцы“, „пассіи“ и т. п. народъ спѣвалъ по польски, приказалъ уніатскимъ клирикамъ одѣватись въ комжи, скасовалъ рускіи праздники Трехъ Святителей и Іоанна Крестителя и переодѣлъ крылошанъ въ латинскіи рокеты. Послѣ оказалось, що епископъ Калининскій дѣятельно поддерживалъ повстаніе и за то былъ засланъ въ глубь Россіи.

Принужденный обстоятельствами молчати въ обрядовѣмъ дѣлѣ, неутомимый духъ Ив. Наумовича нашолъ собѣ поле иной дѣятельности, поле широкое и благодарное, на которѣмъ онъ пріобрѣлъ имя „Просвѣтителя Руси.“ Онъ кинулся на поле просвѣщенія народа. О тѣмъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, въ которѣмъ Ив. Наумовичъ положилъ вѣкомныя заслуги, онъ самъ пише слѣдующее („Слово“ н-ръ 67 за 1864 г.):

„О потребѣ престонародныхъ читанокъ и часописей не ма що долго розводитися. Що року выходятъ изъ народныхъ шкѣлъ тысячи молодежи обоего пола, та съ книжками школьными и молитвословцами кѣнчится вся ихъ наука. У людей выходятъ розличныи популярныи письма, съ назначеніемъ для простого народа; у насъ лежитъ то поле еще отлогомъ. А поле то найширшее, найбуйнѣйшее, трудъ на немъ выплатился бы сторицею! Най-бы мали наши люди що доброе и занимательное читати, а вмѣсто пѣтики по кормахъ въ Недѣли и свята, завязались бы у насъ по селамъ Читальни, Бесѣды русскіи, умножалась бы и рѣзвивалась бы наша русская сельская интеллигенція. Тогда, якъ бы народъ практично позналъ хосенъ школьной науки, дбалъ бы лучше о школы и лучше бы ихъ выпосажалъ. Наука пѣднесла бы добробыть и моральность народа и Русь стала бы на степени просвѣщенныхъ народѣвъ. Чѣмъ бѣльше у насъ умножаются школы

чѣмъ бѣльше вырабляются сельскіи учителя и чѣмъ бѣльше письменныхъ що року на Руси прибывае, тѣмъ бѣльше вопіющою потребою естъ издаванье популярныхъ книжечокъ и часописей.⁴

Въ то время въ рукахъ народа уже находились книжечки И. Наумовича: „Повѣсти: и пѣсни“ и „Ластѣвка.“ Ревнители народнаго просвѣщенія зывали его посредствомъ газетъ, щобы ѳнъ бѣльше такихъ книжечокъ „кинулъ на Русь.“ Но Ив. Наумовичъ отвѣтилъ имъ: „Не такіи, а лучшіи, полезнѣйшіи читанки належалось бы народу нашему подати, но то не естъ дѣломъ моимъ, одного человѣка, а было бы то дѣломъ достойнымъ хоть бы и поважнаго цѣлого общества. Такими „Повѣстями,“ такою „Ластѣвкою“ народъ не просвѣтится, такіи книжечки суть тѣлько принадою для дѣтей, щобы они розлюбилися въ читанью русскихъ книжечокъ, взяли охочо и до що-разъ чулшихъ, изъ которыхъ могли бы научиться много полезного. Но не такъ-то легко писати добрыи популярныи книжечки. Не разъ думалъ я посвятити имъ все мои силы, но заледво подумалъ, уже и почувствовалъ все мое безсиліе... Щобы учити народъ, треба самому безпрестанно учитись, треба мати коли и изъ чого учитись, треба мати за що набыти богатую бібліотеку, всякаго рода популярныи сочиненія, вытягати изъ нихъ, щѣ для народа нашего найполезнѣйшого и перерабляти на русскій простонародный ладъ. Предметы для такихъ книжечокъ были бы слѣдующіи: 1) Религійно-моральныи повѣсти; 2) Жизнеописанія Святыхъ; 3) Астрономія, географія, исторія, физика и пр.; 4) Земледѣліе, огородничество, ското- и пчеловодство; 5) Байки, повѣстки и пѣсни для дѣтей; 6) Белетристика, повѣсти, поэзи и гумористика народа; 7) Народная философія: притчи и приповѣстки; 8) Біографіи славныхъ русскихъ мужей. Обдумавши рѣчь всесторонно, прійшолъ я до сего пересвѣдченія, що тѣ розличныи предметы обробитись бы дали съ наибѣльшою пользою для народа не книжечками, но далеко лучше доброю популярною часописью. Причины, для которыхъ превозношу часопись надъ книжечки, суть слѣдующи: 1) Книжечку составляе звычайно одинъ человѣкъ, ѳтъ котораго не можно ожидать, щобы ѳнъ въ стѣлько различныхъ отрасляхъ знаній былъ совершенный, при часописи же совоюпляютъ розличныи силы, каждый писатель обрабляе свѣій властивый предметъ; 2) книжечка естъ що-то оконченное, — часопись безконечная, якъ знаніе и практика человѣка безконечная. Книжечку хлопецъ чи дѣвчина перечитае разъ и другій, и уже не мае ни потребности, ни охоты до ней заглянути, кладе на полицю; закѣмъ зновъ яка популярная книжка появиться, мине якій-сь часъ, часомъ рокъ и бѣльше; ча-

сопись же утримуе дитину и еи родину весь рѣкъ въ любопытствѣ... 3) Книжечки у насъ издаются наибѣльше во Львовѣ. Крестьянинъ, живущій въ горахъ, або далеко на Подѣлью, и не знае, чи выходятъ гдѣ на свѣтѣ якіи русскіи книжки. Онъ охотно далъ бы гроши, но съ его сторонѣ никто во Львовѣ не бывае, а гдѣ-инде книжечки набыти не можно; часопись же забѣгне почтою и въ найдалѣшій стороны и сама влѣзе ему въ руки. Для тѣхъ важныхъ причинъ предложилъ я сего року на Соборѣ „Матицы“ внесеніе о конечной потребѣ издаванія популярной часописи. Вправдѣ, не малъ я надѣи, щобы „Матиця“, намѣрившая уже издавати высшего рода необходимо потребную литературную часопись, занялась, при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, и изданьемъ другой, популярной, но я считалъ должностью порушити сей предметъ, щобы побудити приватного якого русского человека до предпріятія сего, для Руси дуже спасительного дѣла.“

Въ дальшой части сей статьи Ив. Наумовичъ указуе, якая мае быти народная часопись: „Понеже русскій народъ, якъ извѣстно, глубоко религійный и поэтичный, муситъ и часопись его въ головной части заиматися предметомъ вѣры и дыхати на-скрѣзь поэзіею. Самая назва часописи муситъ быти религійна або поэтична... Нашъ народъ все любитъ начинати съ Богомъ и слухати о Бозѣ, о св. апостолахъ и мученикахъ, о св. Богородицѣ и всѣхъ угодникахъ Божихъ; для того мають заимати житъеписи святыхъ и повѣстки религійныи другое мѣстце послѣ евангелія або молитвъ. Потомъ о великомъ Божомъ свѣтѣ: Що то солнце, звѣзды, земля? Якіи они? Що то зима, лѣто? Що то мѣсяць и его кватиры? Що то море, рѣки, горы, границы, пѣднебья? Якіи на свѣтѣ народы? Чѣмъ занимаються? Якій у нихъ промыслъ, искуства? Якъ они управляютъ землю свою, чи такъ, якъ мы, чи лучше? Для чого лучше? и пр. Тутъ безконечный предметъ заимательный для земледѣльца о рѣлѣ, сѣножати, садѣ, огородѣ, о худобѣ (скотѣ) всякого рода, о пчолахъ и о всемъ женскомъ господарствѣ... Важною дуже рѣчию есть, щобы часопись популярна издавалася съ дереворитами (иллюстраціями). Деревориты, особенно що-до рѣчей господарскихъ, умножили бы значительно число предплатителей и конечною потребою есть, щобы наша Галицкая Русь постаралася о яко-го опытного дереворитника, щобы съ леда якимъ образочкомъ не удаватися ажъ до Вѣдня або Праги, хотя въ початку и тѣми далекими дорогами ходити треба, щобы до цѣли дойти.“

Уже въ 1863 г. выходили во Львовѣ двѣ газетки для народа: „Дѣмъ и Школа, временопись, посвящена школамъ и сельскому народу,“ пѣдъ редакціею И. Гушалевица, и „Письмо до Громады,“ пѣдъ редакціею С. Шехо-

вич а. Въ первой былъ Ив. Наумовичъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, вторая же выходила дуже неправильно и не мала большаго вліянія на народъ. Но и „Дѣмъ и Школа,“ якъ видимъ, не задовольали Ив. Наумовича, если ѡнъ звертался въ Общество „Галицко-русска я Матиця“ съ предложениемъ издавати новую популярную часопись, для которой и составилъ програму. Та програма свѣдчитъ, якъ глубоко Ив. Наумовичъ проникъ въ душу народа и якъ ѡнъ пѣзналъ его характеръ. Еще нынѣ програма Ив. Наумовича для народной часописи, написанная въ 1864 г., не утратила своего значенія. Ту програму осуществилъ Ив. Наумовичъ пѣзднѣйше въ своей знаменитой „Науцѣ,“ но уже и въ 1865 году она была примѣнена въ популярной газетѣ „Недѣля,“ которую издавалъ М. О. Попель (пѣзднѣйшій Епископъ холмскій, нынѣ же членъ св. Синода въ Петербургѣ) и въ которой Ив. Наумовичъ дѣятельно участвовалъ. О издаваніи газетъ извѣстилъ Ив. Наумовичъ Галицкую Русь въ 94 н-рѣ „Слова“ прекраснымъ призывомъ къ сельскому люду. Изъ сего можно заключити, що ѡнъ далъ починъ къ изданію „Недѣли.“ При концѣ сего призыва Ив. Наумовичъ заявилъ: „Ту газету берутся писати Всч. отцы и панове: Гавришкевичъ (Іоаннъ) изъ Камѣнки, Гушалеви чъ (Іоаннъ) изъ Львова, Качала (Стефанъ) изъ Шельпакъ, Добрянскій (Антоній) изъ Валявы, Желеховскій (Юстинъ) изъ Перемышля, Ильницкій (Василій) изъ Тернополя, Кулачковскій и Кульчицкій изъ Львова, Лозинскій (Іосифъ) изъ Яворова, Лысякъ (Ѳеодоръ) изъ Должнева, Меруновичъ (Климентій), Огоновскій (Емиліаль) и Попель изъ Львова, Савчинскій (Григорій) изъ Звенигорода, Трещакоскій (Левъ) изъ Городка, Устыанови чъ (Николай) зо Славска, Шараневичъ (Исидоръ) изъ Львова, Ясеницкій (Павелъ) изъ Самбора и богато иншихъ.“ — Имена приведенныхъ лицъ, находящіися въ скобкахъ, добавлены нами, чтобы ближе означити личности сотрудниковъ „Недѣли.“ — Изъ нихъ живутъ еще въ настоящее время оо. Гавришкевичъ, Гушалеви чъ. Ю. Желеховскій, Ѳ. Лысякъ и М. Попель и г. И. Шараневичъ. Замѣтимъ также, що Ив. Наумовичъ первый упомянулъ о народныхъ читальняхъ, которые нынѣ играютъ важную роль въ Галичинѣ.

Въ 1864 г. занялся И. Наумовичъ усердно постройкою новой церкви въ Коростнѣ, на мѣсто сгорѣвшей въ 1861 году. Крестьяне предлагали купити старую церковь въ Куровичахъ, но Ив. Наумовичъ заявилъ имъ, що не годится ставити Божую святыню изъ порошна, коли каждый изъ прихожанъ поставилъ собѣ новую хату, и ѡнъ взялся за дѣло постройки церкви камѣнной. Въ церковной касѣ находилось на ту цѣль

134 зр. 70 кр., но Ив. Наумовичъ не унывалъ. Онъ выпросилъ у патрона, гр. А. Потоцкого, весь камѣнь и вапно, а также потрібный матеріалъ на крышу и 100 зр. начилными. Громада зложила во двохъ годахъ 298 зр. 90 кр., якъ говорить самъ И. Наумовичъ: „не отъ избытка, но отъ лишенія.“ Для того Ив. Наумовичъ выхлопоталъ въ намѣстничествѣ позволеніе на собираніе складокъ въ Бережанскѣмъ и Золочевскѣмъ округахъ, а тѣмъ часомъ приступилъ къ постройкѣ церкви съ тѣмъ, щѣ было, и счастливо довѣлъ постройку до конца.

При концѣ 1864 года, именно 4 декабря, была обнаружена такъ называемая „Конкордія,“ т. е. постановленія Рима въ обрядовѣмъ вопросѣ, въ дѣлѣ успѣшнаго рѣшенія котораго для русской церкви и народности Ив. Наумовичъ столько потрудился. Главныя постановленія „Конкордіи“ были: 1) Изъ латинскаго обряда на русскій и изъ русскаго на латинскій не вѣльно переходить; 2) въ супружествахъ мѣшанныхъ сыны маюти идти за обрядомъ отца, а дочери за матерью.—„Конкордія“ глубоко опечалила ревнителей русской Церкви и народности. Первая точка отнимала русскимъ священникамъ надѣю и возможность отыскати тѣхъ вѣрныхъ, изъ которыхъ во Львовской архіепархіи возникли цѣлыя латинскіи приходы, и упоминатися о тѣхъ исповѣдникѣхъ греческаго обряда, которыя были перетянуты въ Перемышльскаго епархіи въ латинство. А сколько ихъ перетянули, видно изъ того, щѣ, по свидѣтельству польскихъ писателей, еще въ 1660 г. русская Перемышльская епархія числила до трехъ миліоновъ душъ, а въ 1864 г. они составляли лишь третью часть того числа! Правда, „Конкордія“ дала пѣль года времени, щѣбы отступники вернулись къ обряду своихъ отцѣвъ, но латинскіи ксендзы толковали то постановленіе такъ, щѣ папа далъ время для перехода въ латинскій обрядъ тѣмъ Русинамъ, которыя будто бы неправно его опустили...

Жертвуячи въ 1865 г. много труда для успѣшнаго хода около постройки церкви въ Коростнѣ, Ив. Наумовичъ продолжалъ трудиться и для всего русскаго народа, помѣщаячи въ „Словѣ“ и въ „Недѣлѣ“ много цѣнныхъ статей и корреспонденцій. Русскій театръ во Львовѣ представилъ также его одноактовую комедію: „Заручины на помацки.“

Межъ тѣмъ политичныя отношенія въ Галичинѣ въ 1865 г. стали быстро измѣняться. Польская политичная партія увидѣла, щѣ польскіи повстанья, безъ помощи какой-либо сильной державы, не возстановятъ польской державы. Повстаніе 1863 г. было явнымъ сего доказательствомъ. Для того-то передовыя польскіи политики начали играти ролю австрійскихъ патриотѣвъ, надѣяючись, щѣ съ помощью правительства они овла-

дѣють Галичиною и утверждать въ ней гнѣздо польской политики, изъ котораго бы выходила агитація и въ другіи части Польши, въ Россіи и Пруссіи. Первою цѣлью польскихъ политикѣвъ, однако, было подавленіе русскаго движенія въ Галичинѣ. Уже и раньше изъ Галичины шли безпрестанно доносы въ Римъ о тѣмъ, що Русины — „шизматикѣ“, а въ Вѣдѣнь, що они тягнутъ къ Россіи. Тѣи доносы усилились значительно въ 1865 г.; послѣдствіемъ чого наступила явная перемѣна отношеній правительства къ русскому народу, и правительство стало открыто склоняться въ сторону Полякѣвъ. Одновременно начали показоватись также признаки несогласія межи самими Русинами, а именно стала расти партія украинофилѣвъ-фонетикѣвъ. Видячи великое вліяніе русскаго духовенства на народъ, польскіи политики уже въ 1865 г. хотѣли издавати для русскіхъ крестьянъ газету „Zhoda.“ Та газета мала употребляти латинскіи буквы и ослабляти вліяніе „Недѣли“ и русскаго духовенства. — Еще въ 1859 г. намѣстникъ, гр. А. Голуховскій, хотѣлъ скасовати русскую азбуку. Но тому намѣренію сопротивилися тогда: Епископъ Спиридонъ, крылошане Михаилъ Куземскій и Михайлъ Малиновскій, професоръ университета Яковъ Головацкій, професоры гимназій Амвросій Яновскій и Тома Полянскій и священникъ въ Яворовѣ Іосифъ Лозинскій, которыхъ гр. Голуховскій призвалъ въ члены своей азбучной комисіи. „Zhoda“ вправдѣ не была издана, но за то, щобы розбити Галицкую Русь, середъ русской молодежи стали нуртовати польскіи эмигранты, розширяючи межь нею т. з. „украинофильство.“ Одинъ изъ тѣхъ эмигрантовъ, Павлинъ Стахурскій, перемѣнившій свое имя на Свѣнцицкій, сталъ пѣзднѣйше, въ 1866 г., издавати „Siolo“ газету, посвящену rusko-ukraińskim rzeczem ludowum. Сего Свѣнцицкого-Стахурскаго, который пѣдписовался также „Павло Свій“, именовалъ пѣзднѣйше гр. Голуховскій учителемъ русскаго языка въ академичной гимназій, хотя онъ не малъ до того испыта. Признакъ, що отношенія правительства къ Галицкой Руси перемѣнились, видѣнь въ розвязанью „Кирилло-Мееодіевскаго Общества“, основанного нитомцями русскаго духовной семинаріи въ Вѣднѣ. То Общество постановило розвязати правительство, но его упередилъ тогдашній проректоръ семинаріи, Григорій Шапкевичъ, министерскій совѣтникъ, закидуючи Обществу, що оно выжичало своимъ членамъ гроши, до чого не мало права; що члены Общества выписовали книжки изъ Петербурга и що оно держитъ въ своей библіотецѣ „Страхопуда.“ Видячи, що польскіи политики перешкажають розвитію Галицкой Руси, русскіи послы галицкого Сойма стали

уже въ якій пятый разъ бѣтъ 1848 г. усиленно требовати роздѣла Галичины на двѣ части: на русское королевство Галичины и Володиміріи и на польскій коронный край съ Заторомъ и Освѣтимомъ. Само собою разумѣся, що Ив. Наумовичъ бралъ дѣятельное участіе въ трудахъ русскихъ пословъ въ Соймѣ, хотя тогда бесѣдъ немного произносили.

Зато необыкновенную дѣятельность въ Соймѣ розвинулъ И. Наумовичъ въ 1866 г. Годъ сей былъ тяжкій для Австріи. Несчастная война съ Пруссіею ослабила Австрію, вслѣдствіе чего Мадыяры отдѣлились бѣтъ ней, образуячи изъ Угорщины особную державу, связанную съ Австріею только особою Императора и нѣкоторыми всеобщими министерствами. Австрійское правительство склонилось всецѣло на сторону Поляковъ и для Галицкой Руси настало тяжелое время, ибо польскіи политики, чуючи за собою правительство, стали смѣлѣйше выступати противъ справедливыхъ требованій русского народа. По мѣрѣ того, якъ польскіи политики и польскіи газеты чѣмъ-разъ сильнѣйше нападали на Русинѣвъ и ихъ требованія, выступали бѣльше мужественно также и русскіи послы. Въ 1866 г. поставили русскіи послы въ Соймѣ требованіе, щобы дѣловодство въ Соймѣ велось также по русски. На то отвѣтили польскіи послы и газеты насмѣшками. Тогда Ив. Наумовичъ заявилъ въ „Словѣ:“ „Лучше да вырвутъ намъ языкъ природный, якъ щобы мы потеряли языкъ русско-народный!“ Дѣятельность Ив. Наумовича въ Соймѣ представить намъ число произнесенныхъ нимъ рѣчей въ самыхъ важныхъ вопросахъ, якіи тогда волновали Галицкую Русь. И такъ: 11 января Ив. Наумовичъ внѣсь интерпеляцію къ правительственному комисару, зачѣмъ податковии уряды секвеструютъ крестьянъ въ Золочевскѣмъ и Бережанскѣмъ округахъ за податки, если тамъ, вслѣдствіе неурожая, возникъ голодъ? Дня 25 января бѣтъ произнесъ рѣчь и внѣсь требованіе, щобы земледѣльческая школа въ Дублянахъ, которую тогда Соймъ основывалъ, была также русская; 10 февраля бѣтъ выступилъ противъ гр. Лешка Борковскаго, который заперечалъ русскому языку рѣвноправность съ польскимъ и утверждалъ, що галицко-русское и вообще малорусское нарѣчіе есть нарѣчіемъ польского языка; 20 февраля Ив. Наумовичъ зновъ говорилъ противъ экзекуцій за податки, немилосердно переводимыхъ властями; 3 и 5 марта бѣтъ выступалъ противъ польскихъ пословъ, которые требовали скасованья „терна,“ т. е. выбора коляторомъ священника изъ трехъ, предложенныхъ консисторіею кандидатѣвъ, и хотѣли получить право выбора изъ числа всѣхъ кандидатѣвъ; 16 марта бѣтъ противился въ сильной рѣчи основанью повѣтовыхъ радъ; 20 марта бѣтъ выступилъ противъ побиранья священниками

„меншого“ (отъ слова: „мша“ — служба) и „скопчины“, яко унижительного для духовенства; 12 апрѣля онъ произнёсъ знаменитую рѣчь, требуючи отъ Сойма запомоги для русскаго театра во Львовѣ; 16 апрѣля онъ основывалъ необходимость роздѣла Галичины, наконецъ въ ноябрѣ 1866 г. онъ сказалъ двѣ рѣчи: одну противъ польскаго адреса къ Коронѣ, въ которѣмъ польскіи послы не упоминали даже о существованіи Галицкой Руси, а другую въ дѣлѣ рѣвноправности русскаго языка. Рѣчи Ив. Наумовича производили сильное впечатлѣніе на всю Галицкую Русь. Достойнымъ, въ числѣ другихъ, защитникомъ правъ русскаго народа былъ также священный Антоній Добрянскій. Для того-то имъ, особенно за рѣчи противъ польскаго адреса, изъ многихъ сторонъ Галичины присылали адреса, съ выраженіемъ благодарности и признательности. Такъ въ адресѣ Русинѣвъ Перемышльскихъ, „пѣднесеннѣмъ впчт. посламъ крылошанину А. Добрянскому и о. І. Наумовичу“, сказано межи прочимъ:

„Вамъ, пречестныи мужи, поручила сторона русская въ Соймѣ ту преважную задачу, въ имени ея, а посредствомъ ней въ имени всей Галицкой Руси, всенародно выразити всю горестъ и печаль, явую невзяно зносятъ Русины, ихъ готовность и рѣшительность дальше терпѣти, якъ и постановленіе ихъ твердое: изъ законной дороги не сходити, но на той же выдержати ажъ до спасенія самого! Якъ мужамъ доблестнымъ на стражѣ правъ народныхъ стоящимъ и своего высокаго званія вполнѣ свѣдомымъ пристойтъ, Вы, господинове, смѣло и откровенно выступали въ оборонѣ оскорбленныхъ правъ народа русскаго, открыли начала всѣхъ золъ и источники бѣдствій, презрѣній и гонѣній Русинѣвъ на Руси, указали на непорочность характера Русинѣвъ, на ихъ ширость и доброохотность во всѣхъ благородныхъ подвигахъ и усиліяхъ гражданскаго житья-бытья, на ихъ пламенную любовь ко всему, що есть народнымъ, на ихъ довѣріе въ слово Августѣйшого Монарха, который заporučилъ и Русинамъ народность, отже собственное ихъ житіе, на ихъ ожиданіе, що недолго еще остоится оплотъ, который злоба и зависть построила межъ народамъ русскимъ и тронѣмъ цѣсарскимъ, а также и на ихъ надѣю въ лучшую будущность, которой они, по увѣренію своему совѣтному, удостоилися. Вполнѣ мы соглашаемся съ вами, вселюбезнѣйшіи наши родимцы, во всемъ, що Вы именемъ нашимъ въ Соймѣ заявили, а высказали Вы все то мужественно, не зважая на громы, ярость и месть противникѣвъ имени русскаго. Ваша розвага, холонокровность и безпристрастіе причинились значно къ тому, що Вы побѣдили и восторжествовали надъ ложью, нечистотою и лукавствомъ ворогѣвъ Руси! Свѣтлыми успѣхами вашего отвертого слова,

пречестнѣйшіи господинове, мы величаемся, а вамъ подяку ширѣйшую заявляемъ, що ваши слова загрѣли сердца наши горячѣйшимъ пламенемъ къ народнымъ дѣламъ и мы всѣ чувствуемъ, якій сильный духъ волюде нами; протѣ певно и Вы не постыдаетесь успѣхѣвъ дѣятельности вашей, которая ствердитъ навсегда, що Вы самую правду свѣту голосили и не на дармо ю высказали. Бо уже насъ иначе прозвати не удасться тѣмъ, которые намъ нашего имени не надали, бо уже-жъ не намъ выдerti вѣно (приданое) Христіанства и Славянства, якимъ надѣлили насъ наши Апостолы, Кирилль и Меѳодій; бо уже-жъ не намъ обмерзати ту землю, которой каждую стопу потомъ чела и кровью сердець орошали Праотцы наши. Они то не только себе ради остоялися при рѣд-ной почвѣ, при своей Церкви, при своемъ словѣ и при своей буквѣ, — они все то сокровище оставили намъ въ наслѣдіе, помимо нападѣвъ варварства, помимо принадѣ антихриста, помимо завистей апостатѣвъ; мы же обѣтуемъ все то свято хранить и такъ исполнити завѣтъ Праотець нашихъ, ибо съ нами Богъ! А вамъ, всепочтеннѣйшіи избранники народа нашего, которые не дозволили осквернити славы народной нашей, но окупили ю наново страданіями вашими многими, да будетъ честь, тричи честь отъ всѣхъ Русинѣвъ, пока имени русскаго на Руси стане!“

Сей адресъ пѣдписали крылошане Перемышльскай консисторіи, съ архидіакономъ Г. Шашкевичемъ во главѣ, и многи священники и міряне-изъ Перемышля и окрестности. Такіи-же адреса получили послы А. Добрянскій и Ив. Наумовичъ отъ Русинѣвъ изъ Дрогобыча и изъ другихъ частей края.

Самыя важнымъ, однако, дѣломъ Ив. Наумовича въ 1866 г. было заявленіе, относящееся до происхожденія русскаго народа въ Галичинѣ и Буковинѣ и его отношенія до русскаго народа въ Россіи. То заявленіе составляе историчное событіе, эпоху въ жизни русскаго народа въ Австріи. Оно вызвало тогда великій шумъ во всей европейской печати, непримиримую вражду польскихъ политикѣвъ къ Ив. Наумовичу и оно еще до нынѣ упоминаеся всегда, коли польскіи и украинофильскіи газеты заговарятъ о русско-народной партіи въ Галичинѣ. То заявленіе, написанное И. Наумовичемъ въ редакціи „Слова“ и напечатанное въ 59 н-рѣ той газеты (1866), въ отдѣлѣ „Дописи“, пѣдъ скромнымъ заголовкомъ: „Поглядъ въ будущиость“, было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: Въ почКраіюля 1866 г., послѣ несчастной для Австріи битвы пѣдъ атку левымъ Дворомъ (Кениггрець), въ Чехіи (3 іюля), выбралася изъ Львова въ Вѣдень польская депутація, въ составъ которой входили предводители польской партіи: краевый мар-

шалъ кн. Левъ Сапѣга, гр. А. Голуховскій, Корнилій Кшечуновичъ и др. Депутація та, корыстаючи изъ затруднительного положенія, въ якѣмъ находилось австрійское правительство, прирекла ему піддержку изъ стороны Поляківъ, но підъ условіємъ, що одинъ Полякъ буде назначенъ канцлеромъ Галичины, другій намѣстникомъ, и що правительство не буде вмѣшиватись въ Галицкіи дѣла. Вѣсть о такихъ требованьяхъ сильно встревожила ревныхъ русскихъ патріотѣвъ, бо исполненіе польскихъ требованій означало бы полное подчиненіе русского народа въ Галичинѣ підъ польскую политику. Кромѣ сего депутація требовала, чтобы рѣшенія Сойма о знесеніи „терна“ при замѣщеніи приходѣвъ, о признаніи польского языка яко урядового во всѣхъ урядахъ Галичины и въ дѣлахъ школьныхъ, получили императорскую санкцію, т. е. подтвержденіе. Въ виду такой опасности выступае Ив. Наумовичъ съ мужественнымъ заявленіемъ, съ новымъ словомъ, которого передъ нимъ никто изъ Русинѣвъ такъ ясно и всепародно не сказалъ, хотя всѣ лучшіи галицко-русскіи патріоты и ученые то слово давно знали и въ сердцахъ своихъ чувствовали и посили. Такое слово было уже высказано въ отзывѣ п. з. *Deutsche Brüder* (Братья нѣмцы), появившомся во Львовѣ 23 августа 1848 г. яко *Allgemeine Stimme der Ruthenen in Galizien* (Загальный голосъ Русинѣвъ въ Галичинѣ). Авторомъ сего отзыва, по свидѣтельству Б. А. Дѣдицкого, былъ тогдашній катихитъ въ Чернецахъ, а позднѣйшій Галицкій Митрополитъ, Спиридонъ Литвиновичъ. Онъ прислалъ рукопись отзыва въ тогдашнюю „Головную Русскую Раду“ и тая ю напечатала, но не отъ себе, якъ то она звичайно дѣлала съ подобнаго рода отзывами. А причина сего была слѣдующая: Въ мартѣ или апрѣлѣ 1848 г. депутація Русинѣвъ, підъ предводительствомъ Михаила Куземского, просила намѣстника, гр. Франца Стадіона, о помѣчь правительства для русского народа. Тогда Стадіонъ запыталъ Русинѣвъ: Скажѣте, чи вы такіи самыи, якъ Россіяне, ибо если вы такіи, то правительство не буде вамъ помагати. Депутація, чтобы зыскати милость правительства, отвѣтила, що галицкіи Русины составляютъ для себе отдѣльный народъ. Для того-то „Головная Русская Рада“ и не напечатала отъ себе упомянутого отзыва „Братья Нѣмцы,“ ибо въ семъ отзывѣ на самѣмъ вступѣ сказано: „Роздаются многіи голоса, которыми подозрѣвають насъ, що мы склоняемся къ Россіи, и для того не желаютъ нашего народнаго развитія. Та точка составляе давно дуже шкодливу засаду, изъ которой наши непріатели нападаютъ съ смертельными ударами на нашу народность, скоро тольکو она проявитъ признакъ житья. Братья Нѣмцы!

И Россіяне намъ единоплеменны, — вспѣльная славянская кровь плыве въ нашихъ жилахъ, вспѣльная судьба въ давниі времена, майже той самый языкъ, обычаи и т. д., дѣлають россійскихъ братьей дорогими нашему сердцю. Если бы мы хотѣли то заперечати, то мы не нашли бы вѣры даже у васъ; мы лгали бы, а яко совѣстные и честныі мужи, мы бы не могли выступити передъ очами Европы.“ Ив. Наумовичъ въ 1866 г. лучше розвинулъ и таки въ рѣдномъ словѣ (не по нѣмецки) высказалъ то-же самое народное вѣроисповѣданіе. Ив. Наумовичъ увидѣлъ именно, що Галицкая Русь пропаде, если она и дальше буде уважати себе самостоятельнымъ, ѳтъ всей прочой Руси ѳтрубаннымъ народомъ, безъ исторіи, безъ литературы и безъ великой рѣдни, и если ей не буде ѳткрытъ вспѣльный русскій источникъ, изъ которого она могла бы черпати живительныі силы, т. е. русское письменство и науку. И сей источникъ Ив. Наумовичъ ѳткрылъ и указалъ на него въ упомянутѣмъ письмѣ: „Погляддъ въ будущность.“ Вотъ то славное письмо:

„Сими днями рознесли въ сторонахъ нашихъ вѣсть, будь-то-бы депутація польская, корыстаючи зъ трудного положенія правительства по причинѣ настоящей несчастливой войны, вымогла въ Вѣднѣ приреченіе, що Галичина удостоится канцлерства въ особѣ гр. Голуховского, намѣстникомъ же имѣетъ быти именованъ мужъ правительственный, умѣвшій во время послѣдней соймовой сесіи позыскати собѣ великую популярность у нашей польской публики. Скѣлько въ тѣхъ вѣстяхъ правды, не можемъ знати, то тѣлько видится быти певнымъ, що реченная депутація, кромѣ катастральной sprawy, имѣла певно предлагати министерству и свои пляны для будущого устройства Галичины. Мы, Русины, не умѣемъ корыстати зъ клопотѣвъ правительства и яко люди добросердечныі, кромѣ того привязанныи сывною любовью къ Августѣйшой нашей Династіи, не выслали изъ своей стороны ніякой депутаціи, изъявили тѣлько адресомъ лояльность нашу, непоколебимую вѣрность Его Величеству, возлюбленному Императору, желаючи тѣмъ облегчити сердцю Его скорбь и боль, нанесенныи гордыми завоевателями, якъ Его Величеству, такъ и веѣмъ народамъ, которыхъ судьба звязана съ Австрією и со свѣтлѣйшою Династією Габсбургѣвъ. Намъ видѣлося неумѣстнымъ, а принаймькеше предскорымъ дѣломъ, теперь, коли розлютилася война и злополучно для Аветріи выпала битва пѣдъ Кениггрецомъ, а вся дѣятельность звернена на оборону державы, дѣлати якій-нибудь натискъ на министерство и Императора. Мы уповаемъ на наше природное право, на давнѣйшее слово Монарха и въ праведность нашего правительства и, якъ мы

были, такъ и есмы того сильного увѣренія, що, скоро миръ возвратится, услышанъ буде голосъ каждого народа австрійскаго, и ни одинъ изъ нихъ не буде пожертвованъ другому, ни одинъ изъ нихъ не погибне!

„Такъ мы надѣялися и не далися зъ толку збити шумными всесеніями и ухвалями польскаго бѣльшинства въ галицкомъ Соймѣ о канцлерствѣ, о тернѣ, о языкѣ урядовѣмъ, о справахъ школьныхъ, бо мы были, можно сказать, певными, що Его Величество не дасть санкціи одностороннимъ, тенденційнымъ, а къ благу Австріи неконечно змѣряющимъ ухваламъ, противъ которыхъ русскій народъ, якъ одинъ мужъ, черезъ своихъ заступниковъ въ Соймѣ голосовалъ и протестовалъ.

„Но нынѣ кто то ѳгадати може, чи добросердечіе и тактъ нашъ, чи агитаціи нашихъ противниковъ лучшимъ увѣнчаются успѣхомъ?..

„Вѣсти, розсѣваемыи о канцлерствѣ, певность, съ якою о тѣмъ говорятъ въ польскихъ кругахъ, переймае насъ мимовольно обавою и въ будучность нашу начинаемъ поглядати съ великою непевностью... Якъ наши послы, а именно изрядный всей Галицкой Руси любимецъ Куземскій бодро и неустрашимо высказалъ въ соймѣ самую святую правду и выложилъ тамъ, якій нашъ поглядъ на канцлерство: такъ и мы всѣ съ мыслію тою погодитись не можемъ и не можемъ ю ніякъ повязати съ благомъ Руси и благомъ Австріи. Представляемъ бо собѣ канцлера нашего будущего (Поляки требовали, щобы канцлеромъ быть назначенъ гр. А. Голуховскій) не яко челоувѣка безсторонного, умѣющаго вознестися по-надъ предрозсудки и тенденціи своего племени, не яко челоувѣка, посѣдающаго довѣріе всего галицкого жительства, но видимъ въ немъ одностороннее орудіе ультрамонтанства, мужа, одушевленнаго вправдѣ для римскаго католичества и добра своей польской народности и положившаго для ней великіи заслуги, но видающаго въ русскѣмъ челоувѣцѣ мятежника противъ Польши и шизматика, котораго въ имени Рима и Польши покорити, ба, уничтожити подбае! Если мужъ съ такими убѣжденіями стане между нами и Монархомъ, если ѳнъ возьметъ въ свои руки просвѣщеніе публичное, если „терно“ упаде, а духовенство русское, сей крѣпкій, но майже одинокій столпъ русской народности, ѳддано буде на ласку или неласку польской шляхты и латинскихъ ксендзѣвъ, если въ урядахъ и судахъ, въ радахъ и выдѣлахъ повѣтовыхъ и громадскихъ, будь насиліемъ, якъ то нынѣ уже видимъ по бециркахъ и комитетахъ голодовыхъ, будь интригами и лестію введенъ буде языкъ польскій, яко единый урядовый, если мало-помалу, ведля незабвенныхъ слѣвъ посла Куземско-

го, завладѣють Русію „родаки г. канцлера“ ѳтъ палаты министерской до хаты вѣита и присяжного; если переверт-
нямъ и предателямъ Руси, якъ то нынѣ уже практикуеся,
отворится путь до самыхъ высшихъ посадъ въ урядахъ и
приходахъ, а противъ вѣрныхъ русскихъ сынѳвъ въ житіе
вѣйде, якъ за оного достопамятного десятилѣтія, хорошо
обдуманная система гоненія: вопросъ, чи устоитъ Русь наша
въ такой нервѳной борьбѣ, чи не опуститъ ю надежда, чи не
упаде духомъ и чи въ концѣ не стане знова на якій часть
жертвою Польщи?!... Ничого пѳдъ солнцемъ не ма невозмож-
ного, и хотя трудно вѣрити, щобы Русь могла еще споль-
щитися, доки русскій крестъ есть на церкви, русская буква на
престолѣ, русское слово и русская пѣсня въ устахъ, а рус-
ское чувство въ грудяхъ русского народа: то таки не мож-
но утаити нынѣ, що передъ реченнымъ канцлерствомъ долж-
но мимовольно затрепетати сердце всякого народолюбця...

„И тутъ теперь на мѣстѣ другій вопросъ, который за
пѳздно нынѣ собѣ ставимъ, но разъ конечно поставити его
подобаетъ, а именно теперь, въ сей важной для насъ добѣ,
щобы оправдатися передъ исторією минувшости и будущности.
Чому ни одинъ австрійскій народъ, числящій стѳлько душъ,
що Русь наша галицкая и угорская, въ такимъ певныхъ, якъ
наши, границяхъ народныхъ, становлящій такую, якъ наша,
массу народную, не затревожится на видѣ одного мужа
о свое существованье, якъ съ горестью мы то нынѣ о собѣ
сказати должны? Чи нынѣ Сербъ австрійскій или Румунъ
скаже своимъ дѣтямъ: „Дѣти, я, батько вашъ, нынѣ Сербъ
или Румунъ, но прійшла вѣсть, що сей или оный мужъ,
вслѣдствіе политики нынѣшнѳго министерства, має быти на-
значенъ канцлеромъ; — такъ вы уже не будете тѣмъ, чѣмъ
я, Сербами, Румунами, но станете Мадырами, ѳтречаетесь
рѳдной сербской или румунской матери?“... Нѣтъ, той обавы
не выразитъ нынѣ ни одинъ сербскій, ни румунскій отецъ;
политика бо тѣхъ народѳвъ была всегда ясна и отверта и у
нихъ виробился истинный народный духъ, незалежный ѳтъ
личности министрѳвъ и канцлерѳвъ. Нашъ же русскій отецъ,
поглядаючи нынѣ на дѣтей своихъ, може имъ сказати: „Дѣти,
я васъ зродилъ и при зносныхъ для Руси обстоятельствахъ
воспиталь русскими, но нынѣ говорятъ о польскѳмъ канц-
лерствѣ; — трудно, щобы вы остались русскими, бо васъ
спольщатъ, не дадутъ вамъ инакше жити въ отечествѣ
вашѳмъ, если не выречетеся рѳдной вашей русской матери и
не станете Поляками!“ Бо политика наша была и есть не
ясна и не отверта, и у насъ не виробился еще истинный
духъ народный, незалежный ѳтъ личности министрѳвъ, канц-
лерѳвъ, намѣстникѳвъ! Чи мы ѳбъявили коли свѣ-

тови, чѣмъ мы есьмо? Якая наша минувшость? Якіи наши историческіи права? Нѣтъ! Мы бавилися и бавимся еще въ тахъ зовимую *Opportunitätspolitik* (политика выгоды), а нынѣ приходится намъ вкушати еи горькіи овощи. Въ 1848 роцѣ вопрошали насъ: Кто вы? Мы сказали, що мы всемиреннѣйшіи *Ruthenen*. (Господи, если бы праотцы наши узнали, що мы сами прозвали себе тѣмъ именемъ, якимъ окрестили насъ во время гоненія наши наилютѣйшіи враги, они въ гробахъ зашевелились бы!) И якая-жь зъ того вышла консеквенція? Ото такая, що выписалъ намъ вѣденскій жидъ-гумористъ Сафиръ: *Seit der Erfindung der Ruthenen zwei Jahre* (отъ изобрѣтенія Рутенѣвъ два годы), и що потѣмъ сами Поляки ругались намъ *rutenkami*, *rutenczykami*. — А може вы русскіи? — допрошалъ насъ Стадіонъ. — Мы кляли душу-тѣло, що мы не русскіи, не *Russen*, но що мы таки собѣ *Ruthenen*, що граница наша на Збручѣ, що мы отвертаемся отъ такъ званыхъ *Russen*, яко отъ окаянныхъ шизматикѣвъ, съ которыми ничего общаго мати не хочемъ. Якое ваше письмо? — допрашали насъ далѣе. Мы сказали, що письмо наше то, що въ церковныхъ книгахъ, и знова кляли душу-тѣло отъ гражданки, що то *serbisch-russische Zivilschrift* (сербско-россійское гражданское письмо), которого мы отрицаемся, яко чужого. Такъ вовсе не може удивляти никого, если намъ, Рутенамъ, не позволили въ извѣстное время употреблять ни выражений русскихъ, ни гражданки русской, ни русской скорописи, но допустили лишь то, чтобы намъ, яко Рутенамъ, свободно было поданья до урядѣвъ и судѣвъ писати-друковати церковною кирилицею, а языкомъ такимъ, якимъ бесѣдуется по торгахъ и корчмахъ¹⁾. И мы не сказали въ 1848 роцѣ, що мы Русскіи, що границею нашою народною не Збручъ, но дальше Днѣпра! Бо тогда настрашились бы насъ, чтобы мы, связанные тысячелѣтнею исторіею, обрядомъ церковнымъ, языкомъ и литературою съ великимъ народомъ, не забавили коли отъ Австріи ѳторватися и не были бы насъ допустили до свободъ конституційныхъ, были бы насъ, слабенькихъ, тогда придушили, чтобы мы и не дышали дыханьемъ русскимъ. Причина та може быти увзглядена передъ исторіею и лѣсть наша по части оправдана, хотя все оно выдаеся смѣшнымъ, якъ оный русскій человекъ, которому кто-тамъ вымѣтовалъ, чому русскіи въ „байратъ“ (прибач-

¹⁾ Еще въ 1866 г. тогдашній австрійскій министр-президентъ гр. Бейстъ заявилъ: „Если бы Русины направду были Русскими (*Russen*), то я бы долженъ надъ тѣмъ сожалѣти, ибо правительство не може ихъ пѣдпирати.“ Якъ видно, гр. Бейстъ повторилъ лишь то, що въ 1848 г. сказалъ гр. Стадіонъ.

ная рада) у гр. Стадіона не сказали ѓтъ разу всю правду, що они не якісь-тамъ Рутены, но такі Русскіи, Russen, а который на то наивно ѓтрѣкъ: „А! Щѡ на то сказаль бы польскій арцибискупъ?!“...

„Намъ видится, що австрійскій Императоръ, даровавшій конституцію вѣмъ австрійскимъ народамъ, не былъ бы ѓтъ ней зробилъ изъятія що-до галицкихъ Русскихъ, если бы мы были такими представились по правдѣ и по существу рѣчи, и пуста была и есть всегда обава, щобы связь народная вела конечно до связи политической. Коли въ 1859 роцѣ Италіяне завозвали своихъ одноплеменникѡвъ въ Швайцаріи, щобы прилучились до державы италійской, они имъ ѓтрекли, що они счастливы въ Швайцаріи и не багнуть того соединенія. И намъ Русскимъ, хотя неконечно счастливымъ въ отношеніи съ нашими соплеменниками Поляками въ границяхъ Австріи, николи еще не приходила мысль ѓтрыватись ѓтъ Австріи конституціонной, съ которою связала насъ судьба и вяже постоянно надежда лучшей будущности. Такъ безосновна была тогды обава правительства, а неумѣтна политика нашихъ и взглядъ на арцибискупа въ достопамятнѡмъ 1848 р.

„Но мало-помалу рѣчи розъяснилися. Ледва одинъ, другій рѡкъ проминулъ и Русь стала ѓтживати, — показалось, що еи литература безъ словаря Шмида не успѣе ни на крокъ, що той русекій словарь такъ добре русекій для Петербурга, якъ и для Львова, що въ немъ есть сокровище языка истинно литературного, письменного, русского. Показалось векорѣ, що галицкій Русекій, оглянувшись въ исторіи, прійшли до того пересвѣдченъя, що имъ не тѡлько языкъ испортила Польша, но и обрядъ упалъ пѡдъ гнетомъ латинства. Довольно перечитати книгу: *Die ruthenische Schrift-und Sprachfrage*, щобы въ тѡмъ достаточно убѣдиться, що гр. Голуховскій не денунціоваль що-то на насъ до Вѣдня, но що ѓнъ писалъ о насъ чистую правду, що литература наша стремится до ѡбщей русской литературы, а обрядъ нашъ къ очищенію ѓтъ латинства. Мы ѓтдаемъ ему за то справедливость и не такъ его, но бѡльше неконсеквенцію нашихъ обвиняемъ. Кто бо исповѣль себе въ 1848 роцѣ Рутеномъ, не мающимъ ничего вѡпѡльного съ цѣлою Русью, кто ѓтрѣкся своего гражданского письма и ограничилъ свою литературу на 2 округѡръ Галичины: тому передъ правомъ, даже конституціоннымъ, не свободно было по-за тѣ границы выступать, но тѡлько въ тѣхъ, нимъ самымъ означенныхъ границяхъ развиваться. А що-жь былъ виненъ гр. Голуховскій, що ему надарилася хорошая случайность, на корысть Польши побѣдити Русь еи власнымъ оружіемъ?

„По такихъ сумныхъ опытахъ не опамяталась Русь еще

и въ 1860 р., послѣ диплома зъ 20 октобрія, который позволялъ
 вѣсьмъ народамъ австрійскимъ на подставѣ историческихъ
 преданій розвиватися. Мы собѣ и тогда остались Рутенами
 и гнѣвались на тѣхъ, що насъ денунціювали о стре-
 мленіе до соединенія литературно со всею Русію, мимо
 того, що не ма у насъ ни одного изъ лучшихъ литератѣвъ,
 который вѣрилъ бы въ блистательную будущность исключной
 галицко-русской литературы... И на соймѣ львовскѣмъ, где
 была наилучшая случайность высказати ясно и Полякамъ и
 Европѣ, не сказалъ никто изъ нашихъ, що вѣсь усилія
 дипломаціи и Полякѣвъ — сотворити изъ насъ особый народъ
 рутенѣвъ-унитѣвъ, оказались тщетными, и що Русь Галицкая,
 Угорская, Кіевская, Московская, Тобольская и пр., подъ
 взглядомъ этнографическимъ, историческимъ, лексикальнымъ,
 литературнымъ, обрядовымъ, есть одна и та-же самая Русь,
 мимо того, що въ Галичинѣ она вѣрно предана своему воз-
 любленному Монарху и его свѣтлой Династіи, а тамъ, за
 границею, она тоже предана своему Монарху и своей династіи.
 На Соймѣ Львовскѣмъ была добрая случайность выповѣсти
 ясно и откровенно, що преданіемъ нашимъ историческимъ
 есть исконный (отвѣчный) отцѣвъ нашихъ обрядъ русскій,
 чистый, совершенный, и що никто розумный не може тому
 дивоватися, если Русь пламенно нынѣ жelaе освободитися
 ѣтъ узѣвъ іезуитизма подъ взглядомъ обряда и вѣры. Еслибы
 мы все то сказали смѣло и откровенно, кто бы на насъ тогда
 клеветалъ, кто денунціювалъ бы насъ о москвитизмъ и шизму,
 кто посмѣлъ бы сказати, що стремленіе наше нечистое и не-
 праведное? Но доки мы Рутенами, ограниченными съ языкомъ
 и литературою нашою на сельскіи хаты дванадцати округѣвъ
 галицкихъ, а не признающимися до цѣлости руского міра:
 горе намъ ѣтъ канцлерства польского! Пишѣмъ собѣ здоровы,
 що хочемъ, противъ сихъ такъ называемыхъ клеветъ, изви-
 няймося, кленѣмъ душу-тѣло, никто намъ не повѣритъ, бо и
 годъ увѣрити въ то, що невозможно, но и никто насъ не по-
 ратуе, никто за нами не обстане... Для того есть мифніемъ
 нашимъ, що время уже переступити нашъ Рубиконъ и ска-
 зати откровенно въ слухъ вѣсьмъ: Не можемъ ѣтдѣли-
 тися китайскимъ муромъ ѣтъ братѣвъ нашихъ
 и ѣтстати ѣтъ языковой, литературной и на-
 родной связи со вѣсьмъ русскимъ міромъ! Мы не
 Рутены изъ 1848 року, мы настоящіи Русскіи!
 Но, якъ всегда были, такъ есьмо и останемся въ будуще не-
 поколебимо вѣрны нашому Августѣйшому австрійскому Мо-
 нарху и свѣтлѣйшой Династіи Габсбургѣвъ. Зложивши такое
 вѣроисповѣданіе, не будемъ потребовати боятися польского
 канцлерства, не буде намъ мѣгъ никто закинути, що языкъ

нашъ неспособенъ до высшихъ училищъ, необразованный до урядованья и проч., бо языкъ нашъ и литература наша русская давно и далеко перестигла польскую, чего намъ и сами Поляки въ соймъ и всюду заперечити не здужаютъ. (Подписано:) „Одинъ и менемъ многихъ“.

Приведенное заявленіе Ив. Наумовича составляе важное историчное событіе не только въ жизни Галицкой Руси, но и въ ея отношеніяхъ до Польши и до Австріи и въ межинародномъ положеніи. Заявленіе то мае великое значеніе и нынѣ и буде мати его такъ долго, якъ долго существуете Галицкая Русь, ибо ясно означило происхожденіе и принадлежность галицко-русского народа, явно высказало то, що подтверждаетъ языкъ, исторія и обрядъ. Розумѣсь, заявленіе Ив. Наумовича вызвало страшный крикъ и шумъ не только въ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ въ Австріи, но и въ заграничной печати, въ Россіи, Франціи и Германіи. Особенно бѣсилась польская печать въ Галичинѣ. Она всегда твердила, що русское населеніе Галичины есть частью польского и що русскій языкъ Галичанъ есть только нарѣчіемъ польского языка, подобно тому, якъ языкъ Мазуровъ, и що Русины суть Поляками уніатского обряда! Коли однако Галицкая Русь не дала себе збити зъ дороги своего природного развитія, польскіи политики и тайно и явно стали доносити въ Вѣдень, що она хоче оторватись отъ Австріи, чтобы такимъ способомъ настрашити правительство и настроить его противъ Галицкой Руси. При томъ однако польскіи политики не тратили надежды на то, що съ часомъ имъ удастся втягнути Галицкую Русь въ свои планы, ибо числили на то, що она, яко народъ, безъ сильной рѣдни, безъ опоры въ дворянствѣ, съ временемъ буде принуждена пристати къ политично сильнѣйшой Польшѣ. Тѣ надѣи развѣялъ Ив. Наумовичъ вышеприведеннымъ заявленіемъ. Тогда польскіи политики взялись на иныи способы. Раньше они твердили, що *niema Rusi, jest tylko Polska i Moskwa*. Коли-же стало явно, що есть Галицкая Русь и що она признаеся до рѣдн съ великимъ русскимъ народомъ, они признали, що Галицкая Русь есь, но що она должна быти связана унією съ Польшою, ибо она цѣлкомъ иный народъ отъ „московского.“ Такъ въ статьяхъ: *Zdania o organizacji Galicji*, напечатанныхъ въ *Gazet-ѣ Narodow-ой* 8 и 9 августа 1866 г., которая приведенную статью Ив. Наумовича назвала „програмовою,“ польскіи политики требовали отнятія шкѣлъ въ Галицкой Руси изъ рукъ Русинѣвъ и передачи въ руки Поляковъ; дальше они требовали, чтобы крылошанъ „святоюрцѣвъ,“ которыхъ тогда стояли въ оборонѣ правъ Руси, прогнати. „Если поганое русское святоюрство, такъ сказано дословно въ упомяну-

тыхъ статьяхъ, если терроризмъ, которымъ святоюрцы управляютъ духовенствомъ, будутъ розбиты, если школа буде отнята изъ русскихъ рукъ, тогда только повстане правдивая анти-русская Русь въ Галичинѣ и покаже, якъ безосновны русскіи претенсіи. Такая анти-русская Русь, связанная унією съ Поляками, буде для Австріи крѣпкимъ валомъ противъ Россіи, подставою еи будущей политики, стремящейся на Востокъ, наисильнѣйшою противъ стремлений панславизма и руссизма. — Якъ видимъ, польскіи политики уже тогда хотѣли вытворити въ Галицкой Руси приклонную имъ партію, якая возникла потѣмъ подъ именемъ „сепаратизма“, „новозрѣвъ“ и „новокурениковъ“, которые, будь-то-бы, представляютъ „правдивую“ Русь.

Якая-то мала быти оная Русь, о тѣмъ свидѣтитъ статья *Gazet-ы Narodow* ой отъ 25 лат. сентября 1866 г., появившаяся уже послѣ того, якъ намѣстникомъ Галичины, на мѣсто бар. Франца Паумгартена, былъ, на требованіе Поляковъ, именованъ гр. Агеноръ Голуховскій. Упомянутая газета такъ тогда писала: „Прежде всего управляющіи правительствомъ въ Галичинѣ должны совѣстно поступати съ Русинами. То, що естъ чужое (читай: истинно русское!) въ школахъ и урядахъ, то належитъ вправдѣ безусловно усунути, но zároveň заняться щиро и совѣстно введеніемъ истинного языка нашої Руси въ школы и уряды.“ Якъ однако понимали польскіи политики „истинный языкъ нашої Руси“, то показуе дальшее требованье *Gazet-ы Narodow*-ой: „Русская гражданка и скоропись — говоритъ она — должны быти выкинены изъ школъ и урядовъ, а въ школахъ людovýchъ языкъ русскій долженъ лишь тамъ быти введенъ яко преподавательный, где находится переважная часть дѣтей, которые сей языкъ лучше понимаютъ, нежели польскій.“ Наконецъ названная газета заявила: „Намѣренье министерства Туна — ввести латинскую азбуку въ русскіи народныя школы, якъ она введена въ уряды, должно быти безъ проволоки осуществлено.“

Вскорѣ показалось, що опасенія Ив. Наумовича, вызвавши выше приведенное историческое заявленье, были оправданы. Гр. А. Голуховскій былъ именованъ, вправдѣ не канцлеромъ, но намѣстникомъ Галичины, и то именованье вызвало великую радость середъ польскихъ политиковъ и русскихъ измѣнниковъ. Гр. А. Голуховскій былъ раньше намѣстникомъ Галичины, именно отъ года 1851 до 1859, и тогда былъ усуненъ русскій языкъ изъ школъ и всѣ русскіи дѣатели стояли подъ полицейскимъ надзоромъ. При концѣ своего правленія, гр. А. Голуховскій хотѣлъ совсѣмъ скасовати русскую, азбуку. Вотъ причины радости польскихъ политиковъ, по по-

воду именованья гр. Голуховского. Съ его приходомъ въ Галичину началась новая исторія Галицкой Руси. Въмѣсто нѣмецкой централизаціи, безвредной для русскаго народа, взяла верхъ польская автономія и польское верховодство, которыхъ видимъ и чувствуемъ еще нынѣ. Тогда начала сильно рости партія украинофильская, ибо она находила покровительство у гр. А. Голуховскаго и у польскихъ политикѣвъ, а то для того, чтобы такимъ способомъ Галицкую Русь розбити и ослабити и зъ одной части еи здѣлати орудіе для плянѣвъ польскихъ политикѣвъ. *Gazeta Narodowa* выразительно написала въ 237 н-рѣ (1866 г.): „Задача правительства може состояти лишь въ томъ, чтобы уничтожити всякіи вліянія, которые силуются Галицкую Русь „омосковщити.“ Найлучшимъ же къ тому средствомъ буде — усувати русскій языкъ, накинennyй передъ болѣею лѣтами въ шлолахъ „московскимъ агентствомъ,“ а вводити языкъ, которымъ Русины въ Галичинѣ говорятъ, а чтобы се здѣлати возможнымъ, належитъ всѣмъ, въ рукахъ прарительства находящимися средствами, заохочивати къ труду надъ розвитіемъ русскаго людского языка.“ Кто знае, якую Русь желали мати польскіи политики, тотъ пойме плянъ *Gazet-ы Narodow-ой*. Она требовала, чтобы послѣ введенія латинской азбуки бнѣ сталъ польскимъ и называла такихъ патріотѣвъ, якъ Митрополитъ Григорій Яхимовичъ, М. Куземскій, М. Малиновскій, Ив. Наумовичъ, Б. А. Дѣдицкій, А. Добрянскій, Л. Трещаконскій и многіи другіи „московскими агентами.“ Нынѣ ту роль и даже тѣ самыя выраженья *Gazet-ы Narodow-ой* переняли сотворенныи графомъ К. Бадени въ 1890 г. „новозристы“ и „новокуреники,“ т. е. представители „антирусской Руси,“ якихъ польскіи политики, по свидѣтельству *Gazet-ы Narodow-ой*, хотѣли еще въ 1866 г. вытворити.

Мы привели совѣты *Gazet-ы Narodow-ой* для того, ибо ведля нихъ дѣйствительно поступалъ гр. А. Голуховскій. Дня 28 н. ст. октября 1866 г., принимаячи депутацію изъ Самбора съ бурмистромъ Попелемъ во главѣ, гр. А. Голуховскій сказалъ ей, що бнѣ „отношеніе Мазура до Русина понимае такъ само, якъ Самборскій бурмистръ, Попель, который въ своей привѣтственной рѣчи заявилъ, що „Мазуръ и Русинъ въ физичнѣмъ и духовнѣмъ соединеніи творять Поляка.“ Дальше сказалъ гр. А. Голуховскій, що буде старатися, „дабы чужин, превратныи вліянія на русскій народъ прекратились, а *moskwicyzm* изъ шкѣлъ и школьныхъ книжокъ, т. е. *moskiewskie* выразу изъ учебникѣвъ, совсѣмъ были удалены.“ Якъ знаемъ, гр. А. Голуховскій старался исполнити свое намѣреніе, которое, впрочемъ, пѣзднѣйше перенялъ на себе гр. К. Бадени и которое еще

и до сихъ поръ исполняеся подъ различными видами, хотя бы и подъ видомъ введенія фонетики въ русское письмо...

Построивши въ Коростнѣ каменную церковь, Иванъ Наумовичъ старался перенестись на иной приходъ, ибо дѣти росли, а тутъ просто не было чѣмъ жити. Гр. Альфредъ Потоцкій, коляторъ Коростна, предложилъ ему приходъ въ своихъ добрахъ, именно въ селѣ Глѣбовичахъ Великихъ, близъ Бѣбрки. Довѣдавшись о томъ, *Gazeta Narodowa* съ яростью накинулась въ 240 ч. на Ив. Наумовича и пустила въ свѣтъ ложь, будто громада въ Глѣбовичахъ протестуе противъ назначенія въ ней приходникомъ И. Наумовича, а то для того того, що онъ признае единство Галицкой Руси съ остальнымъ русскимъ народомъ. *Gazeta Narodowa* возвала при томъ также гр. А. Потоцкого, чтобы онъ не далъ Ив. Наумовичу презенты, доки сей не отречется „Москвы“ и „шизмы.“ Ив. Наумовичъ, якъ всегда, щирый и откровенный, написалъ въ 83 ч. „Слова“ за 1866 г. отвѣтъ *Gazet-ѣ Narodow-ой*, въ которомъ межъ прочимъ заявилъ :

„Яко християнинъ, да яко проповѣдникъ науки Христовой, не могу не видѣти въ Москвѣ моихъ ближнихъ, братѣвъ. не могу ихъ не любить, или меньше любить, якъ люблю ближнихъ и во Христѣ братѣвъ въ Краковѣ, Варшавѣ и Познани. Яко Славянинъ, не могу въ Москвѣ не видѣти Славянъ. Яко русскій человѣкъ не могу въ Москвѣ не видѣти русскихъ людей. А хотя я Малорусинъ, а тамъ живутъ Великоруссы; хотя у мене выговоръ малорусскій, у нихъ великорусскій: то таки и я русскій, и они русскіи, такъ само, якъ Мазуры и Великополяне, и такъ зовимыи „васерполяки,“ имѣють свои особенности, свѣй выговоръ, свою простонародную литературу, но все сходятся въ томъ, що все суть Поляками и все имѣють общую книжную литературу, общій книжный литературный языкъ. Старый нашъ отецъ Несторъ, родомъ Малоруссъ, началъ лѣтопись свою словами : „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда пошла есть русская земля;“ подъ тою русскую землею еще въ XII вѣцѣ онъ не разумѣлъ одну Галицкую или Малую Русь, но всю Русь, весь сѣверо-востокъ Европы, на которомъ жили тогда племена Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ, Кривичей и пр., вѣдай болѣе тогда различавшіеся другъ отъ друга племенностью, чѣмъ нынѣшніи Малоруссы отъ Великоруссовъ, но имѣвшіи все совокупно всеобщее имя русского народа, а весь широкій обшаръ земли, ними заселенный, звался русскою землею. Такъ *Gazeta Narodowa*, утверждаючи, що *Rusin i Moskal są to dwa obce sobie zupełnie narody*, поставила парадоксъ, подъ которымъ подписатись не позволяе менѣ самый древній лѣтописецъ Руси, а противъ

которого протестують всѣ наибѣльшіи славянскіи авторитеты, изъ которыхъ приведу тѣлько Шафарика, знающаго тѣлько одну *mluva rusku* и нарѣчія *velko-malo-i bjelo-русскіи*. Що до образованія нашего малорусского нарѣчія, яко языка книжного, заперечитись не дасть, що народъ, числящій 15 миліонѣвъ душъ, т. е. вдвое стѣлько, скѣлько всѣхъ Полякѣвъ на свѣтѣ, былъ бы мѣгъ выобразовати собѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, питомую, ѣтъ великорусской независимую литературу, которая, чи колись не злилась бы конечно съ существующимъ уже книжнымъ русскимъ языкомъ, было бы вопросомъ будущности. Но що то не сталося, кто тому виненъ, если не самыи Поляки, пѣдъ которыхъ владѣніемъ жилъ малорусскій народъ стѣлько вѣкѣвъ, пѣдъ которыхъ властью (соймового бѣльшинства) живе тутъ и нынѣ? Великоруссы лучше умѣли пользоваться обстоятельствами. Они, имѣючи свое питомое, великорусское нарѣчіе, взяли до него классическую церковно славянщину и живое малорусское нарѣчіе, и зъ того всего, за помощью ученыхъ Велико-Мало-и Бѣлорусѣвъ, образовали общій русскій книжный языкъ, который всѣмъ русскимъ племенамъ рѣвно приступный и рѣвно ѣддаленный ѣтъ простонародного нарѣчія велико-мало-и бѣлорусского. Для образованія же малорусчины осталось было еще одно поле, т. е. Галичина, где по истинѣ благопріятствовало ей недуже росширенное знаніе книжного русскаго языка, въ Россіи высокообразованного, и выговора великорусскаго. Я самъ былъ изъ числа подвижниковъ на тѣмъ поли и думалъ ажъ до окончанія послѣдней сессіи галицкаго Сойма, що Поляки, братья Славяне, имѣючи въ Соймѣ важный привилей бѣльшинства, приложать всякіи усилія, чтобы подачею нашимъ народнымъ школамъ и другимъ институціямъ братней помочи, поставити насъ въ возможность образованія нашего малорусскаго нарѣчія, независимо ѣтъ великорусчины. Голосъ мѣй при внесеніи посла Лавровскаго касательно марныхъ 3.000 зр. для нашего ультра-малорусскаго театра, былъ голосомъ лебединымъ, съ которымъ упала послѣдняя надежда на братерство сосѣдей-Поляковъ, вѣдай и для малорусчины, ибо стало доказано якъ не можно лучше, що Малоруссъ, если не имѣе стати настоящимъ Полякомъ, имѣе единое прибѣжище въ приобщеніи высокообразованной, готовой, книжной, богатой русскаго литературы.

„Слѣдуймо далѣй, чи возможно менѣ ѣтречись *wszelkiej wspólności z Moskwą i szczytą*? Есмь обряда греческаго и до того обряда признаеся Москва. Яко уніата, вяжутъ мене съ церковью римскою три догматы: о главенствѣ папы, о происхожденіи св. Духа и о чистилищѣ, — а съ Москвою все

другое: той самый Богъ въ Тройцѣ единый, тѣ же самыи св. Тайны, та самая щѣ-до буквы Библія, тѣ самыи св. Отцы, та самая, ѡтѣ тѣхъ самыхъ вселенскихъ Учителей происхо- дящая литургія, тѣ самыи боговдохновенныи молитвы и пѣнія, тѣ самыи праздники, тотъ самый языкъ церковно- славянскій, то самое лѣточисленіе. У насъ Рождество, въ Москвѣ Рождество; у насъ Богоявленіе — въ Москвѣ Бого- явленіе; у насъ мясопустъ — въ Москвѣ мясопустъ; у насъ Поклоны — въ Москвѣ Поклоны; у насъ Христосъ воскресъ — въ Москвѣ Христосъ воскресъ и пр. Съ Москвою, не смотря на унію и еи обрядовыи новости, вяже мене Христосъ Господь и общеніе Святыхъ, бо я молюся о всей о Христѣ братіи нашей, и мои праотцы, записанныи въ поминальныхъ грамотахъ ѡтѣ вѣкѡвъ, одни были уніатами, а другіи право- славными. Такъ ѡтречися *wszelkiej wspólności z Moskwą*, значи- ть: перестати быти русскимъ христіаниномъ, Славяниномъ, ѡтречися греческой Церкви, бого- служенія, лѣточисленія, своихъ праотецъ и стати чѣмъ? Если уже не язычникомъ, то Духинскимъ (который твердилъ, що Русь и „Москва“ то иныи народы и що „Москали“ не Славяне), предателемъ прадѣдной Церкви, ѡтступницкомъ Руси.“

Письмо то, пѡдписанное Ив. Наумовичемъ, вызвало на него еще бѡльшіи нападки въ польскихъ газетахъ и мало для него непріятныи послѣдствія. Первое было то, що гр. А. Потоцкій взялъ свою ѡбѣданку назадъ и не далъ Ив. Наумо- вичу прихода въ Глѣбовичахъ Великихъ; второе было, що польскій избирательный комитетъ постановилъ при новыхъ выборахъ въ Соймъ въ 1867 г. всякими способами не допу- стити поновного выбора Ив. Наумовича. Не смотря однако на все штуки, Ив. Наумовичъ получилъ въ Золочевѣ 65 голо- совъ, а его польскій противникъ, Баталія, начальникъ суда въ Глинянахъ, 69 гол. Но уже въ началѣ Сойма поль- ское бѡльшинство признало 7 голосѡвъ Ив. Наумовича неза- конными и его выборъ неважнымъ.

Будучи бѡльше свободнымъ, Ив. Наумовичъ съ цѣлымъ жаромъ посвятился просвѣщенію народа и пѡднятію его изъ нужды. Якъ онъ занимался народомъ, свѣдчитъ письмо жи- телей Коростна, напечатанное въ 5 ч. „Слова“ за 1867 г. и пѡдписанное 90 крестьянами, въ томъ числѣ 27 латинниками. Въ томъ письмѣ крестьяне говорятъ о Ив. Наумовичѣ: „Зна- ютъ то все гомады околичныи, кѡлько они (Ив. Н.) заслу- жилися для громады, коли Богъ допустилъ огонь, а они насъ тогда не опустили, але вразъ съ нами тяженько страдали. А кобы не они, не были бы мы мали зъ краю тѡлько ратунку въ грошахъ, збѡжу и шматью, кѡлькосьмо мали, и Господу

Богу и имъ наибѣльше треба завдячити, що мы поволи опам'яталися зъ той великой нужды. Не ма у насъ челоувѣка, не ма и малой дитины, которая бы не знала сказати за любезного и дорогого Отца Наумовича. Они насъ просвѣтили, они завели порядную школу, ихъ стараньемъ наука процвѣтае, они намъ поставили, съ невеликимъ нашимъ трудомъ, своею ревностію, красну муровану церковь, красу на всю околичность. Они розвели намъ пасѣки и щепы овощевыи, по сему и сами своими руками выховали намъ садовину, ходячи весняными часами ѳтъ огорода до огорода съ пилкою и вѣточками, перетворяючи наши дички на щепы; они даровали нашой школѣ красну пасѣку для убѣльшенія дохода учителя и для науки дѣтей, которыхъ освоили съ пчолами и ознакомили съ наукою, такъ пожиточною. Отецъ нашъ Наумовичъ суть намъ во всемъ порадою и примѣромъ и мы до нихъ маемъ такое довѣріе и любовь, що не ма такой души, которая бы о тѣмъ не знала, не тѣлько у насъ, але и въ другихъ селлахъ."

Приведенное письмо прекрасно представляе и дѣятельность Ив. Наумовича и отношеніе къ нему галицко-русского простопародія. Въ 1867 году дѣятельность Ив. Наумовича не была однако еще такъ широка и рѣзнообразна, якъ пѣзднѣйше. Ив. Наумовичъ не показаль еще тогда своего блестящего писательского таланта и умѣнья представить простому народу всякое дѣло приступно и разумно. Но уже въ 1867 г. Галицкая Русь видѣла въ немъ художественного борця за свои права и горячого русекого патриота, що доказала пѣднесеніемъ ему серебрянного бокала (чаши), въ видѣ, „народного дара," на покупку которого складалися всѣ тогдашніи народолубцы и его многочисленныи почитатели.

Въ 1867 г. Ив. Наумовичъ оставилъ село Коростно, переселившись на приходъ Стрѣльче, вблизи Коломыи. Полученіе сего нового прихода состоялось слѣдующимъ способомъ: Помѣщикомъ села Стрѣльче и коляцтвомъ мѣстной церкви былъ д-ръ Антоній Яноха, Полякъ, но изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ то время и нынѣ, Поляковъ, которые признавали права русекого народа и его предводителей не преслѣдуютъ. Читаячи соймовыи рѣчи Ив. Наумовича, а также и нападки на него въ польскихъ газетахъ, д-ръ А. Яноха самъ предложилъ ему приходъ въ Обертинѣ или въ Стрѣльчѣ, хотя лично его не зналъ. Передъ однимъ пріятелемъ Ив. Наумовича д-ръ А. Яноха выразилъ сожалѣніе по поводу, що такой челоувѣкъ, якъ Ив. Наумовичъ, принужденъ боритися съ недостатками и съ нуждою. Ив. Наумовичъ согласился, но такъ якъ межъ тѣмъ речинецъ на Обертинѣ минуть, то подался ѳнъ на Стрѣльче и уже 4 (16) мая 1867 оставилъ свѣй приходъ Коростно и Перемышляны, переселившись на новый приходъ. Проводы

его прихожанами были трогательны. Коростянцы и Перемышлянцы провожали своего душпастыря съ крестнымъ ходомъ и при пѣніи „Христосъ воскресъ“ далеко за границы прихода, многіи-же изъ нихъ на кѣльканадцати возахъ ѣхали за нимъ черезъ Мерищевъ и Бруховичи ажъ до Рогатина. И не только Русины, но и латинники съ плачемъ прощали своего учителя, который имъ помогаль радю и дѣломъ въ духовныхъ и житейскихъ дѣлахъ. Переселяючись изъ Коростпа, Ив. Наумовичъ розстался со своими пріятелями по сердцю и по любви къ народу, сосѣдними священниками, оо. Арсеніемъ Агдыковскимъ, Теофиломъ Дудыкевичемъ и другими, въ бесѣдахъ съ которыми онъ черпаль то богатство мыслей, якимъ отличаетъ его сочиненія.

Полученіе прихода Стрѣльче розозлило Gazet-y Narodow-y и на Ив. Наумовича, и на д-ра Яноху. Она однако не могла имъ ніякой иной латки причѣпити, якъ только выдумала ложъ (въ ч. 130, 1867 г.), що Ив. Наумовичъ получилъ презенту на Стрѣльче за свою кандидатуру въ Золоченщинѣ, именно же, що Ив. Наумовичъ продалъ свою кандидатуру д-ру А. Яносѣ. На то отвѣтилъ И. Наумовичъ въ ч. 45 „Слова“ (за 1867 г.), заявивши :

„Для того, що „Народувка“ ту ложъ роспустила, есть, видится мнѣ, двоякая причина: Первая та, що „Народувка“ не понимае, якъ може Полякъ, имѣющій право пропинаціи и презентаціи, отже право аренды корчмы и церкви, быти такъ честнымъ и великодушнымъ, щобы арендаря до корчмы, а попа русского до церкви пустилъ безъ оплаты или безъ условія. Знаючи, що я не мѣгъ оплатитись чѣмъ рукоятнымъ, думала собѣ „Народувка,“ що менѣ пришлось оплатитись своею политическою вѣрою и обязанностию служити народови и заступати его на польскѣмъ Соймѣ, отже и заключеніе готово: що я ѣтступилъ за презенту г. д-ру Яносѣ мою кандидатуру! Другая же причина той ложной вѣсти есть та, що „Народувка,“ яко органъ господствующей нынѣ феодально-ультрамонтанской партіи, перечула вѣдай, що выборы въ Золочевѣ небавомъ послѣдуютъ, уважала отже за необходимо пострѣбное, добыти за-вчасу свое оружіе, которымъ такъ ловко владѣе, т. е. ложъ, щобы заколотити воду тамъ, где для ей партіи невеликая надѣя побѣды.“ Дальше въ тѣмъ опроверженіи Ив. Наумовичъ пише : „Г. Яноха, смѣю всѣмъ заручити словомъ чести, давшій менѣ не только презенту, но и все до господарства нужное, засѣявшій мое поле своимъ насѣнемъ и своими рабочими силами, не поставилъ менѣ ни одного условія, не входилъ ни въ якіи мои статьи въ „Словѣ,“ ни въ якіи мои обрядовыи пересвѣдченья, ни въ якіи мои языковыи и народныи засады, — повиталь мене хлѣбомъ-солью

въ Стрѣльчѣ по старому славянскому обычаю, яко обыватель Полякъ обывателя русскаго, яко другъ и братъ друга и брата по законамъ Христовымъ. А се соблазнъ, ужасный соблазнъ для „Народовой.“ Инквизиціи, гоненія, ненависть всего, що не польское, се триумфъ ясновельможной шляхетской Польщи надъ бѣдною, беззащитною Галицкою Русью, забабшою жити на Божѣмъ свѣтѣ своимъ питомымъ житьемъ!“

Съ переходомъ въ Стрѣльче начинаеся еще болѣе широкая и болѣе рѣзнообразная дѣятельность Ив. Наумовича на народно-писательскомъ поприщѣ. Будучи въ Стрѣльчѣ, онъ основалъ въ Коломѣ свою знаменитую „Науку“ и разомъ съ типографомъ г. М. И. Бѣлоусомъ „Русскую Радѣ“, первую въ видѣ ежемѣсячника, вторую яко двунедѣльникъ, и посвятилъ всѣ свои великіи дарованія и неутомимый трудъ добру крестьянъ и мѣщанъ. Болѣе подробно о писательскомъ трудѣ Ив. Наумовича поговоримъ въ отдѣльной главѣ; тутъ же примѣтимъ, що Ив. Наумовичъ не только майже все писалъ для „Науки“ и много для „Русской Радѣ“, но самъ дѣлалъ корректу и для того зимою и лѣтомъ, въ дождь и погоду, ѣздилъ возомъ въ Коломыю, отдаленную отъ Стрѣльча 6 миль, чтобы доглянути свои изданія. Кромѣ сего Ив. Наумовичъ усердно занимался пчеловодствомъ и садоводствомъ и яко членъ завязавшагося тогда въ Коломѣ Общества пчело- и садоводства, устроилъ въ Городенцѣ въ 1872 г. (26, 27 и 28 августа) изъ сей области хозяйства выставку, которой и былъ избранъ предсѣдателемъ. Найлучшимъ свидѣтельствомъ неутомимой дѣятельности Ив. Наумовича въ Стрѣльчѣ може служить фактъ, що въ то время Коломыя опередила Львовъ въ изданіи русскихъ популярныхъ газетъ и книжечокъ, въ чѣмъ также немалую заслугу положилъ и предприимчивый коломыйскій типографъ, г. М. И. Бѣлоусъ.

Въ Стрѣльчѣ дѣйствовалъ Ив. Наумовичъ до ноября 1872 г., коли переселился на приходъ въ мѣстечку Скалатѣ. Тутъ, продолжаячи писати для „Науки“ (которую только въ 1877 г. перенёсъ изъ Коломыи во Львовъ) и для „Русской Радѣ“, а также сочиняючи книжечки для Общества им. М. Качковскаго, Ив. Наумовичъ снова потрудился на политичномъ поприщѣ. Именно въ октябрѣ 1873 г., послѣ введенія безпосредственныхъ выборовъ, онъ былъ избранъ изъ сельской куріи округѣвъ Тернополь-Збаражъ-Скалатѣ посломъ въ державную Думу, где такъ же, якъ во Львовскомъ Соймѣ, неустрашимо боронилъ правъ русскаго народа. Изъ сказанныхъ нимъ въ парламентѣ рѣчей особенно важны: „О преподавательнымъ языцѣ въ середнихъ школахъ Галичины (1874);“ „О вѣроисповѣдныхъ предложеніяхъ (1874);“ при общихъ бюджетныхъ дебатахъ въ годахъ 1875 и 1879; по дѣлу пере-

смотрѣ учебникѣвъ для народныхъ шкѣлъ въ Галичинѣ (1877); въ дѣлѣ основанія русской народной школы во Львовѣ (1877); — школа та дѣйствительно основана); о законопроектѣ противъ лихвы (1877) и при бюджетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣроисповѣданій (1878). Безъ сомнѣнія, занятія въ парламентѣ требовали много времени и труда, но Ив. Наумовичъ не переставалъ въ теченіе шести-лѣтняго своего послѣванія заниматься и народными сочиненіями, которыхъ стѣлько написалъ, що просто удивлялись належитъ, зѣ-ѣтки у него набралось стѣлько силы и времени! А примѣтити слѣдѣе, що Ив. Наумовичъ приготавлился до своихъ рѣчей якъ въ Соймѣ, такъ и въ парламентѣ. По той причинѣ рѣчи его выходили всегда плавными, глубоко обдуманними, содержательными, а такъ якъ у него былъ, хотя и слабый, но дуже пріятный голосъ, то они производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Замѣчательна еще и слѣдующая особенность, рѣдко встрѣчающаяся у образованныхъ людей: Ив. Наумовичъ умѣлъ говорить подвоино, — иначе, т. е. другими словами и другимъ складомъ для крестьянъ, а снова другими словами и другимъ складомъ для образованныхъ людей. Про то первое свойство, т. е. свойство популярной, простолюдной дикціи, объявившейся особенно въ статейкахъ Ив. Наумовича, въ якіи появлялись въ популярныхъ прилогахъ „Слова“ („Слово до громадѣ“), замѣтилъ справедливо тогдашній редакторъ „Слова“ Б. А. Дѣдицкій, що, якъ Тараса Шевченка уважати слѣдѣе великимъ, на-скрѣзь популярнымъ малорусскимъ поэтомъ, такъ зновъ Ивана Наумовича такимъ-же прозаикомъ, неподражаемымъ къ тому еще и для того, що каждое его рѣченіе на-скрѣзь дыше свойственною лишь малорусскому мужику наивностію и юморомъ.

Прибывши въ Вѣдѣнь, Ив. Наумовичъ не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ; въ короткомъ времени однако ѣтъ такъ выучился по нѣмецки, що его бесѣда вызывала даже у Нѣмцѣвъ удивленіе. Пребываніе И. Наумовичъ въ Вѣднѣ и знакомство его съ послами другихъ народѣвъ Австріи, именно же со словинскими, имѣло дуже важныи и благоприятныи послѣдствія для Галицкой Руси. Ив. Наумовичъ познакомился тамъ со словинскими послами и патріотами: Разлягомъ, Вошнякомъ, Набергемомъ и Витежичемъ, и ѣтъ нихъ довѣдался, що въ столицѣ словинского народа, Люблянѣ, существуете Общество св. Могорта, которое издае для народа полезные книжечки и числитъ около 30.000 членѣвъ. Ив. Наумовичъ началъ ближе роспытыватись про то Общество и, пѣзнавши его плодотворную дѣятельность, постановилъ такое же Общество основати и для русского народа въ Австріи.

Основанье того Общества Ив. Наумовичъ осуществилъ въ 1874 г. и назвалъ его въ честь славного и жертволюбивого русскаго патріота, Михаила Качковскаго, Обществомъ имени М. Качковскаго. Оно въ семь году обходитъ 25-лѣтній юбилей своего славного и многополезнаго существованія.

Въ часъ парламентарныхъ празднѣній, Ив. Наумовичъ, не покидаючи писати книжки для народа, вертался до своихъ обычныхъ занятій на селѣ. Хотя Скалатъ и мѣстечко, все

И. Наумовичъ въ 1882 г.

таки Ив. Наумовичъ заходилъ въ огороды и пасѣнки мѣщанъ, где щепилъ имъ деревину и указывалъ способы обходиться съ пчолами, ибо бнѣ былъ также добрый пасѣчникъ и съ любовью занимался пчеловодствомъ, а также писалъ о немъ по русски и по польски статьи.

Окруженный любовью и признательностью, яко борецъ за народное дѣло и просвѣтитель народа, Ив. Наумовичъ мирно

жилъ въ Скалатѣ, трудячися усердно для Руси. Онъ не пилъ никакихъ горячихъ напитковъ, ни водки, ни вина, ни пива; иногда, и то рѣдко, онъ выпивалъ сткляночку меда. Та воздержность, а также замѣчательное здоровье, дали ему возможность не только много трудиться, но также пробудили въ немъ тайную силу, которую называемъ „магнетизмомъ“ и которою онъ иногда исцѣлялъ больныхъ. Уже будучи въ Стрѣльчѣ, Ив. Наумовичъ лѣчилъ больныхъ гомеопатією, и то часто такъ счастливо, что къ нему ѣздили не только крестьяне, но и жидаы изъ подальшихъ селъ и окрестностей. При въѣздѣ Ив. Наумовича изъ Стрѣльча, плакали не только его прихожане, во и жидаы. Будучи въ Скалатѣ, онъ продолжалъ помогати больнымъ и бѣднымъ, такъ что на подвѣрѣхъ прихода стояли всегда возы, съ привезенными издалека больными. Ив. Наумовичъ принималъ всѣхъ, кто лишь затребовавъ его помощи, будь онъ богатый чи бѣдный, Русинъ чи Полякъ, христіанинъ чи жидъ, но не бралъ ничего за лѣкарскую раду и помощь. Для того-то лѣкари, которые много тратили черезъ то, что больныи не звертались до нихъ, не могли ему ничего сдѣлать, хотя и жаловались передъ властями на него, что онъ имъ отбирае заробокъ. Въ семъ отношеніи Ив. Наумовичъ производилъ майже чудеса. Кромѣ гомеопатіи, онъ лѣчилъ также обыкновенною водою, въ которую вкладалъ свои руки, а даже однимъ взоромъ и возложеніемъ рукъ на голову больного. Бывали неразъ такіи случаи, что онъ только посмотрѣлъ на человѣка, и сей чувствовалъ облегченіе и выздоравлиалъ. Люди приписывали тѣ явленія магнетичной силѣ, которую, будто-бы, Ив. Наумовичъ въ собѣ имѣлъ; онъ самъ-же приписывалъ ихъ глубокой вѣрѣ и сильному желанію, помочи страждущему ближнему. Но Ив. Наумовичу не была потрібна и магнетичная сила, чтобы притягати до себе людей. Онъ имѣлъ мягкое сердце, отзывчивое на всякую человѣческую нужду, и особенную способность зближатися съ людьми. Онъ не питалъ вражды и до своихъ политичныхъ и личныхъ противникѣвъ и скоро прощалъ обидѣвшимъ его. Добродушіе его и великая, майже дѣтская до вѣрчивость до людей, причинила ему немало непріятностей, ибо нашлись такіи люди, которые корыстали изъ надто доброго сердца Ив. Наумовича и обманывали его. До такихъ людей онъ имѣлъ жаль, но прощалъ имъ и таки самъ ихъ оправдывалъ.

Якъ уже видно изъ попереднѣго, Ив. Наумовичъ не мало вытерпѣлъ напастей со стороны польскихъ газетъ и польскихъ политикѣвъ за свои переконанья и за свое мужество, съ якимъ онъ выступалъ въ оборонѣ русского народа и его правъ. Но все то было ничѣмъ въ порѣвнанью съ тою бѣдою,

съ тѣмъ горемъ и несчастьемъ, якіи его постигли въ 1882 году. Въ началѣ того года надъ Галицкою Русью разразилась великая гроза, какой до того времени не бывало... Неожиданно для всѣхъ судебныхъ власти арестовали: Адольфа И. Добрянскаго, надворного совѣтника, славного угро-русского патріота, который, годъ тому назадъ, т. е. въ 1881 г., переселился во Львовъ изъ Чертежа въ Угорщинѣ; нашего Ивана Наумовича; Аполлона Ничая, нынѣшнѣго директора „Народной Торговли“; Ольгу Грабарь, дочь А. И. Добрянскаго; О. Николая Огоновскаго, катихита въ Чернівцяхъ, нынѣ приходника въ Джуровѣ; Исидора Трембицкаго, адвокатскаго помощника въ Коломыѣ; Венедикта М. Площанскаго, редактора „Слова“; О. А. Маркова, редактора „Пролома“; Владиміра Наумовича, сына Ивана; Ивана Шпундера, крестьянина изъ Гниличокъ подъ Збаражемъ, и Алексѣя Залускаго, мѣщанина изъ Збаража. Кромѣ нихъ были еще арестованы: старшій сынъ И. Наумовича, д-ръ Николай Наумовичъ, студентъ Львовскаго университета, нынѣ уже докторъ правъ, В. Г. Лагола, А. Н. Щербанъ, тогдашній редакторъ „Науки“, и кѣлька крестьянъ изъ Гниличокъ, но они были потѣмъ выпущены. Арестованія тѣ состоялись по подозрѣнію, що арестованныи лица хотѣли ѳторвати Галичину ѳтъ Австріи и присоединити къ Россіи, а поводъ къ такому подозрѣнію дало между иными то обстоятельство, що громада Гнилички заявила волю перейти въ православіе, до чого зновъ имѣлъ ю намовити И. Наумовичъ; другая причина была та, що въ то время пребывалъ въ Галичинѣ Мирославъ Добрянскій, сынъ Адольфа, состоявшій въ правительственной службѣ въ Россіи, который зносився съ арестованными; а наконецъ поводомъ арестованья было и то, що у арестованныхъ нашли письма, которые будто-бы доказывали ихъ преступныи замыслы. Тутъ не будемъ запускатись въ подробности сего первого въ Галичинѣ русскаго политичнаго процесса, ибо нынѣ еще не настала часъ для его обсуужденья (любопытныхъ ѳтсылаемъ до книжки: „Стенографическій отчетъ изъ судебной росправы по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей, обжалованныхъ въ преступленіи головной зрады изъ §. 58 бук. в. карн. закона. Львовъ, 1882. Изъ типографіи Ставропигійскаго Института“); скажемъ тѣлько, що Ив. Наумовичъ, арестованный 4 н. ст. февраля 1882, засѣлъ разомъ съ другими обвиненными на лавѣ подсудимыхъ. Памятный той процессъ передъ судомъ присяжныхъ начался 31 мая (12 іюня) и продолжался до 17(29) іюля 1882 г. Що касаеся И. Наумовича, то обвинительный актъ (напечатанный въ выше

помянутѣмъ „Стенографическѣмъ Отчетѣ“ битымъ письмомъ на 29 сторонахъ), межи прочимъ такъ его представилъ :

„Если Адольфъ рыцарь Добрянскій до послѣднѣго времени считался головою русскихъ панславистѣвъ въ сѣверной Угорщинѣ, то отецъ Иванъ Наумовичъ былъ тѣмъ, который то сямъ положеніе занималъ въ Галичинѣ и Буковинѣ. Отъ якихъ 8 лѣтъ, коли отецъ Наумовичъ сталъ приходникомъ въ Скалатѣ, близко російской границы, онъ старался якъ тамъ, такъ и въ окрестности првтягнути до себе сельскій народъ, а имеппо : онъ давалъ за помогивъ грошакъ и въ натурѣ, помагалъ лѣкарскими радами, закладывалъ читальни, посылалъ имъ, и также поодинокимъ людямъ, даромъ и книжки; мало того, онъ со своимъ сыномъ, д-ромъ Николаемъ Наумовичемъ, выѣздилъ цѣлыи мили, щобы фотографовати крестьянъ, отличающихся интеллигенціею и патріотизмомъ, всѣдствие чого вконцѣ крестьяне численно сходились въ Скалатъ къ отцу Наумовичу. Но не усердіе и любовь ближнѣго были сего причиною; онъ дѣлалъ то въ сей цѣли, щобы на каждѣмъ кроку впоити селянамъ свои политичныи переконанья, щобы роздувати національную ненависть противъ Поляковъ и жидѣвъ и постояннымъ указываньемъ на російскіи отношенія возбуждати середь сельского населенія въ окрестности симпатіи къ Россіи и роспространяти отвращеніе къ тутешнимъ политичнымъ учрежденіямъ и къ церковной униі.“

Такъ горорилъ обвинительный актъ и такъ прокураторъ пояснялъ дѣятельность Ив. Наумовича; но онъ самъ въ своей оборонѣ иначе представилъ свои воззрѣнія на унию и на національность. Оборона Ив. Наумовича, подобно якъ и его всѣ статьи, дыше правдою и искренностью, а кромѣ того содержитъ цѣнныи данныи для характеристики его образа мыслей, національныхъ и политичныхъ воззрѣній и убѣжденій, и звучитъ, якъ исповѣдь передъ Богомъ....

Такъ въ засѣданіи 12 (24) іюня, на обвиненіе въ панславизмъ, Ив. Наумовичъ сказалъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, що я Славянинъ, и то Славянинъ *par excellence* (горячій), ибо не тѣлько языкъ у мене славянскій, но кромѣ сего также церковный обрядъ, а даже обычаи у насъ, на Руси, наибѣльше сохранились еще изъ глубокой славянской, бывшой поганской древности. Яко Славянинъ, не могу не быти славянофиломъ, не могу не любити тѣхъ народѣвъ, которые изъ того самого, що и русскій народъ, общого происходятъ кореня и остаются съ нимъ въ племенной связи близшого или дальшого родства. Що до моей особы, то позволю собѣ розсказати, середъ якихъ обстоятельствъ выробилось у мене сильное чувство славянофильства. Въ 1849 г., будучи еще на студіяхъ, я тру-

дился при ред. „Зори Галицкой,“ первой нашей русской газеты. Въ редакцію приходили газеты изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ краёвъ; присылали также отовсюда славянскіи сочиненія, которыя я читалъ. Межи прочимъ я имѣлъ случайность читати *Starožitnosti slovanske* (Славянская старина) и *Slovanski narodopis* (Славянская этнографія). Я читалъ ихъ съ великимъ занятіемъ и проникнулся ихъ духомъ. Изъ книжки *Starožitnosti slovanske* я узналъ, що Славяне мають старую культуру, найдавніѣйшую народную литературу изъ тѣхъ вѣковъ, коли иньи, нынѣ первостепенныи европейскіи народы, ничего въ семъ отношеніи выказати не могутъ. *Slovanski narodopis* знакомилъ мене съ числомъ племенъ славянскихъ и ихъ языками. А понеже я былъ поэтичнаго настроенія, то зъ пѣсней Коллара и до сего дня памятаю кѣлька строкъ, которыи врѣзались менѣ въ память и составляютъ якъ бы програму славянофильства. Такъ о Славянствѣ пише Колларъ (даемъ переводъ изъ словацкого, ибо И. Наумовичъ, сказавши тексты въ оригиналѣ, перевелъ его): „Все маемъ, мои милыи, дорогіи; золото, серебро, умѣлыи руки; языкъ и силы маемъ веселыи; единства тѣлько и просвѣщенія у насъ не ма! Дайте намъ ихъ съ духомъ всеславянства, а увидите народъ, якого не было еще въ прошлѣмъ; середъ Грека и Британца наше имя заблеститъ на звѣзднѣмъ сводѣ небесъ.“ Понеже я былъ поэтичнаго успособленія, якъ я уже сказалъ, то тѣ и подобныи пѣсни великаго пѣвца, автора „Дочери Славы,“ проговорили до глубины моей души. Я жилъ въ тѣмъ и мысль о такѣмъ всеславянскѣмъ единствѣ была и есть у мене путеводною мыслию. Предвесѣмъ я хотѣлъ познакомиться съ моимъ народомъ, пустился нѣшкомъ по нашему краю, переѣхалъ или перейшолъ цѣлый край и часть Угорской Руси, вникалъ въ глубину души нашего народа, познавалъ его хорошіи стороны и положилъ собѣ за задачу моего житья служить тому народу тѣмъ духомъ всеславянства, т. е. просвѣщеніемъ народа. То была цѣль моего житья, есть нею до нынѣшняго дня и останется нею до смерти! Я постановилъ собѣ той народъ просвѣщати, щобы бѣтъ, пбзнавши самъ себе и свое достоинство, заговорилъ самъ за себе въ ряду другихъ народѣвъ Австріи, щобы съ нимъ числились, щобы ему признали слѣдующи ему права. Вѣдь извѣстно, що въ нашей Австріи до недавного времени славянскіи народности были совершенно упослѣжены и считалися тѣлько матеріяломъ до вынародовленія для двохъ другихъ панующихъ расъ, нѣмецкой и мадярской, а изъ всѣхъ наибѣльше была упослѣжена наша русская народность, которой ѣтказовали даже въ правѣ народнаго существованія. Такъ было давнѣйше; ажъ по французскихъ войнахъ овѣялъ живыи духъ и полумертвыи сла-

вянскіи народы. Зъ того часу начали появлятись первыи пророки Славянства, а изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ народѣвъ были Чехи, которыи проникнулись тѣмъ духомъ и взяли въ свои руки предводительство въ дѣлахъ Славянъ. Такъ выступила на національное поприще въ Австріи между двѣ панующіи расы и третья славянская, численно перевышающая обѣ попередніи, выступила съ правомъ народного быта, готова къ борьбѣ за то свое нестарѣемое и незаперечаемое право... Призначеніемъ Австріи, мѣстящей въ собѣ тѣи три головныи расы, было, устроитись такъ, чтобы каждая раса и каждая народность могла считати Австрію яко великую Швейцарію, въ которой всѣ три народности живутъ съ собою и возлѣ себе въ милѣмъ сосѣдствѣ, признаючи взаимно свои права и не боячися нѣякихъ центробѣжныхъ стремленій, маючи въ державѣ всякіи ручательства народного быта. Такъ безъ послѣдствій прогломѣли зазывы соединяющихся Итальянцѣвъ къ Итальянцамъ Тесинского кантона, которыи отвѣтили: „Мы и въ Швейцаріи Итальянцы и вполне счастливы!“ Къ тому самому стремились и наши австрійскіи Славяне. Коли въ 1848 г. закипѣло въ Европѣ свѣжее народное житье, тогды собралось въ Празѣ общество, такъ называемая „Славянская Липа.“ Съ пріятностію вспѣмну, що тамъ были и представители польского народа, который нынѣ, на жаль, открещиваеся ѿ всякого согласія со Славянами. Былъ тамъ бл. п. кн. Левъ Сапѣга, кн. Юрій Любомірскій, адвокат Малишъ, — зъ нашей же стороны были: Иванъ Борискевичъ, Василій Ковальскій и свящ. Алексѣй Заклинскій. Тамъ была пѣднята мысль федераціи (союза) австрійско-славянскихъ народѣвъ, а не всѣхъ Славянъ. Та мысль была единственно спасительна для Австріи, ибо могла образовати силу, о которую разбились бы желанія тѣхъ панславистѣвъ, которыи мечтають о соединеніи всѣхъ Славянъ. На жаль, та мысль была тѣлько пѣднята, а даже не сформулована, бо въ то шаленое время пришло къ бомбардаціи Праги и „Липу“ разбѣгнали. — Потѣмъ, коли успокоились волны той страшной бури и вернулось спокойствіе, мысль о федераціи Славянъ уже не была пѣднята. Не была пѣднята для того, що одно изъ славянскихъ племенъ, племя польское, а властиво вліятельная партія того племени, не видѣла для себе спасенія въ славянской федераціи и въ Славянствѣ вообще, а ишла и иде ѿдѣльною дорогою, за своими исторично-державными традиціями. На жаль, она и теперь не тѣлько оказуе полный недостатокъ сочувствія для Славянъ, но вяжееся съ врагами Славянъ и выражае то въ печати. Такъ читаемъ въ извѣстной брошурѣ съ 1880 г. „La Pologne et les Habsbourg“ (Польша и Габсбурги) такіи слова: „Польша николи не счи-

тала себе славянскою державою," а дальше: „Що-жь могла бы она, Польша, мати вespільного со Славянами и съ тѣмъ наро́домъ слугъ и невольникѡвъ?“ Въ такѡмъ самѡмъ дуcѣ ѡтзываются польскіи голоса въ законодательныхъ собраніяхъ во Львовѣ и Вѣднѣ, въ такѡмъ дуcѣ пише безпрестанно польская публицистика. И въ тѡмъ была головная перешкода, що идея славянскои федераціи въ Австріи здѣлалась неисполнимою; въ тѡмъ лежить причина, що нынѣ, въ виду русскаго панславизма, мнимо такъ страшнаго для Австріи, та самая Австрія не може поставити Австрійскаго панславизма. А польская политика наполняе каждого истиннаго Славянина великою печалью. Тѡлько съ болью сердца можно читати такіи суды о Славянахъ, що они — народъ слугъ и невольникѡвъ, суды, котормы вошли въ поговорку у угнетателей Славянъ. Ибо славянскіи народы славятся своею древнею культурою, наша литература достигае девятого вѣка и была уже тогда знаменита, коли другіи народы не чувствовали даже потребности народныхъ литературъ. Упомяну тѡлько о св. Кириллѣ и Меѡдіи, о переводѣ Библии на славянскій языкъ, о высокой степени развитія и совершенства того церковно-славянскаго языка, совсѣмъ не уступающаго класичному старо-греческому. Тѡлько грубая неспѣдомость сего всего можетъ насмѣхаться надъ Славянами, якъ бы надъ полудикими народами. Но противъ сего лѣкарства не ма, ибо такий антиславянскій духъ былъ привитый Поляками за Польщи, онъ пѡддерживаеся и въ Австріи. Совсѣмъ другій духъ вѣе въ нашей Руси и у другихъ австрійскихъ Славянъ. Мы ледви начали сознавати свою народность, до того часа усыпленную, а уже первую задачею, якъ Чехѡвъ, Словакѡвъ, Хорватѡвъ, Словѣнцѡвъ, такъ и нашою было — вести массу народа къ просвѣщенію; то доказуютъ наши „Матицы.“ Каждый, кто хоче, може собѣ пригадати, що мы, Русины, ни о що такъ не старались, якъ о школы, якъ мы боролись и боремся за народный языкъ въ школахъ. Въ тѡмъ лежала наша наибѡльшая задача, наша головная политика, ибо точно то духъ истинно славянскій: въ каждѡмъ и найнижѣмъ видѣти брата и пѡдносити его просвѣщеніемъ...

„Г-нъ прокураторъ — продолжалъ свою рѣчь Ив. Наумовичъ — обвиняе насъ въ руссійскѡмъ панславизмѣ. Позволю собѣ и о нѣмъ упомянути кѡлькома словами. Панславизмъ, якъ я уже выше отмѣтилъ, — австрійское дѣтище, ибо въ Австріи возникли первыи и найзнаменитѣйшіи его пророки. И то совсѣмъ природно, ибо Австрія есть держава, въ которой живе даже 6 славянскихъ племенъ всѣхъ ѡтѣнковъ: восточныи и западныи, сѣверныи и южныи, розличной вѣры: католической, православной и протестантской. Коли у насъ,

въ Австрію, уже дѣйствительно цѣлыя народы, н. пр. чешскій, были проникнуты всеславянскою идеею и такіе Коллары спѣвали ей пѣсни: въ Россіи панславизмъ былъ еще запрещеннымъ товаромъ. Извѣстно, що, коли въ 1846 г. Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, знаменитыя Малороссы, заложили въ Кіевѣ совсѣмъ невинное Общество: „Братство св. Кирилла и Методія,“ российское правительство розвязало его яко опасное для Россіи, а то для того, що его направленіе было занадто демократичное. Нынѣ мы боимся уже русскихъ панславистичныхъ Обществъ, а то для того, ибо мы не постарались имѣти противъ нихъ оружіе, а оружіемъ тѣмъ нищо иное, якъ братство австрійско-славянскихъ народѣвъ; но мы видимъ, що, вмѣсто братства, у насъ съ чѣмъ-разъ бѣльшимъ напряженіемъ силъ поступае истребленіе поодинокихъ слабшихъ славянскихъ народностей; — звертаю увагу тѣлько на нашу несчастную Русь, которой прямо въ очи, изъ соймовой трибуны, одинъ выдающійся посолъ, вернувшись изъ Вѣдны съ приказомъ, ввести польскій урядовый языкъ, побѣдоносно объявилъ: „Край ополяченъ!“ Другій посолъ въ прошломъ году сказалъ на предвыборѣмъ собраніи въ Краковѣ, що „русского вопроса въ краю уже не ма!“ То значить, що „съ помощію вравительства мы уже зничили Русь, уже еи не ма.“ Менѣ здаеся, що такіе приговоры нищо иное, якъ зрада стану въ виду Австріи, ибо, при такого рода истребительной политицѣ, треба справедливо боятись російского панславизма, щобы онъ, если существуете, изъ теоріи не перейшолъ въ практику. Но чи возможно убить нашу русскую народность, которой исторія культуры достигае тысячи лѣтъ и которая есть отломкомъ великаго народного организма? Менѣ здаеся, що, вмѣсто нищити, належало бы той народности подати братнюю, помощную руку и такъ якъ Русь николи не заперечала правъ польской народности, где они ей справедливо належатся, такъ польскіи Славяне обязаны поступати въ виду Руси, съ безусловною справедливостію, и признати все, що ей слѣдуе и що конечно и несомнѣнно они будутъ принуждены признати, ибо народъ, переживши яко такой 1000 лѣтъ, и снова послѣ долгого сна пробудившійся, въ нынѣшнее время не дастся совсѣмъ потоптати и не задоволится такими законами, которые существуютъ лишь на паперѣ, а въ дѣйствительной жизни не мають ніякого значенія.

„Яко Русину менѣ не може выйти изъ памяти благородная особа поляка-славянина, кн. Юрія Любомірскаго, который, въ первой соймовой каденціи въ 1861 г., внѣсь предложеніе о рѣвноправности русского языка въ школахъ, урядѣ и судѣ. То предложеніе приняло соймовое бѣльшинство мол-

чаніємъ и кинуло его въ кôшть. Слѣдующіи соймовыи сесіи были поприщемъ борьбы противъ всѣхъ народныхъ правъ Руси, а въ послѣдніи лѣта уже не было съ кѣмъ боротись и борьба не была потрібна, ибо Русь, взятая въ сильныи оуки правительства, переконалась, що дальшая борьба есть тôлько безъ надѣи на якіи-нибудь корысти. Правда, що былъ слабый лучъ надѣи при Лавровскôмъ, коли ôнъ, яко вицемаршалъ Сойма, вернулся изъ Вѣдня съ извѣстнымъ пляномъ згоды Польщи съ Русью въ Соймѣ. Тогды ôнъ пригласилъ мене до себе и ôткрылъ менѣ свое намѣренье выступити съ тѣмъ проектомъ въ Соймѣ. То было при министрѣ Бейстѣ, здаеся, въ 1869 г. Я похвалилъ его намѣреніе, похвалили и другіи наши послы, были составлены совѣмъ скромныи, справедливыи точки. Мы не требовали ничего, що переходило бы наши силы, впрочѣмъ то былъ проектъ, надъ которымъ можно было подумати. За тѣмъ проектомъ згоды говорилъ Лавровский, говорилъ коротко и я, коли наступило второе читанье и была выбрана комисія, въ которой и я удостоился чести засѣдати. Но судьба той комисіи извѣстна: уже послѣ первого или второго засѣданья, все пôшло въ забвеніе, а коли мы пытали о причину того забвенія, намъ сказали: „У насъ сила, намъ згоды не треба, коли все маемъ въ рукахъ.“ Значить — сила передъ правомъ!

„Щô-жъ намъ осталось дѣлати? Мы утратили всякую надѣю на какое-нибудь соглашеніе, а не могуци ôтречись ôтъ своихъ народныхъ святостей, намъ не оставалось ничего, якъ стати въ опозицію всѣми силами и всѣми силами просвѣщати народъ, щобы тотъ, прійшовши до самосознанія, розвилъ въ собѣ силу и самъ затребовавъ своихъ правъ.

„Менѣ здаеся, що то было совѣмъ природно и що въ тôмъ не можно видѣти ненависти къ Полякамъ. Щô-жъ виненъ польскій народъ, що партія, которая теперь стоитъ въ его главѣ и дѣйствуетъ его именемъ, дѣйствуетъ противъ хорошо понятого интереса своего собственного народа? Чи продолженіе вѣковой борьбы съ Русью спасе Нольцу? Я сомнѣваюсь, Польшу могли бы спасти справедливость, любовь, братство, а сказавши словами Коллара: *duch vseslavosti* (духъ всеславянства). Тѣмъ духомъ *vseslavosti* проникнуты мы, Русь! То ложъ, будто-бы мы были полякофды. Менѣ все, що славянское, дорогое! Мôй Шевченко, мôй Пушкинъ, мôй Мицкевичъ, мôй Корженевскій, мôй Колларъ, мôй Вукъ Стефановичъ Караджигъ, — они всѣ мои, лбо славянскіи. И тутъ не ма ніякого страха обняти тою любовью и заграничныхъ Славянъ, Великорусовъ, Болгаръ и т. п. Для мене, яко русского человека, найближе все русское, ибо цѣлый русскій народъ я долженъ считати за мôй собственный; но то не мѣшае менѣ

быти добрымъ австрійскимъ гражданиномъ. Если же насъ обвиняють, а именно мене, въ полякофдствѣ, въ ненависти, то все то ѳтносится только къ оппозиціи противъ антиславянско-польской партіи, чтобы тою оппозиціею дойти до соглашенія, до згоды; вѣдь то окончательная цѣль каждой оппозиціи: дойти до правды! Я вступилъ въ оппозицію и противъ Рима не яко непріятель уніи, но точно яко еи пріятель, чтобы высказати ѳткрыто кривды, заподѣянные нашему обряду, чтобы поѳднести голосъ противъ іезуитѳвъ, яко ворогѳвъ не лишь Руси, но и Польши, ибо никто, только они причина поведенья послѣдней. Чи то пріятна та вѣчная борьба, тѣ вѣчныя клеветы и доносы, тѣ вѣчныя поѳдходы одной народности противъ другой? И що-жь помогутъ тѣ фразы о вѳльности, рѳвности, которыи произносятъ уста, а которыхъ нема ни въ сердцѣ, ни въ дѣлахъ?

„Що-жь зъ того конца уніи на Замковой горѣ, если не ма уніи въ Соймѣ и поѳдъ его зданіемъ, где забыли о рускомъ письмѣ? Прежде слѣдовало бы зѣллати честную унію въ Соймѣ и въ краю, уважати нашу народность яко братнюю, а потѳмъ завершити дѣло высыпаньемъ конца (въ 1869 г. галицкіи Поляки высыпали на Замковой горѣ во Львовѣ курганъ въ память Люблинской уніи, 1569 г.; — прим. авт.), подаючи собѣ, яко Славяне, братнюю руку. Тогда была бы на тѳмъ копцѣ истинная унія, если бы его не сыпаль одинъ Смолька, но разомъ съ Качалою (свят. Стефанъ Качала, выдающійся посолъ Сойма, авторъ книжки *Polityka Polaków względem Rusi*; прим. авт.), Качала прежде, потѳмъ Смолька (Францъ Смолька, первый президентъ австрійскаго парламента; прим. авт.), а не одинъ Смолька!

„Що-жь намъ зъ того, що иногда на пирахъ чуемъ извѣстное: *Kochaćm, się?* Мы чуемъ то зъ одного кѳнца стола, а коли зъ другого ѳтзвѣтается: „Любѣмся!“ то уже замѣчаемъ кислыи мины. Чи то по славянски? — А если бы братья-Поляки проникнулись такимъ духомъ славянскимъ, братскимъ, а Русь и Польша въ Галичинѣ ишли рука объ руку, если бы наступило зближеніе съ всѣми Славянами, чи не образовалась бы значительная сила славянская въ Австріи и чи потребовала бы Австрія дрожати на гадку о россійскомъ панславизмѣ, если бы каждый Славянинъ чувствовался въ Австріи счастливымъ? Сегодня закидае намъ обвинительный актъ яко преступленіе переписку съ выдающимися личностями въ Россіи; а вѣдь никто не сомнѣвался въ искреннѣмъ патріотизмѣ Шафарика, хотя ѳнъ переписывался со всѣми учеными въ Россіи, и съ самымъ страшнымъ Погодинымъ! Для чо-же намъ не вѳльно переписыватися съ русскими литератами? Чи то не вѳльно Полякамъ кореспондовати съ Варшавою, а ав-

стрійскимъ Нѣмцямъ съ прусскими? Такая тревога, такая руссофобія (руссоедство) совсѣмъ не приноситъ чести Австріи, ибо доказуе неудовольствіе одного или другого народа. Въ тѣхъ и лежитъ головной недостатокъ Австріи, що еи конституція не знае народѣвъ, но коронныи краи, а въ тѣхъ коронныхъ краяхъ пануе тотъ, кто сильнѣйшій, слабшій же бореся безъ надѣи, якъ мы Русины, якъ Словаки въ Угорщинѣ. Между тѣмъ коронныи краи — отвлеченное понятіе (абстракція), а народы дѣйствительность, и тѣлько тогда Австрія зможе розвинути силу и не боятись російского панславизма, если буде могла сказати, що не краи коронныи, но все народы въ ней счастливы!¹⁾

Процессъ, въ которѣмъ засѣдалъ Ив. Наумовичъ на лавѣ обвиненныхъ, кѣнчился 17 (29) іюля 1882. Присяжные судьи, въ числѣ которыхъ было 8 Полякѣвъ и 4 жида, не подтвердили вопроса, относящагося до зрады стану, именно, що обвиненныи старалися „оторвати Галичину и Буковину и сѣверную Угорщину ѳтъ одной цѣльной связи державы и области краѣвъ австрійской державы и вызвати опасность для державы изъ внѣ, бунта или домашней войны внутри,“ ни до одного изъ обвиненныхъ. Но они признали виновными: Ивана Наумовича (10 голосами), В. М. Площанского (9 голосами), крестьянъ Ивана Шпундера (10 голосами) и Алексѣя Залуского (11 голосами) въ тѣмъ, що они „принимали участіе въ такихъ связяхъ, которые имѣли задачу возбудити ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной связи австрійской державы, противъ формы правленія и державной администраціи.“ На основаніи сего признанія судей присяжныхъ, председатель трибунала, сов. Будзыновскій произнесъ слѣдующій приговоръ:

„Священникъ Иванъ Наумовичъ виновенъ, що, во второй половинѣ 1881 г. до кѣнца января 1882 г., ѳтчасти въ Скалатѣ, ѳтчасти во Львовѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Галичины и Буковины, принималъ участіе въ такихъ связяхъ, которые имѣли задачу возбудити ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной связи австрійской державы, противъ формы правленія и противъ державной администраціи, чѣмъ допущенъ преступленія нарушенія публичнаго спокойствія зъ §. 65 буква „с“ карн. зак., вслѣдствіе чого засуждается его, въ мыслѣ §. 65 карн. зак., съ примѣненіемъ §§. 54 и 55 карн. закона, на 8 мѣсяцѣвъ обыкновенной тюрьмы, обостренной одноразовымъ постомъ що двѣ недѣли.“¹⁾

Защитникъ засужденныхъ, д-ръ В. Дулемба, заявилъ въ ихъ имени жалобу неважности и внѣсь предложеніе, чтобы

¹⁾ В. М. Площанскій былъ засужденъ на 5 мѣсяцѣвъ, Иванъ Шпундеръ и Алексѣй Залускій на 3 мѣсяца тюрьмы каждый.

трибуналь, до рѣшенія той жалобы найвысшимъ трибуналомъ въ Відни, выпустилъ ихъ на волю. Слѣдующаго дня, 18(30) іюля, совѣтъ карнаго суда рѣшилъ выпустити засужденныхъ на волю, а именно: И. Наумовича за зложенъмъ залога въ сумѣ 6000 зр., В. М. Площанского 5000 зр., а Шпундера и Залуского по 500 зр. за каждого. Такъ якъ однако прокураторъ, Гиртлеръ фонъ Клеборнъ, сопротивился тому рѣшенію, то дѣло перейшло въ апеляційный судъ, который 1 н. ст. августа рѣшилъ его, согласно съ рѣшенъмъ совѣта карнаго суда. Но засужденныи вышли на волю только 6 августа 1882. Залогъ за нихъ зложили Львовскіи Русины.

Выйшовши временно изъ тюрьмы, въ которой просидѣлъ въ слѣдствіѣ отъ 4 февраля до 6 августа (ббльше шести мѣсяцѣвъ), измученный тѣлесно и душевно, Ив. Наумовичъ не малъ где головы приклонити. Приходъ въ Скалатъ отобрали духовныи власти, а вскорѣ потѣмъ послѣдовало и отлученъе его отъ уніатской церкви, а то за его участіе въ Гнилицкомъ дѣлѣ и выраженія на судѣ, которыи католическіи духовныи власти признали еретическими. А слѣдуе знати, що въ то время, якъ Ив. Наумовичъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, произойшли важныи перемѣны въ управленіи уніатскою церковью въ Галичинѣ. Благочестивый и высокочестный Митрополитъ, Іосифъ Сембратовичъ, принужденъ былъ уступить, а къ тому причинилось отчасти и то обстоятельство, що днѣ, дѣлаючи каноничный осмотръ въ окрестностяхъ Скалата, посѣтилъ жену Ив. Наумовича въ то время, коли послѣдній находился въ тюрьмѣ. Администраторомъ архіепархіи былъ назначенъ Епископъ Сильвестръ Сембратовичъ и отъ святоюрской горы повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ, ибо въ томъ-же 1882 году іезуиты забрали Василіанскій монастырь въ Добромилѣ. Скорше, чѣмъ можно было ожидать, збылись предсказанія Ив. Наумовича, высказанныи нимъ на судѣ 6 н. ст. іюля. Онъ еказалъ тогды: „Нынѣ они (т. е. іезуиты) идуть въ Добромилъ, потѣмъ заберуть Гошевъ, Бучачъ, Креховъ, підчиняють підъ свою власть нашъ почтенный орденъ Василіанъ и такъ, якъ теперь въ Добромилѣ, задержатъ только двоухъ монаховъ для обученія своихъ воспитанниковъ, кандидатѣвъ на епископства, въ обрядахъ: такъ незадолго войдутъ въ семинаріи, опанують св. Юръ, заберуть доходы митрополіи, а Митрополиту вызначатъ вознагражденіе за то, чтобы рукополагалъ имъ ихъ воспитанниковъ на русскіи приходы.“

Попродавши все господарство и лишившись возможности отдыхати отъ умственныхъ трудѣвъ и освѣжати свои мысли въ садѣ и въ пасѣцѣ, Ив. Наумовичъ поселился во Львовѣ, где ожидалъ рѣшенія жалобы, внесенной нимъ въ найвысшій трибуналь. Не по душѣ приплась И. Наумовичу городская

жизнь, особенно середъ такихъ обстоятельствъ, якіи вытворились вслѣдствіе его засужденія и отлученія отъ церкви. Страхъ передъ подозрѣваніями и послѣдствіями отъ нихъ держалъ вдали отъ И. Наумовича многихъ его знакомыхъ и почитателей, хотя они были съ нимъ одной мысли и глубоко ему сочувствовали. Тѣлько невеликій кружокъ русскихъ журналистовъ и студентовъ зноился постоянно съ отлученнымъ, и своею любовью и уваженіемъ старался облегчить ему его тяжкую участь. Члены того кружка сопровождали неотступно И. Наумовича во время его загородныхъ прогулокъ, которые днѣ, особенно въ лѣтніи мѣсяцы, предпринималъ часто, а то для того, чтобы, въ случаю potrzeby, стати въ его оборонѣ. Дѣло въ томъ, що ненависть противниковъ Ив. Наумовича, не личныхъ, но политическихъ, была такъ велика, що можно было бояться нападенія на него съ ихъ стороны, или со стороны подосланныхъ ними злоумышленниковъ. Большую часть времени однако Ив. Наумовичъ посвящалъ составленію статей для „Науки“, „Нового Вѣща“, „Новостей“, „Нового Пролома“ и „Слова“, а также составлялъ книжечки для Общества им. М. Качковского, о которыхъ упомянемъ ниже.

Въ 1884 г. Ив. Наумовичъ отбылъ свою 8-мѣсячную кару, ибо его жалобу отклонилъ найвысшій трибуналъ. Находячись въ тюрьмѣ, днѣ, за позволеніемъ властей, продолжалъ писати, а кромѣ того занялся, со свойственною ему ревностію, обученіемъ узниковъ пчеловодству. Тюремное начальство купило нарочно для того улей съ пчолами и И. Наумовичъ въ тюремномъ саду, при улицѣ Баторія, що-дня обучалъ узниковъ, якъ обходиться съ пчолами, и въ одномъ лѣтѣ успѣлъ изъ одного улея развести два новыхъ. Уже по отбытію кары Ив. Наумовичъ кѣлька разы заходилъ, якъ днѣ говорилъ, „въ свою пасѣку“ и доглядалъ тамъ пчолѣ.

Ив. Наумовичъ оставилъ тюрьму 14 (26) августа, 1884 г. въ навечеріе праздника Успенія Пресв. Богородицы. У воротъ тюремныхъ встрѣтили его не только члены его семьи, но многіи русскіи Львовяне и прибывшіи нарочно для того во Львовъ селяне. Кромѣ сего днѣ получилъ множество привѣтствій не только изъ Галичины и славянскихъ земель въ Австріи, но также изъ заграницы. Въ кѣлька дней пѣзднѣйше, а именно 18 (30) августа, Львовскіи Русины устроили въ его честь пиръ, на который прибыли также численныи представители провинціи. По выходѣ изъ тюрьмы, Ив. Наумовичъ напечаталъ въ „Словѣ“ (н-ръ 92, 1884) статью п. з. „Привѣтъ изъ темницы“, въ которой межи прочимъ написалъ:

„Оставивши темницу, въ которой я, носячи безъ роптанія мой крестъ, просидѣлъ выше четырнадцати мѣсяцевъ, считаю первымъ и святѣйшимъ моимъ долгомъ поблагодарити

ътъ всей души всѣхъ, которыя, въ виду постигшого нечаянно мене и мое семейство ужасного горя, не усомнились дати доказательства христіанскаго состраданія... Въ чорный день скорби и недостатка испыталъ я стѣлько дружбы ътъ численнѣхъ друзей, близкихъ и дальшихъ Славянъ, а даже Нѣмцевъ, — мене обсыпала доказательствами искреннаго сочувствія вся австрійская Русь, занадто преувеличаючи скромныя мои заслуги; великій русекій міръ пропиталъ (прокормилъ) великодушными своими жертвами узника, потерявшаго пріобрѣтенное гѣрскимъ трудомъ имущество и лишеннаго званія приходскаго священника, значить — насущнаго хлѣба. — И въ радостный день освобожденія моего изъ темницы случилось мнѣ встрѣтиться съ такими-же заявленіями сочувствія. Изъ всѣхъ сторонъ приспѣли поздравительныя письма и телеграммы, друзья и знакомыя поздравили мене и мое семейство съ радостнымъ днемъ, хотя въ виду настоящихъ обстоятельствъ, и такія заявленія требуютъ не малой ѡтваги. Чѣмъ-же сплатити долгъ благодарности мнѣ, ѡбѣдному, въ виду столькихъ благодѣяній, которыми обязана немощная плоть моя тѣмъ, що она еще здорова, живущій въ плоти духъ тѣмъ, що ѡнъ не потерялъ своею бодрости и що ѡнъ, не смотря на преклонныя уже лѣта, готовъ еще къ продолженію труда, къ которому привыкъ ѡтъ молодыхъ лѣтъ и который якъ бы зрѣлся съ его существомъ? — Слѡвъ къ выраженію чувствъ благодарности, которыми я проникнуть, не нахожу: ихъ, кажется, нѣтъ въ ніякомъ словарѣ, а если бы и были, не могли бы они удовлетворити друзей и благодѣтелей, которыя, якъ предполагаю, предпочитаютъ громкимъ словамъ краснорѣчивыя дѣла, сочувственно ѡносятся и ко мнѣ, именно по тому, що я, не блистаючи ѡблѣнными дарованіями духа, служилъ прілѣжно нашему народному дѣлу, хотя такъ слабыми моими силами. Такъ предстоить мнѣ доказать мою благодарность тѣлько дѣлами, тѣлько опять неутомимымъ трудомъ, тѣмъ ѡблѣше, що и самъ Господь, внушившій благороднымъ сердцамъ моихъ земляковъ и друзей сочувствіе ко мнѣ, не довольствуясь словами, требуетъ непремѣнно обнаруженія (показанья) христіанской любви дѣлами. Сознаюсь въ слабости моихъ силъ, но Господь, не оставляющій уповающихъ на Него, не оставитъ и мене; Господь, подающій крѣпость людямъ своимъ, укрѣпитъ и мои силы, а воли у мене было, есть и будетъ изобильно... Усердно занимался я до сихъ поръ просвѣщеніемъ нашего русскаго народа, алчущаго и жаждущаго духовной пищи, свѣтла и правды. Я постановилъ собѣ до послѣднѣго дыханія, или по крайней мѣрѣ такъ долго продолжать то любимое мое занятіе, поки позволятъ на то физическія силы, или поки мое мѣсто не будетъ замѣщено

крѣпшими и отличными молодыми силами, такъ що трудъ мой будетъ излишнимъ; поки-же народъ въ немъ еще будетъ нуждаться, не полѣнюся его просвѣщати, чтобы поднести его матеріально, интеллектуально и нравственно, не отступаючи отъ направленія, котораго и въ качествѣ (характеръ) народного писателя я держался и держатись буду, въ томъ убѣжденіи, що оно вполне соотвѣтно духу и обстоятельствамъ просвѣщаемыхъ. Нашъ сирота-народъ нуждается въ просвѣщеніи преимущественно для того, чтобы дойти къ самопознанію, которое розвѣвуетъ въ немъ способности къ приобрѣтенію правъ, принадлежащихъ ему по божественнымъ не меньше, чѣмъ по человѣческимъ законамъ, т. е. рѣвноправности, безъ которой бнѣ, подлежащи вліяннію неспріяющихъ ему обстоятельствъ, не въ состояніи улучшить свое матеріальное благосостояніе и не въ состояніи заняти почетное мѣсто середъ прочихъ народѣвъ Австріи. Но на томъ вѣрномъ пути всякое подражаніе Западу, въ его болѣе-менѣе скрытыхъ соціалистично-республиканскихъ затѣяхъ и въ его явно оказуемѣ безвѣріи, служило бы непреодолимымъ препятствіемъ. Если мы искренно желаемъ достигнути цѣли по назначенному пути, мы должны не колебати, но сохранять душевный миръ нашего народа, преимущественно же вѣру въ необходимость благословенія Отца свѣтовъ, отъ котораго исходитъ „всякъ даръ совершенъ.“ Якъ до сихъ поръ служили правиломъ моей дѣятельности, такъ и служить будутъ въ будущемъ слова Спасителя: „Воздадите убо кесареви, яже кесарева, а Богови, яже Божія суть.“ Церковь, требующая повиновенія всякой власти, „ибо нѣсть власть, только отъ Бога,“ спасла нашъ народъ въ продолженіе вѣкового гнета отъ поглощенія иноплемениками; единственно она призвана и способна спасти его въ будущемъ, если не оскудѣ пламенная вѣра, которою, къ счастью своему, всегда отличался нашъ народъ, не считающій того русскимъ, кто не состоитъ рвеннымъ членомъ русско-народной церкви.“

Въ сентябрѣ 1884 г. отправился Ив. Наумовичъ въ Россію, о которой зналъ и писалъ, но которой до того часу еще не видѣлъ. Онъ поѣхалъ разомъ съ тогдашнимъ редакторомъ „Слова,“ В. М. Площанскимъ. Оба путешественники посѣтили Кіевъ, Москву, Петербургъ, Вильну, Варшаву и Холмъ (последній городъ посѣтилъ одинъ Ив. Наумовичъ, ибо В. М. Площанскій поѣхалъ въ Одессу). Политичный процессъ во Львовѣ надѣлалъ много шума въ цѣлѣмъ свѣтѣ, но и безъ того имени Ив. Наумовича и В. М. Площанского были и раньше извѣстны русскимъ людямъ въ Россіи. Для того ихъ принимали всюда сердечно и съ поче-

ніємъ, устраивали въ ихъ честь обѣды, а русскіи газеты въ упомянутыхъ городахъ посвящали имъ задушевныя статьи.

Въ началѣ 1885 г. Ив. Наумовичъ вторично ѣхалъ въ Россію, чтобы здѣлать великое и спасительное дѣло для русскихъ крестьянъ въ Галичинѣ и для русскихъ институцій, якъ н. пр. „Народный Домъ“ во Львовѣ и вдовичо-сиротинскій фондъ, который дае пенсіи и запомоги для вдовъ и сиротъ по русскихъ священникахъ. Въ 1884 г. банкъ „Общество рольничо-кредитное Заведеніе,“ вслѣдствіе различныхъ стратъ, пріостановилъ выплату вложенныхъ въ его казу на проценты грошей. Вышеназваннымъ институціямъ и всѣмъ людямъ, которые вложили въ банкъ свои капиталы, грозила ихъ страта, а кромѣ того всѣмъ крестьянамъ грозила руина, ибо они, яко члены банка, ѣхали за его страты цѣлымъ своимъ имѣніемъ. А такихъ вкладчиковъ и крестьянъ было кѣлька тысячъ въ Галичинѣ и Буковинѣ. Ив. Наумовичъ помѣгъ однако спасти и капиталы русскихъ институцій, и частныхъ людей и земли русскихъ крестьянъ. Онъ поѣхалъ въ Россію и выпросилъ у добрыхъ русскихъ людей миліонъ рублей для банка, вслѣдствіе чого русскіи институціи и вкладчики получили назадъ свои гроши, а крестьяне заплатили, и то со значительнымъ опустомъ въ процентахъ, лишь то, что были должны.

Послѣ процесса, на Ив. Наумовича дѣлали изъ круговъ церковнаго управленія, а даже самъ Митрополитъ Сильвестръ, напоръ, чтобы онъ покался, безусловно покорился Риму и для одержанія прощенія, а затѣмъ и возстановленія на приходѣ, лично поѣхалъ въ Римъ. Въ письмѣ изъ Кіева ѣтъ 1 февраля 1889 г. къ автору сего жизнеописанія, Ив. Наумовичъ такъ о томъ упоминаетъ: „Мнѣ-же писалъ Митрополитъ Сильвестръ: написать три слова, и я останусь въ Скалатѣ, и предомною свѣтлая будущность; но я не могъ этого сдѣлать и потерялъ весь трудъ моей жизни, такое хозяйство, въ которое я вложилъ болѣе 15.000 гульденовъ, — все пропало; такой скотъ, такія поля, образцово воздѣланныя (управленныя) — все, и тюрьма еще, но не могъ покориться.“ Ив. Наумовичъ не согласился, а только издалъ (въ 1883 г., въ Россіи) брошюру п. 3. „Апелляція къ папѣ Льву XIII,“ въ которой представилъ положеніе уніатской церкви въ Галичинѣ и на свою оборону заявилъ, что онъ ничего болѣе не сдѣлалъ, якъ только требовалъ очищенія обряда уніатской церкви ѣтъ латинскихъ новостей.

Выше было сказано, якъ ѣтъ Ив. Наумовича, послѣ его процесса, сторонили, страха ради, нѣкоторые Львовскіи Русины, особенно изъ духовнаго сословія. Не такъ смотрѣли на Ив. Наумовича сельскіи священники и русскіи крестьяне. Въ 1883

г. 17 (29) іюня состоялось во Львовѣ русское всенародное Вѣче для выраженія протеста противъ захвата іезуитами Василианскихъ монастырей. Послѣ Вѣча, колька тысячъ его участниковъ отправились въ садъ „Стрѣльницю“ на перекуску. Треба было видѣти ихъ радость и восторгъ, коли на „Стрѣльницѣ“ появился Ив. Наумовичъ! Народъ подхватилъ его на руки и, при пѣніи „Многая лѣта“, обносилъ по цѣлому саду. Крестьяне цѣловали его по рукамъ и край его одежды и плакали отъ умиленія. И. Наумовичъ прослезился, ибо въ признательности народа и любви крестьянъ онъ видѣлъ наибольшую награду за свои труды и страданія. Отъ крестьянъ не отстали и честныи сельскіи священники, понимавшіи и оцѣнявшіи заслуги Ив. Наумовича для просвѣщенія народа, и такимъ способомъ всенародное вѣче перемѣнилось во всенародное и вполне заслуженное чествованье Ив. Наумовича.

Ив. Наумовичъ мѣгъ остатись въ Галичинѣ и тутъ, на своей тѣснѣйшой родинѣ, до конца вѣка своего трудиться въ еи пользу. Но „Наука“ и литературныи труды не давали такихъ доходѣвъ, которыми можно бы было оббгнати потребности, даже при скромнѣмъ житію Ив. Наумовича и его семьи. Вслѣдствіе сего Ив. Наумовичъ былъ принужденъ переселитись въ Россію, где мѣгъ найти средства къ житію. Однако не одни житейскіи хлопоты были причиною его переселенія въ державную Русь. Ив. Наумовичъ былъ человѣкомъ глубоко-религійнымъ. Будучи отлученъ отъ униатской церкви, онъ не мѣгъ въ униатскихъ церквахъ совершати богослуженій, а между тѣмъ служеніе Богу и приношеніе безкровной жертвы составляло необходимую потребность вѣрующей души Ив. Наумовича. Въ православной церковцѣ во Львовѣ, или въ православныхъ церквахъ на Буковинѣ, онъ не мѣгъ служить по политическимъ поводамъ. Въ Недѣли и праздники Ив. Наумовичъ, имѣючи дома всѣ богослужебныи книги (цѣлую „Минею“ онъ подарилъ послѣ во Львовскую православную церковь), прочитывалъ и утреню, и службу, и вечерню, а коли случился великій праздникъ, и всенощную. Но то его не за-спокойвало; онъ хотѣлъ быти священникомъ и, веденный духомъ званія, онъ въ началѣ 1886 г. переселился со всею семьею въ Кіевъ.

Послѣдніи годы жизни И. Наумовича въ Россіи.

Въ „матери городѣвъ русскихъ“, въ стародавнѣмъ Кіевѣ, жизнь Ив. Наумовича потекла спокѣйнѣе. Будучи возведенъ въ санъ протоіерея и окруженъ уваженіемъ и любовью всѣхъ истинно русскихъ людей, онъ продолжалъ зани-

матися редакцією „Науки,“ которую, майже одночасно съ своимъ виїздомъ въ Россію, перенісъ изъ Львова въ Відень и передалъ г. Д. Козарищукъ, и такъ же не уставалъ писати такіи-же поучительніи книжечки для русскаго народа въ Россіи, якіи онъ писалъ раньше для русскаго народа въ Австріи. Крімъ сего своими статьями въ газетахъ, виходящихъ въ Россіи, онъ познакомлялъ тамошнихъ людей съ житьемъ-бытьемъ русскаго народа въ Австріи, своими-же кореспонденціями въ галицко-русскахъ изданіяхъ съ житьемъ-бытьемъ народа въ Россіи. Такимъ способомъ онъ явился живимъ и надежнымъ звеномъ, соединявшимъ духовно часть русскаго народа въ Австріи съ остальнымъ русскимъ народомъ.

Ив. Наумовичъ не имѣлъ въ Кіевѣ якогъ-нибудь опредѣленнаго занятія. Духовныи и свѣтскіи власти, назначившіи ему такое жалованье, которое обезпечивало приличное существованье, оставили ему вольную волю — заниматься душпаствырствомъ или составленіемъ книжокъ и поученій для народа. До 1889 г. И. Наумовичъ все свое время посвящалъ писательству, плодомъ чого появились въ державной Руси поучительніи для народа брошюры, о которыхъ скажемъ ниже. Въ 1888 г. однако онъ, такъ сказати, затужилъ за сельскимъ житьемъ, а такъ якъ точно тогды освободилось мѣстце настоятеля прихода въ Борщагівцѣ, сель пѣдъ Кіевомъ, то онъ, по своей просьбѣ, былъ назначенъ приходникомъ Борщагівки. Тутъ пробылъ онъ не долго, а то для того, що 60-лѣтньому старику уже не пѣдъ силу было исполняти душпаствырскіи обязанности, и вернулся назадъ въ Кіевъ. Въ письмѣ его изъ Борщагівки къ автору сего труда въ 1890 г. Ив. Наумовичъ сообщаетъ: „Черезъ недѣлю переселяюсь въ Кіевъ. Приходъ отнимае мнѣ все время, такъ что нельзя ничего писать. „Наука“ опаздываетъ и плохо издается. Календарь теперъ долженъ быть конченъ, а я только началъ. Квартира уже есть, только не знаю и-ра. Все-таки жаль оставлять пріятную квартиру и превосходную воду!“ — Будучи въ Борщагівцѣ, а потѣмъ и въ Кіевѣ, Ив. Наумовичъ имѣлъ возможность заниматься, якъ онъ говорилъ, своимъ „любимымъ отдыхомъ,“ т. е. спичкомъ въ пасѣцѣ. Въ то время жила въ Кіевѣ Великая княгиня Александра Петровна. Она милостиво ѣдносила къ Ив. Наумовичу и любила съ нимъ бесѣдовати. Во время одного такого розговора, Ив. Наумовичъ предложилъ Великой княгинѣ устроить пасѣку въ саду женскаго монастыря, который благочестивая княгиня приказала въ 1889 г. построить на свои средства въ Кіевѣ. Великая княгиня обрадовалась тому и уже въ 1889 г. монастырская пасѣка числила кѣлькадесять пней. Майже всѣ ули въ пасѣцѣ были

здѣланы, по личнымъ указаніямъ Ив. Наумовича, галицкими крестьянами, которыхъ ѓнъ для той цѣли вызвалъ въ Кіевъ, а часть уліевъ была таки привезена изъ Галичины. Великая княгиня горячо благодарила Ив. Наумовича, коли ѓнъ поднёсъ ей первый кругъ меду изъ заведенной нимъ монастырской пасѣки...

Спокойное житіе и любовь друзей и знакомыхъ въ Кіевѣ, изъ которыхъ слѣдуетъ назвати и нашего земляка, И. А. Григоровича, преподавателя І. Кіевской гимназіи, о. Іоанна Мельникова, настоятеля Александро-Невской Сулимовской церкви въ Кіевѣ, и другихъ, отдаленность ѓтъ Галичины и другіи обстоятельства и ѓтношенія, не перерывали однако той душевной и сердечной связи, якою былъ связанъ И. Наумовичъ съ своею ближайшею родиною, Галицкою Русью. ѓнъ постоянно думалъ о тѣмъ, якъ бы помочь ей и ѓбднымъ галицко-русскимъ крестьянамъ, непрерывно слѣдилъ за событіями и происшествіями въ Галичинѣ и вѣлъ широкую переписку не только съ образованными Галичанами, но и галицкими крестьянами. Каждый Галичанинъ находилъ у него гостепріимство, пораду и помощь. Для того въ домѣ Ив. Наумовича можно было всегда встрѣтити иногда по кѣлька Галичанъ, а не было недѣли, щобы ѓнъ не гостилъ у себе галицкихъ крестьянъ, которые, корыстаючи изъ пребыванія Ив. Наумовича въ Кіевѣ, ѓздили поклонитисъ Кіевскимъ святынямъ и останавливались въ домѣ Ив. Наумовича, якъ бы въ своемъ. На жалъ, довѣрчивостью и добродушіемъ Ив. Наумовича злоупотребляли часто и недостойныи Галичане, изъ-за которыхъ ѓнъ перенёсъ немало непріятностей... Къ чести галицкихъ крестьянъ скажемъ, що то были такъ называемыи „интеллигенты“, которые за добро платили зломъ. Но Ив. Наумовичъ легко прощалъ и скоро забывалъ обиды и непріятности и радовался, коли увидѣлъ Галичанина. Еще живутъ многіи изъ тѣхъ Галичанъ, образованныхъ и крестьянъ, которые въ 1888 году были въ Кіевѣ на торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ,¹⁾ и навѣрно памятають, якъ Ив. Наумовичъ радовался ихъ пріѣзду, якъ ихъ гостилъ у себе въ Китаевѣ (ѓнъ лѣтомъ жилъ тогда за Днѣпромъ, въ Китаевѣ), и якъ ихъ, словно отецъ своихъ дѣтей, представлялъ тогдашнему Митрополиту Кіевскому и Галицкому (Кіевскій Митро-

¹⁾ На торжествѣ тѣмъ были слѣдующіи Галичане: О. А. Марковъ, В. ѐ. Луцкый, И. Е. Левицкій, О. А. Мончаловскій и 13 крестьянъ, изъ которыхъ больше извѣстны въ Галичинѣ: ѐ Захарчукъ и Григорій Муриный изъ Ляцкого, Григорій Летникъ изъ Пальчицея, пок. Ив. Ляховичъ изъ Нестюковъ — и др.

политы именуются до сихъ поръ также Галицкими) Платону, К. П. Побѣдоносцеву, В. К. Саблеру и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Свою любовь къ Галичанамъ, особенно-же къ русскимъ крестьянамъ, оказалъ И. Наумовичъ въ 1889 г., во время голода въ Галичинѣ. Въ письмѣ изъ Кіева, 19(31) іюня 1889 г., онъ писалъ межи прочимъ автору сего: „Голодъ въ Галичинѣ очень беспокоитъ меня. Если онъ дѣйствительно такой, какъ описано въ „Черв. Руси,“ надо подумать о спасеніи народа отъ гибели. Поэтому прошу васъ сообщить мнѣ точныя данныя изъ всѣхъ сторонъ и, если возможно, скоро. Вѣроятно будетъ созванъ сеймъ, хотя-бы *ad hoc*; тогда, разумѣется, будетъ все подробно описано съ официальной стороны. Но, быть можетъ, не будутъ съ тѣмъ торопиться, пока не появятся опасныя симптомы.“ Получивши требуемыя данныя, Ив. Наумовичъ съ усердіемъ занялся собираніемъ помощи для голодающихъ и уже въ письмѣ отъ 21 ноября 1889 г. писалъ подписавшемуся: „Для голодающихъ Галичанъ жертвовалъ одинъ землевладѣлецъ подольской губерніи 100 пудовъ (пудъ має около 40 фунтовъ) пшеницы, съ доставкой въ Казятинъ, въ мое распоряженіе. Сверхъ того поступило уже 3000 рублей отъ разныхъ благотворителей на покупку ячменя... Народу нельзя дать погибать. Спросите, гдѣ самая большая нужда? Я желалъ бы помочь моимъ прихожанамъ въ Скалатѣ, особенно моимъ бывшимъ „огульникамъ,“ вѣроятно очень бѣдствующимъ. На сердцѣ лежитъ мнѣ Зальщицкій округъ, гдѣ большая нужда.“ Ив. Наумовичъ не далъ погибати народу. Онъ просилъ и писалъ на всѣ стороны и даже ѣздилъ въ Петербургъ, и за его стараньемъ галицкіи крестьяне получили значительную помощь изъ Россіи, и не одно семейство было спасено отъ голода и его страшныхъ послѣдствій...

И помимо голода нужденное положеніе значительной части галицкихъ крестьянъ постоянно болѣло Ив. Наумовича. Розглянувшись по Россіи и выпросивши покровительство высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, онъ задумалъ безземельныхъ и бѣдныхъ галицкихъ крестьянъ поселяти на Кавказѣ. Онъ уже раньше того помѣгъ многимъ крестьянамъ изъ Галичины переселитись на Кавказъ, где они нынѣ живутъ въ поселкахъ: Наумовичи и Старая Черниговка, въ близи города Сухумъ-Калѣ. Приготовленія къ тому тянулись долго, но якъ радовался Ив. Наумовичъ, коли его старанія обѣщали успѣхъ! „Считаю себя счастливымъ, — писалъ онъ изъ Петербурга 14 (26) октября 1890 г. автору сего труда, — что могу раздѣлиться хорошимъ починомъ, выходящимъ отъ самихъ искреннихъ нашихъ друзей, чтобы народу открыть путь къ лучшей жизни. Я говорилъ вчера съ однимъ компетент-

И. Наумовичъ въ 1889 г.

нымъ лицомъ касательно надѣленія землею нашихъ Лемковъ и другихъ Галичанъ въ округахъ Новороссійскомъ и Сухумскомъ, на берегу Чернаго моря, именно тамъ, куда вѣздили Аргонауты за золотымъ руномъ, гдѣ земной рай, виноградъ растетъ дико, грецкіе орѣхи гниютъ на землѣ и превращаются въ навозъ, а гдѣ одна бѣда: отсутствіе комуникацій. Взгляните на карту: сейчасъ за Азовскимъ моремъ тянется эта пустая земля отъ Анапы до Сухума, и она предназначена для Галичанъ, но въ такихъ размѣрахъ, чтобъ не обезнародить нашу родину, и чтобы наша земля не попала въ чужіи руки. Быть можетъ, я самъ поѣду туда и осмотрю все; но мнѣ сказали, чтобы прибыли сюда соглядатаи (розвѣдчики) и осмотрѣли мѣста для жительства, которые будутъ имъ отпущены почти даромъ, н. пр. около 5 рублей за десятину, съ разсрочкой платежа на долгія лѣта. Все таки лучше направлять нашихъ людей сюда, чѣмъ въ Америку! Здѣсь будутъ огромныя заработки при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и пр., а когда будетъ построена желѣзная дорога, земля тогда повысится въ цѣнѣ. Я не сомнѣваюсь, что нашимъ голодающимъ будетъ дана возможность существованія.“

И. Наумовичъ въ самомъ дѣлѣ постановилъ лично поѣхать на Кавказъ, чтобы ознакомиться съ тамошними отношеніями и выбрать мѣстца, пригодныя на поселенія. Изъ Кіева выѣхалъ Ив. Наумовичъ при концѣ мая 1891. Не полагаясь на власный опытъ и знанія въ выборѣ земли и мѣстца, онъ взялъ съ собою галицкаго крестьянина, Ивана Бѣлорусскаго изъ Глинянъ. Въ Одессѣ прилучился до нихъ еще бывшій купецъ изъ Галичины, М-ичъ. Описаніе сего путешествія Ив. Наумовича напечатано въ „Галицкой Руси“ и въ „Науцѣ“ за 1891 годъ.¹⁾ Отъ него вѣе юношескимъ духомъ и жизнерадостною бодростью. Увидѣвши Кавказъ и его дѣвственныя земли съ великими лѣсами, Ив. Наумовичъ былъ увѣренъ, что галицко-русскіи колоніи принесутъ много пользы якъ Галичанамъ, такъ и Россіи, ибо первыхъ оттянутъ отъ переселенія въ Америку спасутъ передъ вынужденіемъ, второй-же дадутъ трудолюбивое и спокойное населеніе, способное перемѣнить глухія и дикія окрестности въ цвѣтущія селенія.

Посѣтивши монастырь Новый Аѳонъ, Туапсе (Вельяминово), Новороссійскъ (на Кавказѣ, ибо другіи Новороссійскъ лежатъ на сѣверномъ берегу Чернаго Моря), Пятигорскъ, Тифлисъ и Елисаветполь, Ив. Наумо-

¹⁾ Подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Ив. Наумовича напечатаны въ „Бесѣдѣ“, Львовъ 1897, ч. з.: „Причина смерти І. Гр. Наумовича.“

вичъ вернулся назадъ на Кутаисъ и Батумъ. Товарищи Ив. Наумовича ъѣхали въ Галичину раньше, а именно И. Бѣлорусскій 18(30) іюля, а М-вичъ 31 іюля (12 августа). Того-же дня И. Наумовичъ сѣлъ въ Батумъ на пароходъ, отправлявшійся въ Новороссійскъ, щобы зѣ-ѣттамъ по желѣзной дорожѣ вернуться въ Кіевъ. На дорожѣ изъ Батума въ Новороссійскъ Ив. Наумовичъ заболѣлъ желудкомъ. Прибывши въ Новороссійскъ, ѣнъ пригласилъ лѣкаря, Теръ-Степанова. Болѣзнь, повидимому, прошла, ибо послѣ Ив. Наумовичъ лѣкаря уже не призывалъ, а знакомыи видѣли его здорового. Неожиданно, однако, знакомому Ив. Наумовича священнику, о. В. Гофману, дали знати 3(15) августа изъ гостиницы Grand Hôtel, що Ив. Наумовичъ опасно заболѣлъ. Сейчасъ призвали лѣкаря, который, заставши Ив. Наумовича безъ памяти, опредѣлилъ, що съ нимъ случился апоплектичный ударъ. Больного перенесли въ больницу, где ѣнъ, не ѣтзыскавши памяти, скончался 4(16) августа, въ 11 ч. передъ полуднемъ.

Слѣдующаго дня, 5 (17) августа, состоялось торжественное погребеніе покойнаго на городскѣмъ кладбищѣ. Погребеніе состоялось съ возможною, вслѣдствіе короткаго времени, торжественностью. Въ похоронахъ участвовали четыре священники, а о. В. Гофманъ сказалъ прочувствованное надгробное слово. Множество народа выказало свое уваженіе къ почившему, присутствуя на похоронахъ. И въ далекѣмъ Новороссійску, на берегахъ Чорнаго моря, знали Ив. Наумовича, якъ о тѣмъ свѣдчатъ слѣдующіи слова о. В. Гофмана:¹⁾

„Предъ нами, братіе, нежданно гробъ съ скончавшимся пастыремъ святой Церкви. Но кто сей пришлецъ въ нашемъ городѣ? Кто сей, лишенный здѣсь присутствія своихъ присныхъ по плоти? Кто сей, давшій намъ, Новороссійцамъ, столь печальный поводъ къ настоящему нашему собранію и моленіямъ? — Это человекъ, притекшій къ нашему отечеству съ противоположной отъ насъ пограничной черты Русскаго государства!... Это — честный, истинный труженникъ, неустанно, нѣсколько десятковъ лѣтъ, проявлявшій горячую дѣятельность, и дѣятельность не суетливо-одностороннюю и не для узко-матерьяльныхъ, эгоистичныхъ цѣлей, но дѣятельность разумную, многостороннюю и многоплодную... Это — короче сказать — всею читающею Россією знаемый и чтимый протоіерей, отецъ Іоаннъ Наумовичъ!“

Неожиданная вѣсть о смерти Ив. Наумовича произвела потрясающее впечатлѣніе въ Галичинѣ. Въ выходившей тогда

¹⁾ Смотри брошурку: „Памяти протоіерея Іоанна Наумовича.“ Петербургъ, 1891.

во Львовѣ „Галицкой Руси“ печатались его корреспонденціи изъ Кавказа и редакція, три дни передъ смертью Ив. Наумовича, получила отъ него письмо. Газеты всѣхъ отѣтнѣковъ и партій, не только русскіи, но и польскіи и нѣмецкіи, посвятили ему воспоминки. „Галицкая Русь“, которой припала печальная обязанность извѣстити все русское населеніе Галичины о смерти Ив. Наумовича, такъ отозвалась 7 (19) августа (телеграмму о смерти Ив. Наумовича получила редакція „Галицкой Руси“ 6(18) августа, въ праздникъ Преображенія Господня, и сейчасъ-же увѣдомила о томъ Львовскихъ жителей плякатами): „Скончался лучшій сынъ Матери-Руси, угасъ ея свѣточъ, умеръ глашатай истины. Не стало любимца народа, его наставника и учителя. Матеріализмъ былъ ему противенъ; характеръ чистый, якъ слеза, обширныя знанія, благородная скромность, поэтическая душа, сердце, преисполненное доброты и кротости, однимъ словомъ — человекъ идеальный.“ Съ початку никто не хотѣлъ вѣрити въ дѣйствительность тяжкого удара, постигшего особенно галицко-русскій народъ, и двери редакціи „Галицкой Руси“ не затворялись отъ посѣтителей, желавшихъ переконались о правдивости извѣстія. Польскіи газеты, воевавшіи завзято съ Ив. Наумовичемъ, все-таки отдали ему надлежащую дань уваженія. Та сама *Gazeta Narodowa*, которая, якъ мы выше видѣли, цѣлыми десятками лѣтъ преслѣдовала Ив. Наумовича, причислила его къ необыкновенно талантливымъ людямъ и такъ о немъ отозвалась: „Кто зналъ его близко, тому извѣстно, что его призваніемъ было пастырство не только въ своемъ приходѣ, но середѣ всего народа. Имѣлъ онъ къ тому всѣ благородныя свойства сердца и духа, знаніе и опытъ. Если кто и отнесся съ порицаніемъ къ его общественной дѣятельности, то долженъ воздати ему особенныя похвалы яко пастырю, товарищу, сосѣду и принужденъ удивляться его писательскимъ дарованіямъ, его умѣнью владѣти языкомъ русскаго просто-народія. Матеріализма, погони за личными корыстями, никто ему не закине.“ Называя его „знаменитымъ ораторомъ и народолюбцемъ“, *Gazeta Narodowa* признала, что Наумовичъ „записанъ на страницахъ исторіи нашей земли“, т. е. Галины. Краковская газета *Czas* признала важныя заслуги Ив. Наумовича въ исторіи народно-политическаго, церковнаго и умственнаго движенія въ Галицкой Руси и воздала должную честь его писательскому таланту. Русскіи газеты въ Россіи, столичные и провинціальныя, посвятили памяти покойнаго сочувственныя некрологи, а въ многихъ городахъ Россіи были совершены торжественныя панихиды по покойномъ. „Кіевское Слово“ выразило пожеланіе, чтобы останки Ив. Наумовича были перенесены въ Кіевъ, на Аскольдову могилу.

Тѣло Ив. Наумовича дѣйствительно было перевезено въ Кіевъ. За тѣломъ ѣздили въ Новороссійскъ жена покойного и сынъ, д-ръ Н. И. Наумовичъ. Дня 11(23) сентября, значить черезъ 38 дней послѣ погребенія, разрыли могилу и выняли домовину. Коли зняли крышку домовины, всѣ присутствующіи, межи ними д-ръ Н. И. Наумовичъ и тамошній городскій лѣкарь, были поражены видомъ тѣла. Хотя оно лежало болѣе якъ мѣсяць въ могилѣ, оно еще не разложилось, но сильно почорнѣло. Потѣмъ, послѣ похоронбъ въ Кіевѣ, д-ръ Н. И. Наумовичъ заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, а также Галичанъ, прибывшихъ на похороны, и пишущую настоящую біографію, що смерть Ив. Наумовича наступила ѣтъ рослинного яда. Кто поддалъ проовѣстителю Галицкой Руси отраву, то покрыто еще тайною. Д-ръ Н. И. Наумовичъ довѣдался тѣлько въ Новороссійску, що И. Наумовича видѣли съ якимъ-то молодымъ человѣкомъ, который ходилъ съ нимъ по городу и заходилъ къ нему въ гостинницу. Сей человѣкъ исчезъ безъ слѣда...

Якъ сказано выше, тлѣнныи останки Ив. Наумовича перевезены въ Кіевъ. Средства на перевезеніе великодушно пожертвовалъ въ Божѣ почивающій императоръ Александръ III. Тѣло прибыло въ Кіевъ 5 (17) сентября 1891. Около 10 часа передъ полуднемъ, на желѣзно-дорожный дворецъ, собрались родственники покойного, совѣтъ и члены Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Кіевѣ, много Кіевлянъ, сознающихъ высокое значеніе трудбъ Ив. Наумовича для русскаго народа, и прибывшіи на похороны Галичане, которые привезли съ собою 11 вѣнковъ. Послѣ совершенія панихиды, погребальная процесія двинулась на Аскольдову могилу, т. е. кладбище, на которѣмъ хоронятъ знатныхъ и богатыхъ людей. Въ процесіи принималъ участіе настоятель греческаго монастыря, Архимандритъ Мелетій, катедраальный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, многочисленное духовенство и славный хоръ пѣвчихъ Я. С. Калишевскаго. Въ продолженіе цѣлой дороги, около мили, съ воза, шедшого передъ погребальнаго колесницею, кидали на землю зеленныи сосновыи

¹⁾ На похоронахъ были представители всѣхъ сословій Галицкой Руси, кромѣ духовнаго, а именно: изъ интеллигенціи женщины, г-жи К. И. Алексовичъ и Е. О. Павенцкая; мужчины: адвокаты И. А. Добрянскій, Д. А. Павенцкій, Ю. А. Кмицикевичъ; директоръ „Народной Торговли“, которой Ив. Наумовичъ былъ изряднымъ благодѣтелемъ, А. Н. Ничай; члены основаннаго Ив. Наумовичемъ Общества им. М. Качковскаго: С. И. Держко, В. О. Курбасъ, С. А. Дуда; журналисты: О. А. Марковъ, О. А. Мончаловскій — и 15 крестьянъ. Кромѣ названныхъ Галичанъ, прибылъ еще изъ Вильны бывший редакторъ Львовскаго „Слова“, В. М. Площанскій.

вѣтки. Изъ храмѣвъ, мимо которыхъ проходила процесія, выходило духовенство съ иконами и, совершивши короткую панихиду, прилучалось до процесіи. Якъ высоко цѣнили Ив. Наумовича въ Россіи, видно изъ того, що vysкопоставленны покровители его: старшій прокуроръ св. синода, К. П. Побѣдоносцевъ, его товарищъ, В. К. Саблеръ¹⁾, и тогдашній председатель Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ, графъ Н. П. Игнатьевъ, проживавшій тогда въ селѣ Круподеринцахъ, Бердычевскаго уѣзда, выразили желаніе, чтобы имъ по телеграфу дали знати о времени погребенія Ив. Наумовича. Послѣ прихода процесіи на Аскольдову могилу, домовину съ тѣломъ своего просвѣтителя внесли Галичане на своихъ плечахъ въ кладбищенскую церковь, где еще разъ духовенство совершило панихиду.

Похороны состоялись слѣдующаго дня, 18(30) сентября, съ великою торжественностью. Въ 9 ч. началась соборная литургія, при участіи многочисленнаго духовенства. На панихиду прибыли: преосвященный Ириней, Епископъ Чигиринскій, катедраальный протоіерей П. Г. Лебединцевъ и Архимандритъ Мелетій. Печальное торжество почтилъ своимъ присутствіемъ тогдашній начальникъ края, генералъ-лейтенантъ графъ А. П. Игнатьевъ; затѣмъ присутствовали: генералъ-маіоръ В. Д. Новицкій, тогдашній председатель Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Кіевѣ, А. Θ. Андріяшевъ, члены совѣта и Общества, представитель Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Одессѣ, А. А. Кривцовъ, профессора университета и Духовной Академіи, офицеры, студенты, вообще много публики. Послѣ литургіи въ церкви сказано было о. Іоанномъ Мельниковскимъ, прекрасное слово, въ которомъ проповѣдникъ, межи иными, сказалъ: „Великую любовь и преданность заслужилъ ты у своего народа, великая ожидаетъ тебя награда въ будущей вѣчной жизни. Но не тому народу, которому была посвящена вся твоя многотрудная, многострадальная жизнь, не тому народу довелось хоронить своего пастыря и учителя... Пусть же вамъ, нашимъ единовѣрнымъ братьямъ-галичанамъ, въ вашей неутѣшной скорби послужитъ хоть малымъ утѣшеніемъ вѣсть

¹⁾ Владиміръ Карловичъ Саблеръ, сердечный пріятель нашего народа, называлъ Ив. Наумовича своимъ „другомъ“ и не смотря на свое высокое положеніе, всегда гостилъ его у себя. Коли Ив. Наумовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Благодарячи В. К. Саблера, мы имѣемъ тотъ прекрасный портретъ Ив. Наумовича, который помѣщенъ въ началѣ сей книжки. Коли Ив. Наумовичъ былъ въ 1890 г. послѣдній разъ въ Петербургѣ, В. К. Саблеръ взялъ его съ собою къ фотографу и сказалъ; „Отецъ Іоаннъ! Станьте вы такъ, какъ вы обыкновенно ставали, читая русскому народу въ Галиціи свою „Науку“ Оттого и изображенъ Ив. Наумовичъ стоящимъ и съ книжкою въ рудѣ.

о томъ, что и мы умѣли цѣнить великаго галицкаго дѣятеля, что и мы возлюбили его кроткое (лагодное), не помнившее злобы сердце, что и мы видѣли въ лицѣ о. Іоанна человѣка, готоваго „положить душу свою за други своя,“ что и доказала его преждевременная кончина изъ-за народнаго благосостоянія (добробыта)! Въ эти немногіе годы, проведенные о. Іоанномъ въ градѣ нашемъ, мы видѣли въ немъ человѣка кроткаго, незлобиваго человѣка, совершенно чуждаго матерьялизма: все, что получалъ онъ, все и раздавалъ; всѣ немущіе, бѣдные земляки, всегда находили у него пріютъ и матерьяльную поддержку. Божественное слово: „Блаженни милостивыи, яко тѣи помилованы будутъ,“ чутко отзывалось въ его любящемъ сердцѣ. Словомъ — это была чистая, правдивая душа, сохранившая до послѣднихъ минутъ жизни живую, крѣпкую вѣру въ лучшее будущее своей родины и горячую, безпредѣльную любовь къ людямъ. И мы увѣрены, что воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ памяти его соотечественниковъ, которые долгомъ своимъ будутъ поставлять, прійти въ нашъ священный градъ поклониться св. угодникамъ Кіевскимъ и по пути зайти на могилу своего пастыря и учителя и помолиться о его душѣ,¹⁾ да упокоитъ ее Господь со Святыми, да найдетъ онъ у Господа Бога вѣчное успокоеніе отъ тѣхъ скорбей и страданій, которыхъ было такъ много на его тернистомъ жизненномъ пути. Для насъ-же жизнь покойнаго о. Іоанна можетъ служить образцомъ неустанной энергіи и трудолюбія во имя безпредѣльной любви къ ближнему и къ своей родинѣ.“

Послѣ выноса домовины изъ церкви Галичанами и по опущеніи ея въ могилу и коли пропѣли „вѣчную память,“ произнесли на кладбищѣ рѣчи: А. С. Андріяшевъ отъ имени Славянскаго Благотворительнаго Общества, О. А. Мончаловскій отъ имени Галичанъ, И. А. Баженовъ отъ имени редакціи „Кіевского Слова,“ В. М. Площанскій, яко другъ покойнаго, и галицкій крестьянинъ Григорій Муринъ, отъ имени галицкихъ крестьянъ²⁾).

Кромѣ вѣнковъ, привезенныхъ Галичанами, одинъ изъ которыхъ былъ терновый, на могилу Ив. Наумовича были возложены вѣнки отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Кіевѣ, отъ Галичанъ, живущихъ въ Кіевѣ, отъ Кіевскихъ Чеховъ, отъ редакціи „Варшавскаго Дневника“ и жур-

¹⁾ Сей завѣтъ исполняется Галичанами, посѣщающими Кіевъ. Такъ въ 1896 г. общество Галичанъ изъ близко 30 лицъ вѣхавшее на всерусскую выставку въ Нижній Новгородъ черезъ Кіевъ, замовило панихиду на могилѣ Ив. Наумовича.

²⁾ Тѣ рѣчи напечатаны въ н-рѣ 1340 „Кіевского Слова“ и „Кіевлянина“ за 1891 г. Рѣчь О. А. Мончаловскаго, напечатанную въ „Галицкой Руси,“ лѣвовская прокуратура конфисковала

нала „Профессіональная школа.“ Кіевскіи, Московскіи, Петербургскіи, Варшавскіи и Одесскіи газеты посвятили теплыи отзывы памяти И. Наумовича, а „Московскія Вѣдомости“ и „Новое Время“ напечатали прощальную рѣчь О. А. Мончаковского, вѣрно характеризующую свѣтлую личность покойного.

И смерть Ив. Наумовича не успокоила его противникѣвъ. Польскіи газеты въ Галичинѣ, особенно-же *Gazeta Narodowa* и *Dziennik Polski*, пустили умышленно ложную вѣсть (*Dziennik Polski* ѡтъ 7(19) августа 1851), будто Ив. Наумовичъ самъ отравился, щобы такимъ способомъ опозорити память покойного. Послѣ похоронѣвъ Ив. Наумовича донесли якіи-то клеветники Митрополиту Сильвестру Сембратовичу, що нѣкоторымъ галицкіи священники выслали вѣнки на его могилу въ Кіевъ. Митрополитъ самъ вѣлъ слѣдство по тому поводу и призывалъ до себе тѣхъ священникѣвъ, на которыхъ ему донесли. Дѣло кончилось ничѣмъ, ибо дѣйствительно ѡтъ галицкихъ священникѣвъ не было вѣнкѣвъ, но оно кидаетъ свѣтло на ѡтношеніе къ Ив. Наумовичу Митрополита Сильвестра Сембратовича.

Еще при жизни Ив. Наумовичъ желалъ почити на историчной Аскольдовой могилѣ, вблизи славной Кіево-Печерской Лавры. Желаніе его исполнилось, а то по милости его высокихъ покровителей. Но милость ихъ не уменьшилась и потѣмъ и проявилась въ поставленіи величавого памятника на могилѣ незабвенного просвѣтителя Галицкой Руси.

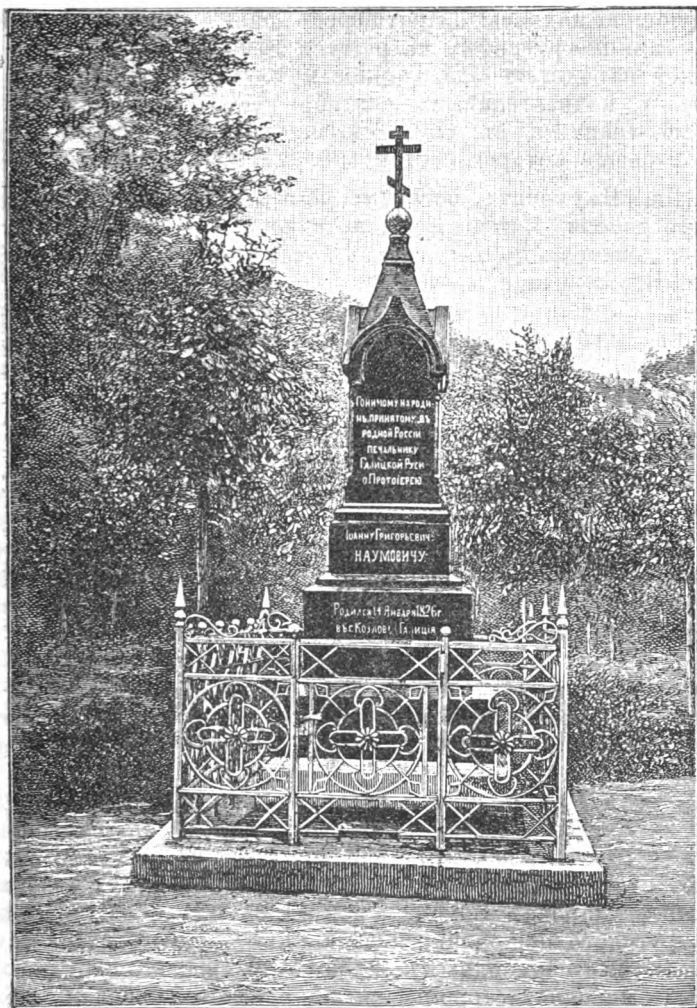
На памятникъ Ив. Наумовичу собирались жертвы въ Галичинѣ. Но покровители и пріятели его въ державной Руси, въ особенноти же гр. Н. П. Игнатъевъ и В. К. Саблеръ, не ждали, поки соберется потребная сума въ Галичинѣ, но постановили сами поставить памятникъ. На собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ, 14 (26) февраля 1894 г., члены сего Общества сложили 300 рублей, императоръ Александръ III. соизволилъ выдати изъ державной кассы, вслѣдствіе доклада министра финансовъ, И. В. Витте, 900 рублей, а суму 200 рублей собрало Славянское Общество въ Кіевѣ. На ту суму былъ заказанъ памятникъ. Проектъ памятника составленъ членомъ академіи В. Н. Николаевымъ, а исполненъ въ Кіевѣ въ мастерской Городкова. Памятникъ представляе четырехгранный обелискъ изъ темнаго лабрадора, дуже твердаго и красиваго гранита. На верху памятника русскій крестъ, а вокругъ желѣзная рѣшетка (штахеты). Въ верхней части обелиска помѣщена зъ одной стороны икона св. Іоанна Крестителя, зъ другой портретъ Ив. Наумовича. На лицевой сторонѣ памятника вырѣзано русскими буквами: „.....печальнику Галицкой Руси, о. Іоанну Григорьевичу Наумовичу.“ На проти-

воположной сторонѣ славянскими буквами: „Вѣмъ твои дѣла, и любовь, и службу, и терпѣніе твое, и дѣла твои и послѣдняя большая первыхъ. Апок. 2, 19.“ На правой сторонѣ памятника славянскими буквами: „Чадца мои, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. Іоан. 1, 3, 18.“ На лѣвой сторонѣ: „Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Матѣ. 5, 10.“ На среднемъ поясѣ памятника завіѣтныя слова Ив. Наумовича, данныя нимъ Обществу им. М. Качковского въ девизъ: „Молись, учись, трудись, трезвись.“ На нижнемъ поясѣ: „Родился 1826 года, 14 января, въ городѣ Козловѣ, въ Галиціи. Умеръ 4 августа 1891 года въ Новороссійскѣ и погребенъ въ Кіевѣ 18 сентября того-же года. Да будетъ ему вѣчная память!“

Торжественное освященіе памятника отбылося 16(28) сентября 1894 г. Въ 10 ч. рано, въ церкви на Аскольдовой могилѣ началась литургія, которую совершилъ Преосвященный Іоанникій, Епископъ Уманскій, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Среди многихъ молящихся присутствовали: Тогдашній предсѣдатель Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ, генераль-адъютантъ гр. Н. П. Игнатьевъ съ супругою, тогдашній предсѣдатель Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Кіевѣ, тайный совѣтникъ Рахманиновъ, члены Общества, профессора университета, учителя, высшіе офицеры, всѣ живущіи въ Кіевѣ Галичане и много иной публики. Изъ семьи покойнаго прибылъ только сынъ его, д-ръ Н. И. Наумовичъ, изъ Галичины-же пріѣхали: О. А. Марковъ съ супругою, д-ръ И. А. Добрянскій, д-ръ Л. И. Гумецкій и О. А. Мончаловскій. Кромѣ того изъ различныхъ сторонъ Россіи прибыли живущіи тамъ Галичане: священники, міряне и крестьяне. По окончаніи литургіи, произнесъ въ церкви трогательное слово о. І. Мельниковскій, затѣмъ Преосв. Іоанникій отслужилъ передъ памятникомъ панихиду и освятилъ его. Послѣ отспѣванья „вѣчной памяти“ произнесены были рѣчи.¹⁾ Первую сказалъ редакторъ „Кіевского Слова“ И. А. Баженовъ, вторую, отъ имени Галичанъ, О. А. Мончаловскій, а третье, короткое слово на галицко-русскомъ нарѣчій, крестьянинъ Гр. Муринъ.

Въ день откритія памятника отъ были украшенъ вѣнками: два были привезены изъ Галичины; на одномъ изъ нихъ была надпись: „Галицкая Русь своему просвѣтителю“

¹⁾ Рѣчи тѣ напечатаны въ н-рѣ 2399 „Кіевского Слова“, а отсюда перепечатаны „Новымъ Временемъ“, „Варшавскимъ Дневникомъ“ и др. газетами.

Памятникъ И. Наумовичу на окольной могилѣ въ Кіевѣ.

на другомъ: „Редакція „Русской Рады“ своему основателю.“ Третій вѣнокъ возложило Славянское Благотворительное Общество въ Кіевѣ, а четвертый, серебряный, прислали почитатели Ив. Наумовича изъ Варшавы. Серебряный вѣнокъ имѣе слѣдующую надпись: „Протоіерею Іоанну Наумовичу, великому галицко-русскому патріоту и дѣятелю въ защитѣ . . . русской народности благодарное и посильное приношеніе отъ друзей и почитателей. 16 сентября 1894 г. Варшава.“ Сей вѣнокъ хранится въ Кіевской Александро-Невской церкви, настоятелемъ которой состоитъ о. І. Мельниковскій.

Ив. Наумовичъ оставилъ жену, Θεодору Васильевну, четыре дочери, Марію, Евгенію, Θεонію и Юлію, и сына Николая, доктора. Другій сынъ Владиміръ умеръ въ 1884 г. Жена Наумовича и сынъ Николай умерли въ 1894 г., первая въ Варшавѣ, второй въ Даревцѣ, Кіевской губерніи, где онъ былъ желѣзнодорожнымъ врачомъ. Всѣ четыре дочери повыходили въ Россіи замужъ за галичанъ, но Марія, замужняя Покривницкая, умерла въ 1895 г.

Иванъ Наумовичъ яко народный писатель.

Почетное имя: „Просвѣтителъ Галицкой Руси,“ данное И. Наумовичу еще при его жизни галицко-русскими крестьянами, не пустой титулъ. И. Наумовичъ стоитъ выше всѣхъ народныхъ дѣятелей, якихъ коли либо выдала Галицкая Русь. Онъ сотворилъ у насъ цѣлую научную для народа литературу. Своими неподражаемыми статьями, написанными незрбнаннымъ, тѣлько ему одному свойственнымъ языкомъ и слогомъ, напечатанными во всякого рода галицко-русскихъ газетахъ, журналахъ и книжкахъ, онъ научалъ крестьянъ любить свою церковь и народность, научалъ ихъ исторіи Руси, быти трезвыми и трудолюбивыми, заниматься умѣло господарствомъ; онъ лѣчилъ людей и скоть, — однимъ словомъ, его могучій духъ проникалъ все житіе народа. Начавши изъ 1850 года, въ Галичинѣ не было русского періодичного изданія, которого бы Ив. Наумовичъ не былъ усерднымъ и безкорыстнымъ сотрудникомъ, не было ни одной стороны жизни русского населенія Галичины, которой бы онъ не освѣтилъ своими разумными статьями. Его писательская дѣятельность увеличивалась съ лѣтами его жизни. Съ каждымъ годомъ онъ писалъ больше, якъ бы спѣшился, щобы при жизни якъ наибѣльше написати. Онъ не чувствовалъ утомленья отъ труда, не чувствовалъ на плечахъ 65 лѣтъ, но держался бодрымъ, здоровымъ

тѣломъ и душою, полнымъ свѣтлыхъ надѣй для Галицкой Руси, хотя волосы на головѣ и обрамлявшая его благородное и красивое лицо борода были бѣлы, якъ снѣгъ. Еслибы собрать все, що Ив. Наумовичъ написалъ и напечаталъ въ своей жизни, то набралось бы наименьше сто толстыхъ томбвъ. Въдъ одной „Науки“ выйшло по 1891 г. 19 томбвъ. И. Наумовичъ умѣлъ и говорити и писати подвойною рѣчью — для крестьянъ и для интеллигенціи.

Чрезвычайно важный ѳдѣлъ въ „Науцѣ“ представляе „Св. Писаніе“ и его толкованіе. Ив. Наумовичъ хорошо зналъ русскій народъ. Знати же народъ, значитъ, порозумѣти его настоящіи, глубокіи стремленья, ѳгадати головную народную струю, изучити душу народа... Изучивши народъ, Ив. Наумовичъ увидѣлъ, що ѳнъ наиббльше дорожить вѣрою и русскимъ обрядомъ. Для того-то Ив. Наумовичъ постановилъ давати ему для читанья и пояснати священное писаніе, щобы такимъ способомъ помочи ему розвиватися такимъ, якимъ народъ опредѣлилъ самъ себе и якимъ ѳнъ самъ хоче быти. Народъ глядалъ свящ. писанія и духовного просвѣщенія и Ив. Наумовичъ далъ ему въ „Науцѣ“ возможность найти и то и другое. Для того-то „Науку“ крестьяне такъ любили читати, для того-то Ив. Наумовичъ такъ покори́лъ ихъ сердца, ибо ѳнъ училъ ихъ жити „по церковному“, далъ имъ живую грамоту вѣры.

Якъ И. Наумовичъ любилъ народъ и якъ высоко цѣнилъ его значеніе, доказуе слѣдующее обстоятельство: Стараючись просвѣщати простонародіе въ церковнѣмъ душѣ, И. Наумовичъ звернуль одновременно свое вниманіе на то, що галицко- и буковинско-русская интеллигенція занадто ѳтдаляея ѳтъ простонародія и велѣдствіе того тратить съ нимъ связь и довѣріе съ его стороны. Предвидячи плохіи послѣдствія ѳтъ такого розъединенія русской интеллигенціи съ русскимъ простонародіемъ, И. Наумовичъ выступилъ въ „Словѣ“ (н-ра 58, 54, 57, 66, 79, 114 и 130 за 1881 г.) съ рядомъ знаменательныхъ статей пѳдъ заглавіемъ „Назадъ къ народу!“ Въ тѣхъ статьяхъ И. Наумовичъ призывалъ русскую интеллигенцію, духовную и мірскую, „вернутись къ народу“, ибо „народъ теряе вѣру въ насъ, для того, що мы потеряли вѣру въ народъ, въ его живучесть и въ несокрушимую силу нашей народности.“ Нынѣшнее время, — писалъ И. Наумовичъ, — не время утвержденія привилегій въ государствѣ благородныхъ надъ простыми и обновленія силѣсныхъ пергаментѳвъ, ѳтъ силы которыхъ духовно и тѣлесно вѣками мучились народы-плебеи; нынѣ время пародѳвъ, миллионѳвъ, массъ, призванныхъ уже также къ совѣту и дѣлу. До сихъ поръ мы просвѣщали народъ *par distance*

(на отдаленность). Мы где-то сдѣлали для народа, но не разомъ съ нимъ самымъ. Мы стояли надъ нимъ, но не съ нимъ, для того все, что мы до сихъ поръ сдѣлали, не было народнымъ въ истинномъ смыслѣ сего слова. Повернути къ народу значитъ: покинути разъ навсегда намъ сынамъ и учителямъ восточной, истинно народной церкви, проникнутой на-сквозь любовью, всѣ антихристіанскіе заблужденія отъ истинной Христовой науки, занесенныя къ намъ чужиною, ту гордость, которая, какъ та чума, отдалила насъ отъ народа, какъ будто бы мы не были костью отъ его костей, плотью отъ его плоти, которая, по поводу зацепленной намъ польской шляхетчины, не позволяе намъ вести братства и искренней дружбы съ человѣкомъ, зовимымъ „темнымъ“ и „простымъ“, но иногда болѣе свѣтлымъ и благороднымъ, чѣмъ высокоблагородныя дармовды, — то лицемеріе, которое стало уже какъ бы неотъемлемымъ свойствомъ духовнаго званія, — тотъ матеріализмъ и самый только матеріализмъ безъ умѣренія, которымъ недужны многіи наши братья... Повернути къ народу, значитъ: повернути къ Христу, отъ котораго мы, отдалившись отъ народа, тоже отдалились, — значитъ: повернути къ нашему званію, значитъ: тати пастырями, болѣе отцами, чѣмъ приходниками, — просвѣтителями, а не отемнителями народа...

И къ мірской интеллигенціи звернулся И. Наумовичъ съ призывомъ „Назадъ къ народу!“ На школьныхъ лавкахъ, — писалъ онъ, — и въ академическихъ Обществахъ иногда еще пробивается у лучшихъ изъ нашихъ юношей русскій духъ; на нѣкоторыхъ смотрятъ наши люди съ надеждою, но скоро такой молодой вступилъ въ должность, онъ смотритъ уже на Русь, какъ на суету человѣческую, а думки его стремятъ уже куда-индѣ; ему показуется жизнь въ практицѣ другою, какъ была въ теоріи, и онъ скоренько уже научился „плыти съ водою.“ И плыве... Уже его не узришь въ церкви, но съ женою польскою, а даже иногда съ русскою идъ уже въ костель, ибо туда ходитъ и старосцина и „сендзина“ и всякіи другіи „ины“, а дома уже языкъ польскій и газеты да книжки польскіи; и на фортепьянѣ играютъ патріотичныи польскіи пѣсни и жертвы даются на патріотичныи польскіи цѣли — о русскихъ же не упоминается... И всегда слышно похвалу, что то человѣкъ „умѣркованный“, умный и „политикъ...“ Жаль того хлѣба, которымъ онъ питался, н. пр. въ русскои бурѣ; жаль тѣхъ стипендій, тѣхъ пособій, которые давали ему русскіи институціи; они воспитали, если не открытого врага — ибо и такихъ не мало — то слабодуха, который еще иногда, встрѣтившись съ якимъ своимъ патріотич-

нымъ другомъ юности, скаже ему въ ухо, що онъ сердцемъ русскій человѣкъ, но обстоятельства сложились такъ, що ему невозможно явно выступати. Такъ, вмѣсто многихъ тысячъ нашихъ интеллигентныхъ людей, призванныхъ къ дѣлу въ пользу родного имъ народа, мы начислимъ лишь нѣсколько десятковъ его вѣрныхъ сыновъ, а межи тѣмъ едва нѣскольконадцать единицъ, неусыпно трудящихся для народа. Отъ духовенства же и мірской высшей интеллигенціи иде зараза низше... Такъ думаю я, старый, хотя въ будучности Руси я николи не сомнѣвался и не сомнѣваюся. Вѣрую еще по старому въ Провидѣніе и въ его Правосудіе, а написавши тѣхъ нѣсколько горькихъ словъ нашей мірской интеллигенціи, тѣмъ самымъ призываю всѣхъ изъ ней, въ которыхъ груди бьется еще русское сердце, чтобы вернулись назадъ къ народу явно и безбоязненно и показали плоды своихъ для народа дѣлъ. Намъ пужно завязывать на провинціи политичныи Общества. Дай Богъ, чтобы намъ удалось много ихъ завязати и втягнути въ нихъ больше мірской интеллигенціи, чѣмъ я въ своемъ песимизмѣ надѣюсь. Такіи провинціальные политичныи Общества, если бы намъ удалось ихъ позаводити, были бы тоже хорошимъ средствомъ: всей нашей духовной и мірской интеллигенціи къ народу сблизитись и къ нему вернуться.

Не при народѣ ли мы? Чѣмъ и гдѣ мы, интеллигенція, отступили отъ народа? — спрашиваетъ дальше И. Наумовичъ и отвѣчаетъ: Всѣмъ и всюда, на що лишь поглянемъ. Народъ называетъ себе „христіаниномъ“ (христьянинъ). Онъ гордится тѣмъ именемъ и вмѣсто: „я вижу, знаю,“ говоритъ: „христіанинъ видитъ, христіанинъ знае.“ У него всюда знамя христіанское: крестъ святой. Зайдите въ який-либо городокъ и пойдите по улицамъ и хатамъ, а вамъ не треба буде справовати: где живе русскій человѣкъ, а где полякъ? Посмотрите только на дверь: есть на ней крестъ, — тамъ живе русскій человѣкъ. Русь и христіанская вѣра такъ сжились съ собою, що „крестъ“ и у глухонѣмыхъ означаетъ русскаго человѣка. Иза нашего русскаго человѣка имѣе свой въ минітурѣ „иконостасъ,“ у Великоруссовъ „святой уголь.“ Не смотря на всякую антинародную и антихристіанскую пропаганду и даже соблазнъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ, народъ нашъ до самыхъ мелкихъ подробностей держится своего обряда и своихъ религійныхъ убѣжденій. Посмотрите, якъ нашъ человѣкъ входитъ въ церковь, якъ онъ, поцѣловавши образъ на тетраподѣ, кланяется святымъ иконамъ, а послѣ того людямъ на одну и другую стороны и стаетъ, обыкновенно, на своемъ мѣстѣ, и грѣхомъ считаетъ въ церкви сѣдати, — а отъ всего

того эманциповалась уже отчасти наша духовная и вся мирская интеллигенція и тѣмъ отступила отъ народа.

Христосъ и Русь неразлучимы. Въ Руси живе еще духъ Христовъ и она, смиренная, со своею любовью христіанскою, готовою на всякіи жертвы, должна обновити міръ, гніющій въ европейскомъ материализмѣ, въ фарисействѣ, во властелюбіи и въ западнической гордости. Намъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо стояти на стражѣ нашихъ святостей а всѣ нападенія на вѣру и церковь считати дѣломъ не только преступнымъ, но и противонароднымъ. Подъ „сближеніемъ къ народу“ я николи не разумѣлъ, чтобы чествовати темноту и народныхъ подлецовъ, чтобы „святая псомъ и бисеры свиніямъ метати,“ но для мене невыносима гордость и пониженіе честныхъ и уваженія достойныхъ крестьянъ, якихъ есть много майже въ каждомъ приходѣ, ибо такая гордость становится народнымъ преступленіемъ.... Въ крови, въ костяхъ и въ мозгахъ нашихъ сидитъ польскій шляхетка-іезуитъ, у котораго человекъ начинаеся отъ пана и *topsignor-a*, а все остальное „хамы“. Въдѣ іезуиты составляли *herbarze polskie*, где такая стѣна межи „хлопомъ“ и шляхтичемъ, а мы уже воспитаны въ такомъ языческомъ, нехристіанскомъ воздусѣ; якъ же намъ сѣсти въ сурдутъ при опанчѣ? Мы дѣлаемъ то лишь въ хатѣ селянина, где по обряду мы должны съ нимъ ѣсти, но, конечно, не въ присутствіи якого польскаго шляхтича...

„Назадъ къ народу!“ значитъ: назадъ ко Христу. Первые апостолы были бѣднѣйшіи, чѣмъ хлопы, но Спаситель не соромился съ ними ѣсти, и сыну рыбака Заведеа положитися на груди своей... А мы? Мы — западники, кругомъ западники! Мы, принявши унию, откинули, якъ бы что-то скверное, цѣлованіе на Свѣтлое Воскресенье, ибо въ цивилизованномъ Западѣ того нѣтъ и даже немислимо цѣловатися шляхтичу и интеллигенціи съ „хамомъ“. Отъ того-то Запада мы научились держати ни за что христіанскую громаду, отрицатися отца и матери, если они крестьяне, и всякого „варварства“. Говорите, що вамъ угодно, а мы таки не при народѣ! Намъ нужно вернуться къ народу и къ Христу, намъ нужно дѣломъ возлюбити народъ и почитати его, а тогда и бнѣ почититъ насъ, свою интеллигенцію, и буде всегда одно сердце, одинъ духъ — Русь!

Тѣ статьи вызвали горячую полемику въ „Словѣ.“ Именно интеллигенція обидѣлась на И. Наумовича за порицаніе еи отсталости отъ народа, а одинъ изъ нея написалъ, що „курка важнѣйша чѣмъ яйце“ а курка—интеллигенція, яйцеже народъ. Не курка за курятами, но курята должны ити за куркою. Не интеллигенція за народомъ, но народъ долженъ

ити за интеллигенцією. На то И. Наумовичъ возразилъ: Въ практицѣ не всегда такъ бываетъ. И счастье, что не всегда такъ бываетъ, ибо, если бы такъ всегда было, чтобы всегда народъ ишолъ за интеллигенцією, мы, Червоная Русь, уже давно перестали бы, яко народъ, существовати. Мы, старшіи пимятемъ, що до самого 1848 года майже вся наша интеллигенція была до крайности ополячена, ѳтъ митрополичого престола, до того мужика, который научившися въ школѣ польской грамотѣ, считалъ себе Полякомъ и считалъ себе въ правѣ ругати все русское. Но помимо того таки 1848 годъ засталъ у насъ еще живую Русь, ибо русскимъ былъ народъ. Що касается нашей интеллигенціи, то направленіе ея неразъ было противонародное. Коли нашъ народъ остался, якъ былъ ѳтъ вѣковъ, консерватистомъ, остался русскимъ, — наша интеллигенція переходила различни фазы антинародного развитія. За Польщи полячила сѣ и уподобляла свое богослуженіе латинскому; за Австріи была уже польскою и еще нѣмечилась, а въ Буковинѣ являлася еще до сихъ поръ нѣмецкою. Такимъ способомъ не можно сровнивати интеллигенціи съ куркою, а куркою треба признати самый народъ, тотъ никогда неоскудѣвающій источникъ народной жизни. Не интеллигенція творить народъ, но народъ вытворяе интеллигенцію и иде не за нею, но разомъ съ нею, если у него нѣтъ основательной причины ити противъ ней.

Первый трудъ Ив. Наумовича: „Стихъ въ честь Митрополита Михаила Левицкаго,“ былъ напечатанъ въ 1848 г. Зъ той поры бнѣ печаталъ свои стихотворенія въ слѣдующихъ галицко-русскихъ изданіяхъ: Въ „Пчелѣ“ (1849); въ „Зорѣ Галицкой“ (1850—1854); въ „Вѣстнику“ (1852); въ „Перемышлянинѣ“ (1852); въ сборнику „Весна“ (1852); въ „Отечественномъ Сборнику“ (1858, 1859); въ „Сіонѣ, Церкви, Школѣ“ (1858); въ „Зорѣ Галицкой яко Альбумѣ“ (1860). Кромѣ того бнѣ напечаталъ: „Гриць Мазниця, або мужъ заманенный,“ комедія по Мольеру (1849); „Нѣбный спутникъ,“ розсказъ („Отечественный Сборникъ“ 1853); „Якъ то легко можъ до маютку прійти“ („Зоря Галицкая“ 1849); „Слово при богослуженіи за упокой души бл. п. Якова Геровеского“ („Зоря Галицкая“ 1850); „Повѣсти для учащейся молодежи“ (1858); „Ластѳвка для русскихъ дѣтей“ (1860); „Голосъ по поводу рецензій „Зори Галицкой-Альбума“ (1860); „Стихъ въ честь Митрополита гр. Яхимовича“ (1860); нѣсколько статей о пчеловодствѣ — по русски въ „Отечественномъ Сборнику“ (1857 и 1859), по польски въ журналахъ *Przyjacieli Domowy* (1857) и *Tygodnik rolniczo-przemysłowy Krakowski* (1860) и *Dochody p. Lubienieckiego z dzierżonów*, jako obrona przeciw paści na moją osobę (1860).

Во время „обрядовщины“, коли польская печать подняла шумъ по поводу мнимой „шизмы“, Ив. Наумовичъ, чтобы успокоить умы, напечаталъ въ газетѣ *Dziennik Polski* двѣ статьи: *Odpowiedź na artykuł: Przeciw reakcyi w obrzędach grecko-unickich w Galicyi* (1861) и *Unia i reakcyja w obrzędach* (1862).

О славной статьи И. Наумовича, напечатанной въ „Словѣ“ (1866) п. з. „Поглядъ въ будущность“, мы уже говорили и навели ю выше. Въ 1871 г. Ив. Наумовичъ основалъ „Науку“ и „Русскую Раду.“ Майже всѣ статьи въ „Науцѣ“ до 1891 г. принадлежатъ перу И. Наумовича, ровно же якъ и въ приложеніи къ ней, выходившомъ п. з. „Слово Боже“ (1879—1883). Основавши въ 1874 г. Общество им. М. Качковского, онъ написалъ для его изданій слѣдующіи книжечки: 1) „Съ Богомъ“ (1875); 2) „Горить“ (1876); 3) „Максимъ-богачъ, або Божіи суды“ (1876); 4) „Кръпкая воля и неутомимый трудъ“ (1878); 5) „Сади деревину“ (1878); 6) „Розумомъ и соединенными силами“ (1879); 7) „Онуфрій Грушкевичъ“ (1881—1882); 8) „Добрая Настя,“ повѣсть (1884); 9) „Громадскій кумъ и Ивасъ Гринькѣвъ,“ повѣсть (1884); 10) „Житіе Іоан. Снѣгурского“ (1884); 11) „Поученія о земледѣльствѣ“ (1886).

Отдѣльными брошурами появились съ 1861 г.) слѣдующіи сочиненія Ив. Наумовича: 1) Пѣснь въ день тезоименитства Григорія Яхимовича, митрополита (1861); 2) Повѣсти и пѣсни для дѣтей (1864); 3) Сосѣдамъ (1861); 4) Измѣнникамъ Руси (1861); 5) Знѣмченный Юрко, комедія (1872, 1875, 1884); 6) Золотая книжечка для дѣтей (1874); 7) Святая Недѣлечка (1876); 9) Якъ чарѣвница Смычиха ѳбирала коровамъ молоко (1877); 10) Голодныи роки (1878); 11) Посланникъ сладчайшого Іисуса (1880); 12) Посланникъ св. Владимира (конфискованъ, 1830); 13) Камень вѣры (1881); 14) Научный мѣсяцесловъ (1881).

Кромѣ того онъ выдалъ въ шести выпускахъ п. з. „Читальня“ слѣдующіи сочиненія: 1) Луцъ Заливайко, повѣсть (1872, 1875); 2) Мѣсяцесловъ (1873); 3) Книжечка о всякихъ розумныхъ и пожиточныхъ рѣчахъ (1874); 4) „Народный русскій и историческій катихизмъ“ (конфискованъ, 1875); 5) Крѣслатыи тополи (1875); 6) Катихизмъ пчеловодства (1876).

Стараячись помочі каждой истинно русской и полезной для народа газетѣ, Ив. Наумовичъ за время ѳтъ 1848 до 1891 года былъ сотрудникомъ 22 галицко-русскихъ газетъ и журналѣвъ, которые представляютъ 75 рочникѣвъ, не вчисляючи въ нихъ „Науки“ и „Русской Рады.“ Вотъ тѣ газеты и журналы: 1) „Зоря Галицкая“ (1849—1851, 1853, 1854); 2) „Пчела“ (1849); 3) „Вѣстникъ“ (1852, 1853, 1857); 4) „Отечественный Сборникъ“ (1853, 1857—1859); 5) „Сіонъ,

„Церковь, Школа“ (1858); 6) „Слово“ (1861—1887); 7) „Дѣмъ и Школа“ (1863); 8) „Недѣля“ (1865, 1866); 9) „Ластѣвка“ (1869—1872, 1875—1882), 10) „Учитель“ (1869—1874); „Другъ“ (1875); 12) „Народная Школа“ (1875); 13) „Господарь и промышленникъ“ (1880—1882); 14) „Страхопудъ“ (1880, 1886); 15) „Вѣче“ (1881); 16) „Проломъ“ (1881); 17) „Родимый Листокъ“ (1881); 18) „Новое Вѣче“ (1883); 19) „Новость“ (1883); 20) „Новый Проломъ“ (1883—1887); 21) „Червоная Русь“ (1888—1890); 22) „Галицкая Русь“ (1891). Послѣдними трудами И. Наумовича въ австро-русскихъ изданіяхъ были его прекрасныя корреспонденціи изъ Кавказа, напечатанныя въ „Галицкой Руси“ (послѣдняя корреспонденція напечатана въ 98 н-рѣ той-же газеты отъ 3 (15) августа 1891) и въ „Науцѣ“ за 1891 г. (стр. 237, 378).

Еще будучи въ Галичинѣ, Ив. Наумовичъ писалъ въ газеты и журналы, издаваемые въ Россіи. И такъ въ журналъ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“ онъ напечаталъ свои стихотворенія „Измѣнникамъ Руси“ (I. томъ, 1861) и „Сосѣдямъ“ (II. томъ, 1861); послѣ онъ напечаталъ въ журналъ „Славянскій Сборникъ“ статью п. з. „О Галицкой Руси“ (томъ I. 1876). Еще раньше, ибо въ 1850 г., была представлена въ Кіевскѣмъ театрѣ по малорусски комедія Ив. Наумовича (по Мольеру) п. з. „Гриць Мазниця.“ Пѣзднѣйше печаталъ онъ свои статьи также въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: „Церковный Вѣстникъ“, „Извѣстія Славянскаго Общества“ (Петербургъ) и „Кіевское Слово“ (Кіевъ).

Будучи еще въ Галичинѣ, Ив. Наумовичъ напечаталъ въ Россіи „Апеляцію въ папѣ Льву XIII“ (1883); въ славной „Руси“ И. С. Аксакова (Москва 1884) напечатанъ его розсказъ въ переводѣ А. Д. Давидовича п. з. „Онуфрій Чарѣвникъ;“ въ духовномъ журналѣ, „Странникъ“ (Петербургъ, 1884) напечатанъ розсказъ И. Наумовича „Псалтирникъ“ (онъ выйшолъ отдѣльно въ 1888 г.). Послѣ переселенія Ив. Наумовича въ Россію, появились въ печати слѣдующіи его труды: 1) Братское слово православному христіанину о святости нашего обряда (Петербургъ, 1885); 2) Изъ воспоминаній („Современныя Извѣстія“, Москва, 1886); 3) Четыре путевода дѣла доброй жизни (Москва, 1885, 1888); 4) Ксенька Ковалиха, розсказъ („Странникъ“, Петербургъ 1887); 5) Розсказы („Церковно-приходская школа“, Кіевъ, 1887) а именно: а) Увядшій цвѣтокъ; б) Молодые годы; в) Недобрые товарищи; г) Сирота; 6) Бесѣды Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ (Кіевъ, 1888); 7) Завѣтные тополи (Кіевъ, 1888); 8) Какъ въ простотѣ люди живутъ („Странникъ“, 1888); 9) Какъ устроились общества трезвости (Москва, 1888); 10) Отецъ (Кіевъ, 1888); 11) Романъ Кузьмина („Странникъ“, 1888);

11) Пятидесятилітнє возсоединєня съ православною церковію западно-руських уніатовъ (Петербургъ, 1889).¹⁾ Нѣкоторые изъ тѣхъ трудѣвъ мали по кѣлька изданій, н. пр. книжечка „Четыре путеводители доброй жизни“ была въ Москвѣ четыре разы издана, а каждый разъ въ 20.000 экземпляровъ; „Псалтирникъ, повѣсть изъ галицко-русской жизни,“ имѣла три изданія, каждое по 20.000 экземпляровъ. Въ 1890 г. вышла у Тузова въ Петербургѣ книжечка Ив. Наумовича, „Христіанскія Добродѣтели;“ „Православный народный календарь“ на 1890 г., составленный Ив. Наумовичемъ и изданный св. синодомъ, вышелъ въ 50.000 экземпляровъ; такой-же „Календарь“ на 1891 г. напечатанъ въ 48.000 экземплярахъ. 1891 г. появилось въ Петербургѣ сочинєніє Ив. Наумовича „Книга для чтєнія о сельскомъ хозяйствѣ,“ напечатанная третьимъ изданіємъ въ 50.000 экземплярахъ. Въ 1891 г. Ив. Наумовичъ занимался составленіємъ „Календаря на 1892 г.“

Уже по смерти Ив. Наумовича вышли въ Россіи: поєсть „Сироты“ (Москва 1896) и два выпуски п. з. „Для народнаго чтєнія. Сборникъ изъ сочинєній покойнаго протоієрея Іоанна Наумовича.“ Выпуски тѣ составляютъ ѡпечатку изъ журнала „Церковно-приходская школа,“ розпространенного по всей Россіи, значитъ, сочинєнія Ив. Наумовича, написанныя для галицко-русского народа, читаются въ цѣлой безграничной Россіи, якъ они читались и читаются въ малой Галичинѣ. По случаю появленія второго выпуска упомянутого изданія (Кієвъ, 1898), выходящій въ Петербургѣ офіціальныи журналъ св. Синода, „Церковныя Вѣдомости“ (въ н-рѣ 42, 1898), такъ оцѣнилъ сочинєнія Ив. Наумовича:

„Покойный о. протоієрей всю жизнь свою трудился для народа. Рѣдкій такъ умѣетъ говорить съ нимъ. Рѣчь живая, задушевная, простая, образная, часто принимающая форму разговора со всѣми его отѣнками, народными присловьями, обычными въ разговорѣ возгласами и обращєніями, выражєніями недоумѣнія, просьбами разъяснить непонятное, выражєніями согласія въ истинѣ сказанного. Рѣдко кто зналъ нужды народа такъ, какъ онъ зналъ ихъ. Онъ зналъ и добрыя и худыя его стороны, искренно радовался всему доброму, и глубоко, до горькихъ слезъ, скорѣлъ ѡбъ его слабостяхъ и увлечєніяхъ. Всѣмъ сердцемъ онъ соучаствовалъ скорбямъ народа и всѣми силами старался поднять духъ народа и оживить его надеждою лучшей жизни. Статьи о. Наумовича не сочинєнныя по заказу (на замовленье); онѣ вылились изъ его

¹⁾ См „Матерьялы къ бібліографіи Ив. Наумовича“ И. Е. Левицкого („Бєсѣда“, Львовъ 1894) Матерьялы собраны И. Е. Левицкимъ только по 1899 г. Дальшія данныя собраны авторомъ сей біографіи

сердца по требованію жизни, въ потребныя для народа минуты. Большею частію и почти (майже) исключительно онѣ выбраны (въ упомянутѣмъ изданіи „Для народнаго чтенія“) изъ извѣстнаго журнала „Наука,“ который онѣ основалъ, много лѣтъ издавалъ и въ которомъ до послѣднихъ дней принималъ самое живое, дѣятельное участіе. Журналъ этотъ былъ органомъ его для живой и постоянной бесѣды съ народомъ. Каждое движеніе народной жизни находило здѣсь откликъ. Отсюда сообщалось народу, что новаго въ мірѣ, что дѣлается въ другихъ странахъ и въ родной землѣ, въ особенности что дѣлается на святой великой Руси, что надо дѣлать въ праздничное и буднее время, чего беречься, чѣмъ заняться, что тамъ находится — въ глубинѣ земли и въ высотахъ небесныхъ. Онѣ имѣлъ въ виду и духовныя и тѣлесныя нужды народа: разъяснялъ св. Писаніе, розсказывалъ изъ Священной и Церковной исторіи, знакомилъ съ Отцами Церкви и въ то-же время училъ, какъ воздѣлывать землю, ходить за пчелами, какъ вести домашнее хозяйство, давалъ врачебныя (лѣкарскіи) совѣты. А народъ, съ которымъ онѣ такъ просто, такъ близко и сердечно говорилъ, нашъ родной народъ древней (стародавней) Галицкой земли, тотъ-же и по происхожденію, и по языку, и по исторіи, и по жизни, и по наклонностямъ и привычкамъ, какъ и нашъ народъ, въ особенности въ Малороссіи... Правда, мы не терпимъ чуждаго, ненавистнаго ига (ярма); правда, что жизнь наша съ внѣшней стороны обставлена иначе, чѣмъ въ бѣдной Галиціи, но и у насъ нужды много, а недуговъ нравственныхъ не менѣе, чѣмъ тамъ. Многое такъ идетъ въ этихъ статьяхъ къ запросамъ нашей народной жизни, такъ отвѣчаетъ потребностямъ народнаго быта и даже настоящей минуты, что какъ будто для насъ именно писалъ галицкій учитель свои сердечныя строки.“

Книжечки И. Наумовича: „Какъ въ простотѣ живутъ люди“ (Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Петербургъ, 1891); „Христіанскія добродѣтели“ (Петербургъ, 1894), „одобрены для пріобрѣтенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерствомъ народнаго просвѣщенія“ въ Россіи (21 іюля 1894 г. н-ръ 14375), значить, тѣ книжечки находятся во всѣхъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Россіи. О первой книжечкѣ газета „Сынъ Отечества“ (н-ръ 261, 1890 г.) такъ написала: „Бывшій галицко-русскій дѣятель, протоіерей Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ, давненько уже извѣстенъ и въ нашемъ обществѣ своими разсказами изъ галицко-русской жизни. Нѣкоторые изъ его разсказовъ были переведены на нашъ языкъ, печатались въ русскихъ, преимущественно духовныхъ журналахъ и издавались даже от-

дѣльными книжками. Рисуя въ нихъ галицко-русскую жизнь, авторъ всегда касается такихъ сторонъ жизни, которыя могутъ быть болѣе всего поучительны для народа. Особенно много мѣста удѣляется въ нихъ показателямъ необходимости просвѣщенія и усерднаго исполненія заповѣдей и обрядовъ Христовой церкви.“ О первомъ изданіи книжечки „Христіанскія добродѣтели“, газета „Сельскій Вѣстникъ“ (н ръ 27, 1890) написала: „Всѣ статьи написаны разумно, для всякаго читателя понятно и потому представляютъ весьма полезное, поучительное чтеніе, особенно для молодежи, которая изъ этой книжки можетъ почерпнуть ясныя понятія о христіанскихъ добродѣтеляхъ, столь часто забываемыхъ въ нынѣшнее время.“ Другія книжечки И. Наумовича, изданныя въ Россіи, одобрены для библіотекъ церковно-приходскихъ шкѣлъ, которыхъ въ Россіи въ 1899 году было 40.000. Такимъ способомъ труды И. Наумовича приносятъ пользу для всей Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, Ив. Наумовичъ всю жизнь свою трудился для народа изъ любви къ нему... О Иванѣ Наумовичѣ можно сказать то, что сказалъ Достоевскій о Некрасовѣ: У него была „своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда, — это истинная любовь къ народу...“ Такой всеобъемлющей, глубокой любви къ народу никто въ Галицкой Руси не выказывалъ передъ И. Наумовичемъ, ибо онъ любилъ народъ за его добрыя стороны и за его горькую долю; онъ, какъ говоритъ Достоевскій о Пушкинѣ, „любилъ все, что любилъ народъ, чтилъ все, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ человѣкъ, самъ перевоплощавшійся (перемѣнявшійся) сердцемъ своимъ въ простолудина, въ суть (существо) его, почти въ образъ его.“ Ив. Наумовичъ имѣлъ полное право въ одномъ письмѣ къ автору сей біографіи сказать о собѣ:

„Я готовъ ставать на Божій судъ, что жилъ не для себя, а грѣхъ мой въ томъ, что, любя народъ, я не послужилъ своему семейству по долгу!“

Львовъ, 6 (18) мая 1899.

Опечатки.

На стр.	въ строчцѣ	вмѣсто	должно быти
1	2	дѣятельности	дѣятельности
1	6	дѣятельности	дѣятельности
1	16	або	ибо
6	1	хостела	костела
6	10	забирался	собирался
6	11		и священного писанія
7	23	паробила	наробила
7	34	платпти	платити
11	17	руского	русского
12	13	кбѣла	кбѣлка
13	18	Нольща	Польша
14	10	который	которой
15	16	яхъ	якъ
17	12	грепадиръ	гренадиръ
17	21	Паумовичъ	Наумовичъ
17	44	Паумовичъ	Наумовичъ
18	19	любовью	любовью
18	25	и тому	потому
21	2	щизмы	шизмы
21	29	дня	для
23	11	подсылали	подсылали
23	19	скужатъ	служать
23	20	861	1861
24	20	падежная	надежная
24	21	ти	та
24	33	руская	русская

24	36	Мери	Матери
26	21	каменную	каменную
27	19	зневажнпую	зневаженную
28	46	подзыскати	позыскати
29	27	подписанный	подписанный
29	46	серцѣ	сердцѣ
30	1	безъусловно	безусловно
31	17	возбужають	возбуждаютъ
32	20	паготуемъ	наготуемъ
33	4	выречепной	выреченной
33	45	кваевымъ	краевымъ
35	22	крайнимъ	крайнымъ
36	5	переробилась	переродилась
36	27	отправлялося	отправлялося
37	1	соблазнъ	соблазнъ
38		Ф. Готовскнмъ	В. Готовскимъ
42	24	корорыи	которые
45	27	дальше	дальше
45	31	голоса	голоса
46	1	тоношеніе	отношеніе
46	42	интелигенція	интелигенція
47	16	чулшихъ	лучшихъ
48	10	полулярной	популярной
49	3	вліялія	вліянія
49	28	Климентій	Климентій
49	28	Емилиаль	Емилианъ
50	3	начилными	наличными
51	20	Михалиль	Михаилъ
51	21	университена	университета
52	5	нъ	въ
53	1	меншого	мешного
54	29	Самыъ	Самымъ
54	41	почКра	початку
54	42	пѣдъ атку	подъ Кралевымъ
56	18	Погляддъ	Поглядъ
57	6	всесеніями	внесеніями
57	23	но	на
57	36	подбае	подобае
60	6	вѣмъ	всѣмъ
60	39	округѣръ	округѣвъ
61	5	литературно	литературного
61	31	русского	русского
62	35	рѣдпи	рѣдни
63	19	веего	всего
64	15	шлолахъ	школахъ
64	18	прарительства	правительства

67	22	отступникомъ	отступникомъ
67	31	65	69
67	33	69	65
67	42	гомады	громады
68	8	сему	селу
68	42	боритися	боротися
69	10	Агдыковскимъ	Авдыковскимъ
70	3	закопамъ	законамъ
71	35	Наумовичъ	Наумовича
72	5	многополезного	многополезного
73	12	во	но
74	3	пѣ	не
74	14	Владимира	Владимира
74	41	Института	Института
74	41	скажель	скажемъ
75	6	сямо	самое
75	10	именно	именно
75	16	всѣдствіе	вслѣдствіе
75	26	горориль	говориль
76	4	чилаль	читаль
76	32	мого	моего
79	22	правительства	правительства
80	34	свого	своего
80	35	Нольшу	Польшу
80	42	Караджигъ	Караджичъ
80	42	лбо	ибо
81	10	поведенья	паденья

PG 3467 .N27 .Z8 C.1
Zhit'e i deiatel'nost' Ivana N

Stanford University Libraries

3 6105 036 475 387

PG
3467
.N27.Z8

DATE DUE

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305

